

ISSN 2587-6503

<http://kigiran.com>

БЮЛЛЕТЕНЬ

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН 2024`4

ISSN 2587-6503 (Print)

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

2024. № 4

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.
ISSN 2587-6503 (Print)
2024. № 4

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социологии.

Журнал публикует статьи на русском, английском,
калмыцком и монгольском языках.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Подписной индекс в каталоге Агентства «Книга-Сервис»:

33086

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2024. No. 4

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, sociology.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Kniga-Servis Agency) — 33086

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Бакаева Э. П., д-р ист. наук; *Баянова А. Т.*, канд. фил. наук;
Ванчикова Ц. П., д-р ист. наук; *Голенкова З. Т.*, д-р филос. наук;
Дампилова Л. С., д-р фил. наук; *Денисова Г. С.*, д-р соц. наук;
Дулина Н. В., д-р соц. наук; *Жуковская Н. Л.*, д-р ист. наук;
Зайцев И. В., д-р ист. наук; *Иванова И. Н.*, д-р фил. наук;
Казиева А. М., д-р фил. наук; *Кляус В. Л.*, д-р фил. наук;
Кольцов П. М., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Лукьяшко С. И., д-р ист. наук; *Лушиников Д. А.*, д-р соц. наук;
Манджиева Б. Б., д-р фил. наук;
Музраева Д. Н., канд. фил. наук, д-р ист. наук;
Очиров У. Б., д-р ист. наук; *Пюрбеев Г. Ц.*, д-р фил. наук;
Ринчинов О. С., канд. физ.-мат. наук, д-р ист. наук;
Ситдииков А. Г., д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., д-р фил. наук; *Ярмаркина Г. М.*, канд. фил. наук

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Переводчик: Б. О. Номинханова

Дизайн: Д. В. Татнинов

Верстка: А. Н. Когданов

© КалмНЦ РАН, 2024

© Коллектив авторов, 2024

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History); *Bayanova A. T.*, Cand. Sc. (Philology);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Golenkova Z. T.* Dr. Sc. (Philosophy)
Dampilova L. S., Dr. Sc. (Philology); *Denisova G. C.*, Dr. Sc. (Sociology);
Dulina N. V., Dr. Sc. (Sociology); *Zhukovskaya N. L.*, Dr. Sc. (History);
Zaytsev I. V., Dr. Sc. (History); *Ivanova I. N.*, Dr. Sc. (Philology);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Klyaus V. L.*, Dr. Sc. (Philology);
Koltsov P. M., Dr. Sc. (History); *Krinko E. F.*, Dr. Sc. (History);
Lukjashko S. I., Dr. Sc. (History); *Lushnikov D. A.*, Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Dr. Sc. (Philology);
Muzraeva D. N., Cand. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.*, Dr. Sc. (History);
Pyurbееv G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Rinchinov O. S.*, Cand. Sc. (Physics,
Mathematics), Dr. Sc. (History); *Sitdikov A. G.*, Dr. Sc. (History);
Fokin A. A., Dr. Sc. (Philology); *Khabunova E. E.*, Dr. Sc. (Philology);
Khaninova R. M., Dr. Sc. (Philology);
Yarmarkina G. M., Cand. Sc. (Philology)

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

8, Ilshkin St., Elista 358000,

Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Traslator: B. O. Nominkhanova

Design: D. V. Tatninov

Page layout: A. N. Kogdanov

© KalmSC RAS, 2024

© Composite authors, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Археология

Кекеев Э. А. Источники по археологическим памятникам, исследованным на территории Республики Калмыкия (1929–2019 гг.): общая характеристика	8
--	---

Источниковедение

Мирзаева С. В. О тибетоязычных текстах из тувинских архивов авторства Зая-пандиты. Часть 1.	24
Тепкеев В. Т., Каманджаев Н. А. Указы и грамоты Петра I хану Аюке как источники по истории русско-калмыцких отношений	49
Манджикова Л. Б. Документы Ордынского отделения АПГИ о строительстве домов как исторический источник	64
Мучаева И. И. «Калмыцкая» коллекция Саратовского музея краеведения в контексте антирелигиозной пропаганды.	91
Белоусов С. С. Письменные источники по реализации проекта Б. Б. Городовикова по привлечению демобилизованных из Советской армии солдат для восстановления экономики Калмыцкой АССР. 1962–1965 гг.	108
Бадугинова М. В. Борьба с алкоголизмом в Астраханской области на рубеже 1970–1980-х гг. по письменным источникам из Государственного архива Астраханской области	125

Фольклористика

Горяева Б. Б. Мотив помощника в калмыцких волшебных сказках на сюжет «Мачеха и падчерица»	142
Фокин А. А. Сказки «Сиддиту Кюр» в переводе Ильи Сургучёва	161

Литературоведение

Серебрякова З. А., Ринчинова А. В. Картины природного мира в романе И. Калашникова «Жестокий век»	182
--	-----

Социология

Ковалев В. В., Дятлов А. В. Ресурсообеспеченность преподавателей российских университетов в условиях реализации менеджеристской политики	196
Чимбева И. Э. О проблеме комфортности проживания населения Республики Калмыкия	218
Бадмаева Н. В. Медицинская помощь в сельской местности Республики Калмыкия: проблемы отраслевой асимметрии в регионе	241

CONTENT

Archaeology

Kekeev E. A. Sources on Archaeological Sites studied in the Republic of Kalmykia (1929–2019): general characteristics	8
--	---

Source Studies

Mirzaeva S. V. To the Problem of Tibetan Texts from Tuvan Archives Related to Zaya pandita. Part 1	24
Tepkeev V. T., Kamandzhaev N. A. Peter the Great's Decrees and Letters to Khan Ayuka as Sources on the History of Russian-Kalmyk Relations ...	49
Mandzhikova L. B. Documents of the Horde Branch of the Astrakhan Chamber of State Property as a Source.	64
Muchaeva I. I. The “Kalmyk” Collection of the Saratov Museum of Local History in the Context of Anti-Religious Propaganda	91
Belousov S. S. Written Sources on the Implementation of B. B. Gorodovikov's Project to Attract Soldiers demobilized from the Soviet Army to Restore the Economy of the Kalmyk ASSR. 1962–1965	108
Baduginova M. V. The Fight against Alcoholism in Astrakhan Oblast at the Turn of the 1970s–1980s According to Written Sources from the State Archive of Astrakhan Oblast	125

Folklore Studies

Goryaeva B. B. The Motif of the Assistant in Kalmyk Fairy Tales for the Plot «Stepmother and Stepdaughter»	142
Fokin A. A. Tales of «Sidditu Kyur» Translated by Ilya Surguchev	161

Literary Studies

Serebryakova Z. A., Rinchinova A. V. Pictures of the Natural World in I. Kalashnikov's Novel “The Cruel Age”	182
---	-----

Sociology

Kovalev V. V., Dyatlov A. V. Resource Availability of Russian University Teachers in the Context of the Implementation of Managerialism Policy ..	196
Chimbeeve I. E. On the problem of living comfort for the population of the Republic of Kalmykia	218
Badmaeva N. V. Problems of Providing Medical Care in Rural Areas of the Republic of Kalmykia: Distribution of the Number of Medical Workers and Population Satisfaction with Medical Care	241

Источники по археологическим памятникам, исследованным на территории Республики Калмыкия (1929–2019 гг.): общая характеристика

Эрдни Анато́льевич Ке́кеев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Ке́кеев Э. А., 2024

Аннотация. *Введение.* Ключевым фактором работы по изучению источников об исследованиях археологических памятников является максимальная целостность и доступность комплекса источников по проведенным исследованиям как отдельных памятников, так и по рядам памятников, относящихся к определенным эпохам. *Целью* статьи является общая характеристика источников по археологическим памятникам, исследованным на территории Республики Калмыкия в 1929–2019 гг. *Результаты.* Описана работа по созданию свода источников: фондов археологических находок, происходящих из памятников, которые были исследованы на территории Калмыкии, но хранятся в музеях России (Саратовский областной музей краеведения, г. Саратов; Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, г. Элиста; Государственный исторический музей, г. Москва; музей Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань) и фондов отчетов о проведенных работах, которые хранятся в научных архивах (Институт истории материальной культуры РАН, Институт археологии РАН и Калмыцкий научный центр РАН). В результате проведенной работы создан свод источников по археологическим памятникам, исследованным на территории Республики Калмыкия в 1929–2019 гг. Полученные данные позволят в будущем создавать комплексные коллекции (научный отчет, публикации и фонды археологических

находок) как по отдельным памятникам, так и по сериям памятников, относящимся к определенным эпохам.

Ключевые слова: Калмыкия, Национальный музей Республики Калмыкия, Саратовский областной музей краеведения, Государственный исторический музей, музейные фонды, археологические коллекции, археологические находки, эпоха средневековья

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Кекеев Э. А. Источники по археологическим памятникам, исследованным на территории Республики Калмыкия (1929–2019 гг.): общая характеристика // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 8–23. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-8-23

Sources on Archaeological Sites Studied in the Republic of Kalmykia (1929–2019): general characteristics

*Erdni A. Kekeev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Kekeev E. A., 2024

Abstract. Introduction. The key factor in the study of sources on the research of archaeological sites is the maximum integrity and accessibility of a set of sources on the research carried out, both individual monuments and the monuments belonging to different eras. The *purpose* of the article is to describe the work on the creation of a set of sources on archaeological sites explored in the Republic of Kalmykia in 1929–2019. *Results.* The work on the creation of a set of sources is described: collections of archaeological finds originating from monuments studied on the territory of Kalmykia, but stored in museums in Russia (Saratov Regional Museum of Local Lore, Saratov), the National Museum of the Republic of

Kalmykia named after N. N. Palmov (Elista), the State Historical Museum (Moscow), the Museum of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan) and collections of the reports on the work carried out stored in scientific archives (the Institute of the History of Material Culture of the RAS, the Institute of Archeology of the RAS and the Kalmyk Scientific Center of the RAS). As a result of the work carried out, a set of sources has been created on archaeological sites explored on the territory of the Republic of Kalmykia in 1929–2019. The data obtained will make it possible in the future to create comprehensive collections (scientific reports, publications and collections of archaeological finds), both for individual monuments and for a series of monuments belonging to different eras.

Keywords: Kalmykia, National Museum of the Republic of Kalmykia, Saratov Regional Museum of Local Lore, State Historical Museum, museum funds, archaeological collections, archaeological finds, the Middle Ages

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”.

For citation: Kekeev E. A. Sources on Archaeological Sites studied in the Republic of Kalmykia (1929–2019): general characteristics. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2024; (4): 8–23. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-8-23

1. Введение

В Калмыкии, как и на территории всего бывшего Советского Союза, объемы проводимых полевых исследований в последние десятилетия заметно сократились. В то же время применяемые в археологии методы в этот период постоянно совершенствовались и теперь позволяют работать с полученным в ходе полевых археологических работ материалом на гораздо более высоком уровне, чем 30–40 лет назад. Указанные обстоятельства позволили сегодня сосредоточить свое внимание на наследии масштабных спасательных работ советского и постсоветского периодов. Ключевым фактором этой большой работы является достижение максимальной целостности и доступности комплекса источников по проведенным исследованиям как отдельных памятников, так и серий памятников, относящихся к определенным эпохам.

Целью данной статьи является описание работы по созданию свода источников по археологическим памятникам, исследованным на территории Республики Калмыкия в 1929–2019 гг.

2. Работы археологов об исследованных памятниках в Калмыкии

Первыми обобщающими работами, посвященными истории изучения археологического наследия Калмыкии, стали статьи У. Э. Эрдниева и Е. В. Цуцкина. В статье «Некоторые итоги археологических работ в Калмыкии» У. Э. Эрдниев подводит итоги 50-летней (1929–1979 гг.) работы по изучению археологических памятников на территории Калмыкии [[Эрдниев 1981: 36–45](#)]. Более подробные количественные показатели опубликованы в статье Е. В. Цуцкина «Археологические исследования Калмыкии», в которой собраны данные о проведенных раскопках с 1929 г. по 1979 г. — 27 курганных групп, 828 курганов, 2 630 погребениях [[Цуцкин 1985: 3–22](#)].

Подробно о довоенных исследованиях в Калмыкии впервые написал У. Э. Эрдниев в статье «Об археологических работах профессора П. С. Рыкова в Калмыкии» [[Эрдниев 1989: 50–55](#)]. Кроме вышеуказанных работ, необходимо выделить обобщающие работы С. М. Васюткина по истории археологических исследований памятников Калмыкии, выпущенные в виде статей «Общие сведения об археологических памятниках Калмыкии» и «Вехи калмыцкой археологии», где автор приводит основные факты о проведенных с 1929 г. по начало 2000-х гг. археологических исследованиях и выделяет основные этапы [[Васюткин 1995: 3–19](#); [Васюткин 2005: 23–34](#)].

Следующим важным шагом в изучении истории археологических исследований памятников Калмыкии стала монография М. А. Очир-Горяевой «Археологические памятники волго-манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.)», в которой приведены данные о 149 курганных группах, 1 259 курганах, 3 885 погребениях; осуществлен их комплексный анализ [[Очир-Горяева 2008](#)]. В 2021 г. вышла работа Л. А. Бембеевой и М. А. Очир-Горяевой «Археологические памятники волго-манычских степей (по мате-

риалам раскопок с 1998 по 2009 гг.)», в которой проанализирована информация о еще 39 курганных группах, 117 курганах, 413 погребениях [Бембеева, Очир-Горяева 2020: 8–53].

3. Фонды архивных источников

Следующим шагом в работе по изучению музейных коллекций, происходящих из раскопок, проведенных на территории Калмыкии, но хранящихся в разных музеях России, стал подробный анализ фондов отчетов о реализованных раскопках с целью сбора информации о первоначальной описи находок. Ввиду отсутствия в НМ РК полного свода научных отчетов о раскопках, в результате которых были сформированы данные коллекции, была проведена работа в научных архивах Института истории материальной культуры РАН (далее — ИИМК РАН), ИА РАН, НМ РК, КалмНЦ РАН и Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК). В ИА РАН, как указано выше, хранятся полевые отчеты о проведенных раскопках на территории Калмыкии, в других архивах произведена работа по сбору разрозненной информации из личных архивов руководителей раскопок: полевых дневников, негативов, фотоматериала и официальных документов (договоры, акты, описи, письма и др.).

В итоге проведенного анализа фондов полевых отчетов и их опубликованных вариантов установлено, что в научных архивах ИИМК РАН и ИА РАН хранится 76 отчетов (1929–1991 гг.). В Научном архиве КалмНЦ РАН хранится 42 отчета за период работ 1975–1991 гг. За этот период в Институт археологии РАН было передано 59 отчетов, т. е. в КалмНЦ РАН не поступило 17 отчетов. По степени введения в научный оборот фонды полевых отчетов можно разделить на два основных блока: отчеты 1929–1976 гг., которые практически полностью опубликованы, и отчеты 1977–1991 гг., изданные лишь частично. Такие специалисты, как П. С. Рыков, И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев, П. М. Кольцов, Е. В. Шнайдштейн, М. А. Очир-Горяева, практически полностью опубликовали результаты своих полевых работ периода 1929–1991 гг. [Кекеев 2023: 85–133].

Часть информации о составе коллекций была получена из опубликованных вариантов научных отчетов. Благодаря этой ра-

боте удалось усовершенствовать деятельность по восстановлению целостности коллекций путем сокращения количества «депаспортизованных» предметов.

4. Фонды археологических находок

Большим шагом в данном направлении стала работа по изучению источников по археологическим памятникам, исследованным на территории Республики Калмыкия: фондов архивных источников (текстовые отчеты и их альбомы) и фондов археологических находок.

4.1. Саратовский областной музей краеведения

Довоенные исследования в Республике Калмыкия в основном были связаны с работой профессора Саратовского государственного университета П. С. Рыкова, который передал коллекции археологических находок в Саратовский областной музей краеведения (далее — СОМК) (г. Саратов), возможно, небольшая часть использовалась в музейно-выставочной деятельности созданного Калмыцкого республиканского краеведческого музея (сейчас — Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова) (далее — НМ РК) (г. Элиста). Коллекции, поступившие от П. С. Рыкова, и сегодня хранятся в СОМК и в этом музее являются одним из основных источников по изучению археологических памятников на территории Республики Калмыкия. Судьба довоенных фондов Калмыцкого музея совершенно другая: собрания предметов музея, в том числе археологические, были утрачены в годы Великой Отечественной войны и после депортации калмыцкого народа и ликвидации Калмыцкой АССР [Очир-Горяева 2000: 181–187].

Анализ коллекций археологических находок, хранящихся в СОМК, показал, что в Саратовский музей поступили находки (изделия из различных материалов, костные останки человека и животных), обнаруженные в результате работ (раскопок и разведок) 1929–1937 гг. на территории Калмыкии. Всего в 124 курганах было обнаружено 180 инвентарных погребений, кроме того, были проведены работы по сбору археологических находок на 12 местонахождениях — 649 ед. хр. (около 1 660 предметов). Еще одним

важным результатом работы Саратовской экспедиции в Калмыкии было создание Калмыцкого национального музея в г. Элисте. Об этой работе пишет в своих статьях П. С. Рыков в журнале «Советский музей» [Рыков 1931а; Рыков 1931б].

В целом работы под руководством П. С. Рыкова были проведены на хорошем для своего времени методическом уровне. Сам факт того, что большая часть находок была передана в Саратовский музей сразу же по окончании полевых работ, свидетельствует о профессионализме участников экспедиции, проявленном при планировании и проведении этих исследований, причем практически все результаты работ 1929–1937 гг. были опубликованы в короткие сроки. Нумерация находок в учетных карточках во многих местах соответствует их нумерации в полевом отчете, что свидетельствует о составлении полевой описи в процессе полевых и камеральных работ [Кекеев 2021а: 806–824].

Сопоставление описи, составленной по опубликованным полевым отчетам П. С. Рыкова, и описей музейных коллекций показало, что комплексы в количестве 27 погребений, полностью не поступившие в Саратовский музей, насчитывали 79 находок. Можно предположить, что их могли передать в создаваемый при активном участии П. С. Рыкова в 1931–1932 гг. Калмыцкий музей в г. Элисте для экспонирования [Кекеев 2021б: 141–154]. Однако достоверно этот факт установить не возможно, поскольку, как указано выше, фонды Калмыцкого музея утрачены в годы Великой Отечественной войны.

4.2. Национальный музей Республики Калмыкия

Научные исследования археологических памятников Калмыкии были продолжены с восстановлением калмыцкой автономии и проведением крупных проектов освоения целинных земель. Именно со спасательных раскопок 1960-х гг. начинается формирование археологических фондов в Калмыцкой АССР. Судя по полевым отчетам, хранящимся в архивах Института археологии РАН (далее — ИА РАН) и Калмыцкого научного центра РАН (далее — КалмНЦ РАН), археологические коллекции поступали в разные музеи, основным из которых является НМ РК, однако часть предметов была передана в Государственный исторический музей (г. Москва) (далее — ГИМ). Ввиду малой вместимости фондов

НМ РК музей физически не мог принять весь вещественный материал, полученный в результате масштабных археологических спасательных раскопок. Так, большая часть этих коллекций (раскопки 1977–2001 гг.) стала скапливаться при учреждениях, проводивших археологические работы, — Калмыцком научно-исследовательском институте языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ, позже КНИИИФЭ, ныне — КалмНЦ РАН) и Калмыцком государственном университете им. Б. Б. Городовикова (далее — КГУ). По причине того, что у указанных учреждений основным направлением работы являются соответственно научные исследования и образовательная деятельность, большая часть коллекций оставалась в том же виде, что и поступила по окончании археологических раскопок. Это обстоятельство значительно затрудняло дальнейшую работу с данным материалом, так как отсутствовала единая опись даже отдельных коллекций. Хранение в непригодных помещениях без соответствующего надзора пагубно повлияло на часть коллекций, это особенно касается предметов, изготовленных из материалов, подвергающихся быстрому разрушению (металл, кожа, ткань, дерево и др.).

В 2001 г. при разделе имущества между Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН (КИГИ РАН, ныне — КалмНЦ РАН) и отделившимся от него Калмыцким институтом социально-экономических и правовых исследований (КИСЭПИ) (ныне — Институт комплексных исследований аридных территорий (ИКИАТ)) возникла спорная ситуация, поскольку оба института претендовали на археологические коллекции. Для быстрого разрешения этой проблемы заведующим сектором археологии и археологической лабораторией Е. В. Цуцкиным было принято решение о передаче всех коллекций в НМ РК. В течение одной ночи весь накопившийся бесценный материал был перевезен в музей [Шаральдинов, Очир-Горяева 2008: 241–244].

Условия хранения и перемещения не лучшим образом повлияли практически на все коллекции, хранившиеся в помещениях КНИИЯЛИ / КИГИ РАН и перевезенные в фонды НМ РК в 2001 г. Кроме проблемы физического разрушения отдельных предметов, встала проблема целостности отдельных коллекций. Часть находок потеряла свои шифры, некоторые частично, определенная доля предметов — полностью.

Данную проблему стали решать практически сразу после поступления этих крупных коллекций в фонды НМ РК, сотрудниками музея была проведена работа по распределению поступивших коллекций по музейным фондам: основной (ОФ), научно-вспомогательный (НВФ), временного хранения (вр), реставрации (р) и антропологии (а). Несмотря на то, что эти работы были проведены в предельно сжатые сроки, сотрудниками музея были сделаны краткие описания предметов и продублирована маркировка. Отдельно отмечались случаи частичного или полного отсутствия шифров. Однако, судя по дальнейшему изучению сформированных в 2001 г. фондов, эта работа не была доведена до конца. Отсутствовала топографическая опись коллекций, а сами предметы хранились в двух небольших отдельных комнатах без какой-либо системы. Мелкие находки (небольшие изделия из металла, кости, камня, глины и др.) были упакованы в коробки, а остальные, более крупные, предметы хранились на деревянных стеллажах и на полу (керамические и металлические сосуды, изделия из камня и др.).

Из-за хранения в непригодном помещении, переезда и постановки на учет произошло разрушение коллекций, пострадала как физическая целостность отдельных предметов, так и полнота отдельных коллекций. На каждом этапе существования коллекций были свои отрицательные факторы, влияющие на их сохранность, хранение в помещениях с нерегулируемой температурой и влажностью воздуха сказалось на сохранности находок и их бумажных бирок, а в результате постановки на учет и переписи находок хотя и были сохранены шифры, но сами коллекции были расформированы. В итоге коллекции, созданные в результате раскопок 1977–2001 гг., хранились в фондах НМ РК без сводной топографической описи, что в отсутствие какой-либо сортировки по фондам, могильникам или материалу изготовления делало работу с коллекциями весьма затруднительной.

Давно назревшая необходимость систематизации накопившихся фондов заставила провести большой объем работы по модернизации системы хранения и учета коллекций.

В 2006 г. сотрудниками КИГИ РАН М. А. Очир-Горяевой и С. В. Шаральдиновым была проведена полная опись собранных коллекций. В результате данного этапа была создана единая опись

с указанием местонахождения предметов [Очир-Горяева 2008; Шаральдинов, Очир-Горяева 2008: 241–244]. Дальнейшая работа сотрудников КалмНЦ РАН (М. А. Очир-Горяева, Э. А. Кекеев, Е. Г. Буратаев) позволила усовершенствовать систему хранения археологических фондов, проанализировать целостность большей части коллекций и организовать работу по восстановлению утраченных «паспортов» находок [Кекеев 2014: 73–77; Кекеев 2017: 91–110; Кекеев 2018: 73–85; Кекеев, Буратаев 2016; и др.].

В результате многолетней работы по подробному изучению фондов археологических находок, хранящихся в фондах НМ РК, установлено, что здесь хранится более 6 500 ед. хр. Предметы происходят из погребальных памятников (подкурганных погребений и жертвенников) и из единичных развешенных погребений, а также более 1 000 находок получено в результате изучения поселенческих памятников. Среди материалов из поселений наиболее широко представлены памятники от эпохи мезолита до бронзового века. Изучение распределения находок по материалу изготовления показало, что было использовано около 60 различных материалов. Большая часть предметов является изделиями из глины, железа, бронзы. Установлено, что абсолютное большинство составляет глиняная посуда и курительницы, несколько меньше находок, отнесенных к категории орудий труда и оружия. Третьим крупным блоком являются личные украшения и личные предметы [Кекеев 2022: 84].

4.3. Государственный исторический музей

Как указано выше, находки из археологических памятников, исследованных на территории Калмыкии, параллельно поступали в ГИМ. Известно, что в ГИМ из Калмыкии первыми поступили предметы из раскопок могильника *Архара*, в том числе зооморфный скипетр из подкурганного энеолитического погребения, исследованного в 1962 г. Этими работами руководили И. В. Синицын и У. Э. Эрдниев, которые учитывали значение ГИМ как центрального исторического музея страны. Наиболее ценные предметы из своих работ они передавали именно в ГИМ: так в Москву были переданы находки из *Элистинского могильника* (1964 г.) и могильников *Восточный Маныч* (1965–1967 гг.) (всего более 750 ед. хр.).

Поступившие материалы были разделены по эпохам: находки эпохи камня и бронзы (опись «А», 601 ед. хр.) и находки раннего железного века и средневековья (опись «Б», 155 ед. хр.). Кроме того, в фондах ГИМ хранится более 50 находок из раскопок В. П. Шиловым могильника *Ергенинский* (1981–1986 гг.) (48 ед. хр.). В последующий период на территории Калмыкии работала Н. И. Шишлина, под руководством которой были раскопаны могильники *Зунда Толга*, *Манджикины*, *Му-Шарет* и др. (1998–2001 гг.). Практически все предметы в результате данных раскопок в республике были переданы в фонды ГИМ (более 700 ед. хр.).

На основе этих находок была создана постоянная экспозиция Исторического музея — «Древние скотоводы Евразийских степей. Культуры катакомбного круга». В данной экспозиции представлены уникальные глиняные модели повозок и колес, орнаментированные глиняные сосуды и курильницы, бронзовые и костяные молоточковидные булавки, каменные топоры и булавы, бронзовые ножи, крюки и долота, а также ряд не менее значимых изделий из бронзы, кости и глины.

Кроме экспонирования в постоянной экспозиции, многие находки из археологических памятников Калмыкии регулярно публикуются в тематических каталогах. Одним из крупнейших в своем роде стал международный проект «Бронзовый век. Европа без границ». На этой российско-германской выставке представлялись уникальные предметы из памятников бронзового века. По итогам был издан каталог «Бронзовый век. Европа без границ (IV–I тыс. до н. э.)» [[Бронзовый 2013](#)]. В нем представлено более 50 предметов из погребальных памятников *Восточный Маныч*, *Ергенинский*, *Зунда Толга*, *Манджикины*, *Му-Шарет* и др. [[Бронзовый век 2013: 263, 338–339, 397–398, 403, 405–407, 409–417, 470, 564](#)].

Все вышеперечисленные находки происходят из погребальных памятников курганного типа, однако в фондах ГИМ хранится и материал из исследований поселенческих памятников (*Маныч* и *Гашун-Сала*) и сборов, сделанных в результате археологических разведок на территории Калмыкии. Материал представлен фрагментированными изделиями из глины, кости, камня и др. Найдены датированы эпохой бронзы и раннего железа (567 ед. хр.).

В результате проведенного анализа установлено, что в настоящее время в ГИМ хранится и частично выставляется материал из археологических памятников Калмыкии, объем этих фондов составляет более 2 000 ед. хр. Сформированы коллекции как погребальных, так и поселенческих памятников, датированных от бронзового века до эпохи средневековья. Хранящиеся в центральном историческом музее России экспонаты являются частью постоянных экспозиций, доступность для специалистов позволяет изучить эти предметы и использовать полученные данные в специализированных исследованиях. Находки были введены в основной фонд музея и рассортированы по фондам разных эпох, что, безусловно, повысило требования к качеству работ с этими предметами и обеспечило как физическую сохранность отдельных экспонатов, так и целостность отдельных коллекций.

4.4. Музей Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан

Отдельно необходимо привести данные о фондах археологических находок из Калмыкии, которые переданы в Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (далее — ИА АН РТ) — материалы из поселенческих памятников эпохи средневековья *Башанта-I* и *Башанта-II* (материал из работ 2017–2018 гг.). Памятник был открыт в 2008 г., когда на берегу Чапаевского озера в Городовиковском районе Республики Калмыкия обнаружили скопления тесаных камней и многочисленные фрагменты красноглиняной гончарной керамики и черепицы, датированные эпохой Хазарского каганата [Очир-Горяева и др. 2011: 63–70]. Памятнику было присвоено название *Башанта-I*. В 2010 г. на берегу р. Егорлык был открыт памятник той же эпохи и одного культурного круга — *Башанта-II*. [Очир-Горяева и др. 2017: 23–36]. Дальнейшие исследования этих памятников были проведены в период с 2015 г. по 2018 г. совместной экспедицией КалмНИЦ РАН (г. Элиста) и ИА АН РТ (г. Казань) [Очир-Горяева и др. 2017: 12–55]. В результате полевых работ были обнаружены и собраны фрагменты глиняных сосудов, черепицы и каменных строительных блоков. Находки из первых исследований были переданы в НМ РК и в его Городовиковский филиал (60 ед. хр.). Материал из

работ 2017–2018 гг. (523 ед. хр.), по предварительной договоренности, был передан в ИА АН РТ.

4.5. Школьные музеи

Приведем также краткие данные об отдельных коллекциях археологических находок, хранящихся в общественных и школьных музеях Республики Калмыкии. В 2003 г. в общественный музей п. Яшалты Н. И. Шишлина передала на хранение археологические находки, обнаруженные при раскопках могильника *Бага-Бурул* [Очир-Горяева 2008: 243–244].

Кроме этого, отдельные комплексы из подкурганых погребений бронзового века (керамические, каменные и бронзовые изделия) хранятся в общественном музее Кетченеровского района (предметы из курганов 8, 9 и 10 *Ергенинского могильника*) и Школьном музее в п. Цаган Нур (предметы из курганов 7 и 8 могильника *Цаган-Нур*) [Очир-Горяева 2008: 243].

5. Заключение

В ходе работы с источниками по археологическим памятникам, исследованным на территории Республики Калмыкия в 1929–2019 гг., были подробно изучены фонды вещественных (археологические находки) и письменных источников (отчеты, альбомы к ним, публикации).

В результате изучения фондов археологических находок установлены места хранения этих предметов. При поступлении в СОМК и ГИМ предметы были поставлены на учет и рассортированы по эпохам и памятникам, что обеспечило сохранность коллекций, облегчило доступ к ним специалистов, а также позволило использовать предметы в музейно-выставочной деятельности и в тематических публикациях. В НМ РК сложилась несколько другая ситуация: до 2007 г. накопленный материал хранился в непригодных помещениях и не имел топографической описи. Это обстоятельство в значительной степени ограничило возможности использования археологического материала в музейно-выставочной деятельности и затруднило доступ к ним специалистов. Усилиями сотрудников КалмНЦ РАН в период с 2007 г. по 2018 г. для археологических фондов НМ РК была создана единая опись и была усовершенствована система их хранения. Эта

работа облегчила доступ специалистов к находкам, в результате чего с 2009 г. вышел ряд публикаций, посвященных изучению коллекций из археологических памятников, изученных в Калмыкии в период в 1960–1970 гг., а в НМ РК были созданы постоянные экспозиции, посвященные археологическим памятникам Калмыкии.

Изучение фондов письменных источников (отчеты, альбомы, публикации) позволило установить места хранения археологических находок и степень их ввода в научный оборот. Комплексная работа с данными источниками позволила оценить целостность коллекций отдельных памятников и сократить количество находок, бирки которых были повреждены или утеряны.

Полноценному изучению фондов археологических находок способствует максимально полная информация из письменных источников. При последующей работе с фондами находок данные о памятнике из отчетов дают возможность провести более качественную систематизацию фондов, а в некоторых случаях восполнить необходимую информацию об отдельных предметах.

Литература

- Бембеева, Очир-Горяева 2021 — *Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-манычских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 8–53. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-8-53
- Бронзовый век 2013 — Бронзовый век. Европа без границ (IV – I тыс. до н. э.): каталог выставки / под ред. Ю. Ю. Пиотровского. СПб.: Чистый лист, 2013. 648 с.
- Васюткин 1995 — *Васюткин С. М.* Общие сведения об археологических памятниках Калмыкии // Материалы и исследования по археологии Калмыкии. Элиста: Калм. гос. ун-т, 1995. С. 3–19.
- Васюткин 2005 — *Васюткин С. М.* Вехи истории калмыцкой археологии // Научное наследие профессора У. Э. Эрдниева. Элиста: КалмГУ, 2005. С. 23–34.
- Кекеев 2014 — *Кекеев Э. А.* Спасательные археологические раскопки курганной группы Восточный Маныч // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 73–77.
- Кекеев 2017 — *Кекеев Э. А.* Материалы из раскопок могильника Тачин Царанг, хранящиеся в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 3. С. 91–110. DOI: 10.22162/2587-6503-2017-3-3-91-110
- Кекеев 2018 — *Кекеев Э. А.* Археологические памятники Калмыкии, ис-

- следованные И. В. Синицыным и У. Э. Эрднеевым в 1961–1970 гг.: историографический обзор // *Oriental Studies*. 2018. № 6. С. 73–85. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-73-85
- Кекеев 2021a — Кекеев Э. А. Археологические материалы из раскопок 1929–1937 гг. на территории Калмыкии (по фондам Саратовского областного музея краеведения) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 806–824. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-806-824
- Кекеев 2021б — Кекеев Э. А. Археологические предметы в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (1961–1991 гг.) // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2021. № 4. С. 141–154. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-141-154
- Кекеев 2022 — Кекеев Э. А. Археологические находки из памятников Республики Калмыкия в музеях России (количественный анализ) // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2022. № 1. С. 81–105. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-81-105.
- Кекеев 2023 — Кекеев Э. А. Полевые отчеты как источники информации об археологических памятниках Республики Калмыкия, исследованных в 1929–1991 гг. // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2023. № 1. С. 85–133. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-85-133
- Кекеев, Буратаев 2016 — Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г. Свод археологических памятников Кумо-Манычской впадины (1965–1967 гг.). Элиста: КалМНЦ РАН, 2016. 248 с.
- Очир-Горяева 2000 — Очир-Горяева М. А. Первый музей в Калмыцкой степи // *Альманах-1999. Музеи Российской академии наук*. М.: Научный мир, 2000. С. 181–187.
- Очир-Горяева 2008 — Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Очир-Горяева и др. 2011 — Очир-Горяева М. А., Карнап-Борнхейм К., Кекеев Э. А., Манжикова Л. Д. Поселение Башанта с каменными постройками эпохи средневековья // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2011. № 1. С. 63–70.
- Очир-Горяева и др. 2017 — Очир-Горяева М. А., Ситдииков А. Г., Кекеев Э. А., Нага Т., Буратаев Е. Г. Первые результаты археологических раскопок на поселении эпохи раннего средневековья Башанта-II // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2017. № 3. С. 12–55. DOI: 10.22162/2587-6503-2017-3-3-12-55
- Рыков 1931a — Рыков П. С. Калмыцкий национальный музей // *Советский музей*. 1931. № 4. С. 104.
- Рыков 1931б — Рыков П. С. Первый музей в Калмыцкой степи // *Советский музей*. 1931. № 5. С. 105–108.

- Цуцкин 1985 — *Цуцкин Е. В.* Археологические исследования Калмыкии // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 3–22.
- Шаральдинов, Очир-Горяева 2008 — *Шаральдинов С. В., Очир-Горяева М. А.* Археологические коллекции Национального музея РК и общественных музеев республики // Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. С. 241–244.
- Эрдниев 1981 — *Эрдниев У. Э.* Некоторые итоги археологических работ в Калмыкии // Развитие науки в Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИФЭ, 1981. С. 36–45.
- Эрдниев 1989 — *Эрдниев У. Э.* Об археологических работах профессора П. С. Рыкова в Калмыкии // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Саратовск. гос. ун-т, 1989. С. 50–55.

О тибетоязычных текстах из тувинских архивов авторства Зая-пандиты. Часть 1

Сагара Викторовна Мирзаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-8542-0260. E-mail: kundgabo[at]list.ru

Аннотация. В первой части исследования вводятся в научный оборот пять тибетоязычных рукописей из фондов Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, в колофонах которых содержится упоминание имени Зая-пандиты. Первым в этой линии перерождений, которая включает восемь воплощений, был известный просветитель Зая-пандита Намкай Джамцо (1599–1662), создатель ойратской письменности *тодо бичиг*. В исследовательской литературе, посвященной Зая-пандите как исторической личности и буддийскому переводчику, упоминается только его деятельность по переводу с тибетского на монгольский и ойратский языки, однако нет информации о том, писал ли он на тибетском языке, в связи с чем данное исследование представляется весьма актуальным. В статье представлены транслитерация и русский перевод следующих сочинений: «[Садхана] славного Ваджрабхайравы» и «Садхана Хаягривы» (тиб. Dpal rdo rje 'jigs byed zhes bya ba. Rta mgrin bsgrub thabs zhes bya ba bzhugs so) (инв. № 811), три списка «Ритуала принятия обета Прибежища для мирянина» (тиб. Skyabs 'gro'i dge bsnyen gyi sdom pa 'bogs chog bzhugs so) (инв. №№ 1362, 1941, 3243) и «Способ совершения подношения хозяину местности Белому старцу» (тиб. Sa bdag rgan po dkar po rten 'bul tshul zhes byas ba bzhugs so) (инв. № 1441). В результате анализа выдвинуто предположение о том, что первый Зая-пандита является автором сочинения о принятии обета Прибежища и ритуального текста культа Белого старца, а садхану Хаягривы мог составить второй Зая-пандита, современник правителя Цэван-Рабдана, имя которого упомянуто в колофоне рукописи.

Ключевые слова: тибето-монгольский буддизм, тибетский язык, Зая-пандита Намкай Джамцо, колофон, тувинские архивы, Тувин-

ский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Мирзаева С. В. О тибетоязычных текстах из тувинских архивов авторства Зая-пандиты. Часть 1 // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 24–48. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-24-48

To the Problem of Tibetan Texts from Tuvan Archives Related to Zaya pandita. Part 1

*Saglara V. Mirzaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. of Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-8542-0260. E-mail: kundgabo[at]list.ru

Abstract. This study has two parts, the first being presented in the paper. Here we consider five Tibetan-language manuscripts from the collections of the Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, in which colophons the name of Zaya-Pandita is mentioned. The first in this succession of reincarnations, including eight embodiments, was the renowned Buddhist scholar and translator Zaya pandita Namkha Jamtso (1599–1662), also known as creator of the Oirat *todo bichig* script. Research materials discussing Zaya pandita as a historical figure and Buddhist translator focus on his activity in translating from Tibetan into Mongolian and Oirat. However, there is no information on whether he wrote in Tibetan, which makes this study particularly relevant. This paper presents the transliteration and Russian translation of the following texts: “Sadhana of the Glorious Vajrabhairava” and “Sadhana of Hayagriva” (Tib. Dpal rdo rje ‘jigs byed zhes bya ba. Rta mgrin bsgrub thabs zhes bya ba bzhugs so) (inv. no. 811), three copies of the “Ritual of Taking Refuge Vow for Laymen” (Tib. Skyabs ‘gro’i dge bsnyen gyi sdom pa ‘bogs chog bzhugs so) (inv. nos. 1362, 1941, 3243), and “The Method of Offering to the Earth-Lord, the White Old Man” (Tib. Sa bdag rgan po dkar po rten ‘bul

tshul zhes byas ba bzhugs so) (inv. no. 1441). It was proposed in the paper that the first Zaya pandita composed texts “Ritual of Taking Refuge Vow for Laymen” and “The Method of Offering to the Earth-Lord, the White Old Man”, while “Sadhana of Hayagriva” can be attributed to the second Zaya pandita, the contemporary of the Dzhungaria ruler Tsewang Rabdan, whose name is mentioned in the colophon of the analyzed manuscript.

Keywords: Tibetan-Mongolian Buddhism; Tibetan language; Zaya pandita Namkha Jamtso, colophone; Tuvan archives, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”.

For citation: Mirzaeva S. V. To the Problem of Tibetan Texts from Tuvan Archives Related to Zaya pandita. Part 1. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; (4): 24–48. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-24-48

1. Введение

Статья посвящена вводу в научный оборот нескольких текстов на тибетском письме, в колофонах которых указано имя Зая-пандиты. Первым в этой линии перерождений¹ был ойратский просветитель Зая-пандита² Намкай Джамцо (1599–1662). Он известен прежде всего как создатель ойратского «ясного письма» («тодо бичиг») и буддийский деятель, активно занимавшийся переводческой деятельностью. Его перу принадлежат более 170 ойратских переводов канонических буддийских сочинений, выполненных с тибетского языка, а также 37 работ, выполненных им совместно с учениками [[Лувсанбалдан 1975: 125–128](#); [Музраева 2013: 57](#)]. В исследовательской литературе, в которой Зая-пандита рассматривается как исторический деятель, переводчик, приводится инфор-

¹ Относительно того, к кому из учителей Индии или Тибета относится эта линия воплощений, в биографии Зая-пандиты сказано в общем, что он был одним из индийских пандит [[Норбо 1999: 65](#)].

² Примерно в то же время в Халхе жил другой Зая-пандита Лувсан-принлэй (1642–1716), которого в исследовательской литературе принято называть халхаским.

мация только о том, что он переводил с тибетского на монгольский и ойратский языки, и отсутствуют данные о том, писал ли он на тибетском языке. В этой связи весьма ценным представляется ввод в научный оборот тибетоязычных рукописей из тувинских архивов, колофоны которых содержат имя Зая-пандиты. Их дальнейший анализ позволит установить, являлся ли их автором первый, ойратский, Зая-пандита или кто-то из последующих воплощений. Таким образом, представляется возможным установить данный факт в его биографии и отнести его к числу тибетоязычных авторов монгольского (ойратского) происхождения.

В линию перерождений Зая-пандиты китайские ученые с опорой на тибетские источники включают семь воплощений:

1) первый Зая-пандита, по происхождению ойрат (хошут), годы жизни 1599–1662 гг.;

2) второй Зая-пандита, по происхождению тибетец, годы жизни 1663–1698 гг.;

3) четвертый¹ Зая-пандита, по происхождению халха-монгол, годы жизни 1764–1825 гг.;

4) пятый Зая-пандита, по происхождению урат², годы жизни 1826–1833 гг.;

5) шестой Зая-пандита, по происхождению урат, годы жизни 1833–1874 гг.;

6) седьмой Зая-пандита, годы жизни 1895–[неизвестно] (цит. по: [Эрдэмт 2008: 233]).

Н. Ф. Бакараева в статье «Институт тулку в монгольском, ойратском и калмыцком буддизме» указывает, что в настоящее время официально признан Зая-пандита VIII, который был возведен на трон Далай-ламой XIV и Богдо-гэгэном и является настоятелем монастыря Лавран [Бакараева 2015: 47].

Больше всего историографических сведений о перерождениях Зая-пандиты имеется о втором его воплощении, в частности в сочинении «Лунный свет», составленном учеником первого Зая-пандиты Раднабхадрой [Норбо 1999: 101–106]. М. Эрдэмт, опираясь также на сочинение «Золотые четки» (монг. *Алтан эрхин*)

¹ Третье воплощение не указано.

² Ураты — южно-монгольский этнос, проживающий на территории Внутренней Монголии.

и биографию Далай-ламы V, утверждает, что второй Зая-пандита родился в год дракона, в 1664 г., в окрестностях Лхасы в месте под названием «Черный город» (монг. *Хар хот*), где год спустя его обнаружил ойратский Кэлэмурчи и сообщил об этом Далай-ламе. В десятый день одиннадцатого месяца 1666 г. мальчика признали воплощением Зая-пандиты и доставили в Лхасу, где Далай-лама постриг его в послушники. В четырнадцатый день седьмого 1668–1675 гг. перерожденец Зая-пандиты в сопровождении преемника первого Зая-пандиты Эркэ-цорджи не раз получал учения от Далай-ламы V [Эрдэмт 2008: 230–231]. Последнее упоминание о втором Зая-пандите в сочинении Раднабхадры относится к 1689 г., и из содержания ясно, что он жил в Тибете и за прошедшее время ни разу не приезжал к ойратам. В качестве объяснения этого факта М. Эрдэмт называет напряженную политическую ситуацию в регионе в последнее десятилетие XVII в. и в частности то обстоятельство, что тогдашний правитель Джунгарии Галдан-Бошогу-хан (1644–1697), будучи по происхождению из рода чорос, во избежание межплеменных распрей не мог приветствовать визит Зая-пандиты, поскольку первый перерожденец был хошутом [Эрдэмт 2008: 232] (более подробно см.: [Китинов 2024; Лю Цян 2022]).

2. Материалы исследования

В последнее время в тибетологии начинает осознаваться роль региональных фондохранилищ России, Монголии, Китая и других стран, в которых хранится огромный корпус тибетоязычной литературы, что обусловлено тем, что тибетский язык был языком книжной культуры для всех монгольских народов и части тюркских этносов, находившихся под монгольским влиянием. К таким фондам можно отнести научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных исследований при Правительстве Республики Тыва, каталог рукописей которого был подготовлен в результате сотрудничества тувинских и калмыцких ученых [Каталог буддийских рукописей... 2024]. Большую часть фонда составляют рукописи на тибетском языке, их более 2 000 единиц хранения. Многие из них имеют колофоны, содержащие информацию о переводчиках, переписчиках и пр., что особенно ценно для исследователей тибетской и монгольской письменной культуры.

Имя Зая-пандиты упоминается в колофонах девяти текстов¹, хранящихся под инвентарными номерами 811, 1362, 1441, 1614, 1919, 1941, 2057, 3243 и 3260. Ниже приведем их описание вместе с текстами колофонов:

811. «Dpal rdo rje 'jigs byed zhes bya ba. Rta mgrin bsgrub thabs zhes bya ba bzhugs so» («[Садхана] славного Ваджрабхайравы», «Садхана Хаягривы»). Рукопись, 4 л., 19,9 x 6,9 см, 5 стк. Колофон: ces pa 'di yang dpon mi tshe dbang rab brtan gyi kha ton tu dza ya pa+nḍi tas sbyar ba'o // bkra shis 'bar gyur cig [[Каталог буддийских рукописей... 2024: 156](#)].

1362. «Skyabs 'gro'i dge bsnyen gyi sdom pa 'bogs chog bzhugs so» («Ритуал принятия обета Прибежища для мирянина»). Рукопись, 4 л., 21,8 x 8,6 см, 7 стк. Колофон: ces pa 'di ni gsang sngags rab 'byams pas bskul ba ltar dza ya pa+nḍi tas sbyar ba'o [[Каталог буддийских рукописей... 2024: 252](#)].

1441. «Sa bdag rgan po dkar po rten 'bul tshul zhes byas ba bzhugs so» («Способ совершения подношений хозяину местности Белому старцу»). Рукопись, 6 л., 21,9 x 8,7 см, 7 стк. Колофон: ces pa 'di ni dza ya pa+nḍi das blo bzang snyan grags dge legs rnams rgyal dpal bzang po'i gra mtshan rnams kyi tha shal pa blo bzang dgon zhes kyas bsug bris pa'o [[Каталог буддийских рукописей... 2024: 262](#)].

1614. «Phyugs la rims nad god kha gcod pa bzhugs so» («Предотвращение эпидемий домашнего скота»). Рукопись, 4 л., 22 x 8,7 см, 7 стк. Колофон: / ces pa 'di ni dza ya pa+nḍi da blo bzang snyan grags dge legs rnam rgyal dpal bzang po'i slob ma rnams kyi tha shal pa blo bzang dpal mgon ming can gyis bris pa la ma gyur sems can thams cad la gnas skabs dang mthar thug gi phan bde'i rgyur gyur cig // sa+rba mangga lam // legs so // dge'o [[Каталог буддийских рукописей... 2024: 307](#)].

1919. «Phyag rdor gyis bka' bsgos bzhugso» («Благословение Ваджрапани»). Рукопись, 3 л., 19,8 x 8,6 см, 7 стк. Колофон: ces pa

¹ В сочинении № 2071 под названием «Grub chen me tra dzo ki'i lugs kyi bde mchog lha lnga'i sgrub thabs dngos grub char 'bebs bzhugs lags» («Садхана пяти божеств Чакрасамвары традиции махасиддхов Митрадзоки „Ниспослание дождя благословения“») также указано имя Зая-пандиты, но речь идет о халхаском Зая-пандите Лувсанпринлэе (тиб. dza ya paṇḍi ta blo bzang 'phrin las kyi sgyar pa'o) [[Каталог буддийских рукописей... 2024: 400](#)].

‘di {ni} tsa khar ni pan che’i spu skyel bsku ba’i // ngor dza ya pa+ṅti tas spyar ba’o [[Каталог буддийских рукописей... 2024: 369](#)].

1941. «Skyabs ’gro’i dge bsnyen gyi sdom pa ’bogs chog bzhugs so» («Ритуал принятия обета Прибежища для мирянина»). Рукопись, 3 л., 21,7 x 8,3 см, 8 стк. Колофон: ces pa ‘di ni gsang sngags rab ‘byams pas bskul ba ltar dza ya pa+ṅdi tas sbyar ba’o / bkra shis ’bar gyur cig / legs so [[Каталог буддийских рукописей... 2024: 373](#)].

2057. «Tshe ’gugs pa’i bsangs bzhugs so» («Воскурение санг, призывающее [долгую] жизнь»). Рукопись, 3 л., 16,9 x 6 см, 5 стк. Колофон: ces pa ‘di ni dza ya pa+ṅdi tas sbyar ba’o // ... par gyur cig // chos ... mangga lam / ge’o [[Каталог буддийских рукописей... 2024: 398](#)].

3243. «Skyabs ’gro dge bsnyen sdoms pa zhes bya ba bzhugs so» («Ритуал принятия обета Прибежища для мирянина»). Рукопись, 3 л., 22 x 8,8 см, 8 стк. Колофон: ces pa ‘di ni gsang sngags rab ‘byams pas bskul ba ltar dza ya pa+ṅdi tas sbyar pa’o / om a mo gha shī la / sa+mbha ra sa+mbha ra / mahā shu+ddha stwam / pa+dma bi bhu shī ta bhu dza / dha ra dha ra / sa ma+nta a wa lo ki te hum phat svā hā / [[Каталог буддийских рукописей... 2024: 426](#)].

3260. «Chos skyong dregs pa lcam sring gi sgo nas kha mchu nag po’i bzlog bsgyur gnas lcags thog ’thebs zhes bya ba bzhugs so» («Ритуал отвращения черных скандалов посредством надменного защитника дхармы Чамсринга “Удар грома метеоритного железа”»). Рукопись, 3 л., 35,6 x 11,2 (27,7 x 9,3) см, 8 стк. Колофон: ces pa ‘di ni dza ya pa+ṅti ta’i slob ma blo bzang dpal mgon ming can gyis sbyar pa’i yi ge ba ni lha bris pa mgon po skyabs // legs so [[Каталог буддийских рукописей... 2024: 432](#)].

В первой части исследования будут введены в научный оборот сочинения «Садхана Хаягривы» (инв. № 811), «Ритуал принятия обета Прибежища для мирянина» (инв. №№ 1362, 1941, 3243) и «Способ выполнения подношений хозяину местности Белому старцу» (инв. № 1441).

3. Рукописи из Научного архива ТИГПИ, в колофонах которых присутствует имя Зая-пандиты

Рукопись под инв. № 811 включает два сочинения — «Садхану славного Ваджрабхайравы» (тиб. dpal rdo rje ’jigs byed zhes bya

ba) и «Садхану Хаягривы» (тиб. rta mgrin bsgrub thabs zhes bya ba bzhugs so). Имя Зая-пандиты упоминается в колофоне второго сочинения, в колофоне первого сказано, что автор текста — монах-правитель Еше Пелджор (тиб. ces 'di lta [=lha] btsun pa ye shes dpal 'byor gyis gsungs so). Скорее всего, речь идет о Сумпа-кенпо Еше Пелджоре (тиб. Sum pa mkhan po ye shes dpal 'byor) (1704–1788), авторе сочинения «История Кукунора» (1786 г.), в котором в числе прочих событий описывается история джунгарских правителей Галдан Бошогту-хана (1644–1697), Цэван-Рабдана (1663–1727) и Галдан-Церена (1693–1745) [Жабон 2021]. Обе рукописи написаны одной рукой, имеют единое оформление, поэтому можно предположить, что они соединены не механически, а относятся к одному кругу текстов. В колофоне второго текста сказано, что он составлен Зая-пандитой для начитывания владыкой Цэван-Рабданом (тиб. ces pa 'di yang dpon mi tshe dbang rab brtan gyi kha ton tu dza ya pa+ndi tas sbyar ba'o). Цэван-Рабдан — четвертый хунтайджи Джунгарского ханства, который в 1697 г. отнял трон у своего дяди Галдан-Бошогту-хана. Из ранее известных в научных кругах источников неизвестно о связях Цэван-Рабдана с линией перерождений Зая-пандиты, а именно со вторым перерожденцем, который был его современником, и поэтому данная информация, представленная в колофоне, крайне важна с исторической точки зрения. Ниже приведем транслитерацию¹ сочинения № 811 и его русский перевод.

4. Инв. № 811

[1r] Dpal rdo rje 'jigs byed zhes bya ba rta mgrin bsgrub thabs zhes bya ba bzhugs so

[1v] (1) skyabs sems sngon du btang nas / om sba bha wa zhes pa nas ham / (2) stong pa nyid du gyur / stong pa'i ngang las sna tshogs pa+dma dang nyi ma'i steng du hum las rdo rje (3) hum gis mtshan pa yongs su gyur pa las / rang nyid dpal rdo rje 'jigs byed zhal dgu phyag (4) so bzhi zhabs bcu drug pa g.yas bskum g.yon brkyang po'i stabs kyis bzhugs pa yum (5) dang bcas pa'i skur bzhangs pa'i spyi bor om / mgrin par ā thugs kar hum / thugs ka'i [2r] (1) hum las 'od zer 'phros

¹ Здесь и далее используются следующие обозначения: в квадратных скобках указаны номер страницы, в круглых скобках — номер строки, в фигурных скобках — вставка в тексте, в квадратных скобках со знаком равенства — правильное написание.

bsgoms pa dang / 'dra ba'i ye shes pa dang dbang (2) lha rnam spyang drangs / dza hum bam ho / dam tshig pa dang gnyis su med par gyur / dbang gi lhas (3) dbang bskur / mi bskyod bas brgyan bar gyur / mchod pa 'bru gsum gyis byin gyis rlabs / (4) om ya mā+nta ka nas sha+pta sbā hā / om ya mā+nta ka nas om ā hum / gzugs mchog nas (5) phyag 'tshal lo / om ya mā rā dza sa do me ya / ces pa nas hum phaṭ / om hrī shti wi kri tā [2v] (1) na na hum phaṭ / om ya mā+nta ka hum phaṭ / zhes ci mang bzlas ba'o / mjug tu yig brgya brjod / gtor (2) ma 'bul bar 'dod na 'bru gsum gyis byin gyis rlabs / om ya mā+nta ka nas khā hi / om yā mā+nta (3) ka nas a rgham sogs kyi sngar bzhin mchod bstod bya zhing / dge ba 'di yis nas shog / zhes sogs (4) bsngo ba smon lam bya'o / ces 'di lta btsun pa ye shes dpal 'byor gyis gsungs so // (5) bkra shis 'bar gyur cig // [3r] (1) na mo gu ru / 'dir rta mgrin bsgrubs bar 'dod bas / skyabs 'gro sems bskyed (2) sngon du btang / sba bha was sbyangs / stong pa'i ngang las pa+dma dang nyi ma dang ru dra bsnol pa'i steng (3) na / rang nyid skad cig gis dbang drag pa+dma rta mgrin g.yas gri gug dang g.yon thod khrag 'dzin (4) pa / rta mgo ljang khu rta skad 'tsher ba / dur khrod kyi chas brgyad kyis brgyan pa / ye shes kyi (5) me 'bar ba'i dbus na bzhugs pa / de'i spyi bor om / mgrin par ā thugs kar hum / [3v] (1) de las 'od 'phros / bsgoms pa dang 'dra ba'i ye shes pa dbang lha dang bcas pa spyang drangs / (2) dza hum bam ho / gnyis su med par gyur / dbang gi lhas dbang bskur / 'od dpag med kyis (3) dbu brgyan par gyur / om ā hum gis byin gyis brlabs la / pa+dma nta krid a+rgham nas sha+pta'i (4) bar gyis mchod / dus gsum sangs rgyas thams cad kyi / mthu stobs thams gcig (5) bsdus nas / khro bo'i rgyal po'i skur ston pa / rta mchog dpal lha phyag 'tshal lo // [4r] (1) bzlas pa ni / rang gi thugs kar nyi ma'i gdan la hum yig gi mthar bzlas (2) bya'i sngags kyis bskor bar bsam la / hrī ba+dzra kro dha ha yaṃ grī ba hu lu hu lu hum phaṭ / ces gang (3) mang bzla / yig brgyas lhag chad bskang / mjug tu / dge ba 'di yis myur tu bdag / pa+dma dbang chen grub (4) shog // ces sogs bsngo ba dang bkra shis bya'o / ces pa 'di yang dpon mi tshe dbang rab brtan gyi kha ton tu (5) dza ya pa+ndi tas sbyar ba'o // bkra shis 'bar gyur cig //

[Садхана] славного Ваджрабхайравы, Садхана Хаягривы

Вначале примите Прибежище. Затем, начиная с «Ом свабха-ва...», [представьте, как в завершении] слог *хам* растворяется в пустоте. Затем из слога *хум*, расположенного на восьмилепест-

ковом лотосе и диске солнца, из украшенного ваджрным слогом хум, полностью совершенного, я превращаюсь в девятиликого Ваджрабхайраву¹, с тридцатью четырьмя руками, шестнадцатью ногами, правая нога согнута, левая направлена вперед, в паре с супругой, на уровне лба слог *ом*, на уровне горла *а*, на уровне сердца хум. Из этих слогов исходит свет, лучами которого приглашаются божества мудрости и посвящения. *Дза хум бам хо*. Ты становишься нераздельным от самаясаттвы². Божества посвящения даруют тебе посвящение. Ты украшен образом Акшобхьи³ и получаешь благословение трех семенных слогов подношений. Начиная с «*Ом ямантака...*» и заканчивая «*шанта сваха*», начиная с «*Ом ямантака...*» и заканчивая «*ом а хум*». Поклоняюсь высшему образу *Ом ямараджа садо мейя*. Затем [скажи] «*Хум пхэт. Ом хри шти-ви крита нана хум пхэт*». Начитывай «*Ом ямантака хум пхэт*» столько раз, сколько сможешь. В конце прочитай стослоговую мантру. Если хочешь поднести торма⁴, благослови их тремя слогами. Начиная с «*Ом ямантака...*» и заканчивая «*кхахи*», начиная с «*Ом ямантака...*» до «*аргхам*» и пр., как и прежде, [выполни] подношение, восхваление, посвящение заслуг и пр. и прочитай молитвы устремлений и посвящения. Это даровано монахом-правителем Еще Пелджором. Да будет благо!

Намо гуру. Если хочешь выполнить практику Хаягривы⁵, вначале прими Прибежище и зароди бодхичитту. Очисти с помощью [мантры] «*свабхава*». Из пустоты на диске из лотоса, солнца и перекрещенных [тел] демонов рудра⁶ я мгновенно преображаюсь в лotosового Хаягриву, подавляющего и гневного. В правой руке

¹ Ямантака — защитник Дхармы, гневная форма бодхисаттвы Манджушри.

² Самаясаттва — божество самайи (обета), которым визуализирует себя практикующий во время пути зарождения.

³ Акшобхья — один из пяти будд мудрости в буддизме Ваджраяны.

⁴ Торма — ритуальное подношение из муки и масла, используемое в тантрических ритуалах.

⁵ Хаягрива — гневная ипостась бодхисаттвы Авалокитешвары, в иконографии изображается имеющим человеческое тело и лошадиную голову.

⁶ Рудра — демон, символизирующий эгоцентризм.

он держит искривленный нож, в левой — капалу¹ с кровью. Лошадиная голова зеленого цвета издает ржание. Он украшен кладбищенскими украшениями, вокруг него пылает пламя изначальной мудрости. На макушке слог *ом*, в горле слог *а*, в сердце *хум*. Из них излучается свет. Представляй так, и таким образом приглашаются божества изначальной мудрости и посвящений. *Дза хум бам хо*. Ты становишься нераздельным с ними. Божества посвящений даруют посвящения. Макушка украшена образом Амиабхи². Благослови с помощью слогов *ом а хум*, выполни подношение, начиная с «*Падма такрит аргхам*» и до «*шанта...*». Сбрав воедино силу всех будд трех времени, он проявился в образе гневного царя. Поклоняюсь славному, божественному, лучшему из скакунов. Начитывай мантру и представляй, как вокруг слога *хум*, расположенного в твоём сердце на солнечном диске, вращается цепочка слогов мантры. Начитывай как можно больше «*Хри ваджра кродха хаягрива хулу хулу хум пхэт*». Выполняй дополнительное начитывание стослоговой мантры и в конце выполни посвящение заслуг. Пусть исполнится [практика] Великого Лотосового [Херуки]. [Сочинение] составил Зая-пандита для начитывания Цэван-Рабданом. Да будет благо!

Следующее сочинение, колофон которого содержит имя Зая-пандиты, — это «Ритуал принятия обета Прибежища для мирянина» (тиб. skyabs 'gro'i dge bsnyen gyi sdom pa 'bogs cho ga bzhuḡso). Можно предположить, что автором этого сочинения мог быть первый Зая-пандита, поскольку в его биографии много раз подчеркивается факт его активной проповеднической деятельности по объяснению основ буддийской веры, например: «Кроме того, святейший Зая-пандита установил для принявших обеты гэлунга, гэцуля, банди, убаша и убасанцы правила, как соблюдать однодневный пост, принимать посвящение-абишиг и проч.» [Норбо 1999: 64]. Данное сочинение представлено в трех списках — инв. №№ 1362, 1941, 3243. Различия между ними незначительные, ниже приведем транслитерацию трех текстов и перевод:

¹ Капала — чаша из человеческого черепа, используемая в качестве ритуального предмета.

² Амиабха — один из пяти будд мудрости в буддизме Ваджраяны.

5. ИИБ. № 1362

[1r] Skyabs ‘gro’i dge bsnyen gyi sdom pa ‘bogs cho ga bzhugs
so

[1v] (1) om swa sti / sgrib gnyis bag chags bcas spangs shing / ji ltar ji snyed chos rnams kun // (2) gsal la ma ‘dre mngon par mkhyen / thams mkhyen par phyag ‘tshal lo / de la ‘dir skyabs ‘gro dge bsnyen gyi sdom pas (3) ‘bogs par ‘dod pas / ston pa’i sku bkram / de’i mdun du mchod pa rgyas par bsams / bsgrub bya ston pa dang slob (4) dpon rang nyid la phyag gsum ‘tshal du bcug gnas ‘di ltar ‘o lags / khyed rang bsam pa ‘di bzhin du mdzod // (5) ma gyur nam mkha’ mtha’ dang mnyam pa’i sems can thams kyi don du myur ba myur bar yang dag par rdzogs pa’i (6) sangs rgyas kyi go ‘phang rin po che ci nas kyang thob par bya / de’i phyir du skyabs bgro’i [=‘gro’i] dge bsnyen gyi sdom pa (7) blangs la ma shi bar du bsrung skam [=snyam] pas sangs {rgyas} la skyabs su ston pa po / chos la skyabs dngos dge ‘dun [2r] (1) la skyabs sgrub pa’i zla grogs zhus pa’i sgo nas sdom pa zhu skam [=snyam] pas ‘di’i rjes zlas bgyi / sngar chos ‘brel yod na // (2) slob dpon dgongs su gsol / zhes brjod / chos ‘brel med na / btsun pa bgongs [=dgongs] su gsol / bdag ming ‘di (3) zhes bgyi ba dus ‘di nas bzung ste ji srid ‘tsho’i bar du rkang gnyis rnams kyi mchog / sangs rgyas la (4) skyabs su ‘chi’o [=mchi’o] / ‘dod chags dang bral pa rnams kyi mchog / chos la skyabs su ‘chi’o [=mchi’o] / ‘tshogs (5) rnams kyi mchog / dge ‘dun la skyabs su ‘chi’o [=mchi’o] / bdag ji srid ‘tsho’i bar du skyabs gsum (6) ‘dzin pa dge bsnyen du btsun pas gzung du gsol / lan gsum / gsum pa’i skabs dge bsnyen du zhes pa’i (7) tshig rdzogs pa dang dus mnyam tu sdom pa skye pa’i brnga [=brda] sprad / de’i dus su ‘bogs pa po slob dpon du gyur zin [2v] (1) pas / btsun pas bzung du gsol / zhes pa’i tshab tu / slob dpon gyis bzung du gsol // (2) zhes brjod / slob dpon gyis / thabs yin no / zhes brjod pa’i tshe slob mas / legs so // (3) zhes brjod / yongs rdzogs dge snyen ma gtogs ‘di’i bslab bya {r} dngos su ma bstan kyang {don gyis} tshang pa ni // (4) chos la skyabs su ‘gro bas sems can la gnod tshe spong dgos pas na srog gcod rkun ‘phrog gis (5) longs spyod la gnod pas ma byin len skyes pas gzhan gyi mchi brang dang bud med kyis khyog [=khyo ga] gzhan dang ‘grogs (6) pas ‘dod log brdzun phra ma tshig rtsub sogs kyis pha rol gyi lus sems la gnod pas brdzun de thams (7) kyi rtsa ba myos ‘gyur gyis byed pas chang yang spong dgos shing brnab sems ma byin len dang gnod sems [3r] (1) srog gcod kyi khongs su gtogs / log ltas sdom pa gtor bas na / mi dge ba bcu

spong pa la bslab (2) dgos so / skyabs 'gro bslab bya na / sangs rgyas la skyabs su 'gro bas phyi rol pa'i lha dang 'jig rten pa'i lha la phyag (3) mchod mi bya / sku gzugs mchod rten ci 'dra na'ang sangs rgyas dngos kyi 'du shes kyis gus par bya / chos kyi bslab byar (4) mu stegs pa sogs bstan pa la mi dad pa rnam̐s dang mi 'grogs dge 'dun gyi rigs la mi gus pa spongs shing / bsnyen bkur (5) bar bslab / dge ba gang byas dkon mchog gsum̐ dang mi 'bral bar bsngo ba dang / thun mongs [=mong] du bla ma dam pa bsten nas dam (6) chos nyan pa dbang po'i sgo ba sdoms pa / sdom pa ci nus su len {pa} / rgyal pa sras bcas mnyes pa'i phyir sems can (7) gnod 'tshe spong pa la phan gtags / nyin mtshan dus drug ma ma grub na nyin mtshan re rer 'grub 'byor na mchod pa byas (8) sems la gnod 'tshe spong / glegs bam mer bsreg tshong ba sogs mi gus pa spang / dge 'dun gyi bslab byar [3v] (1) pa dang / mtha' yang chu gtsang tsam gyis mchod pas mtshon pa'i dngos bsham̐s yid sprul gyis mchod legs nyes ci (2) byung yang skyabs gzhan mi 'tshal bar dkon mchog la gsol ba btab cing srog la babs kyang skyabs mi spong pa (3) sogs sgrub pas mchod pas mchod par bya'o / smras pa / gnas skabs 'bras bu lha min dang / mthar thug 'bras bu (4) byang chub gsum / thob byed sdom pa 'bogs cho ga 'di / dza ya ba+n̄di yis sbyar / {dge ba 'di yi skye po} dge bas bdag dang 'gro ba rnam̐s / tshe rab (5) kun tu dal 'byor rten / thob rnam̐s lam kun 'grod de / kun mkhyen go 'phang myur thob shog / {thar ba'i rgyal mtshan brtan pa gyur cig /} ces pa 'di ni gsang sngags (6) rab 'byams pas bskul ba ltar dza ya pa+n̄di tas sbyar ba'o // [4r] (1) tshangs par spyod pa 'tshe'i phyin par gyur cig / tshul khirms kyi phung po yongs rdzogs (2) par gyur cig / skye ba dang tshe rabs thams du rab tu byung ba'i tshul khrems [=khirms] rnam̐s par dag pa dang (3) ldan par gyur cig / bkra shis par cig /

6. ИHB. № 1941

[1r] Skyabs 'gro'i dge bsnyen gyi sdom pa 'bogs chog bzhugso

[1v] (1) om swa sti / sgrib gnyis bag chags bcas spangs shing / ji ltar ji snyed chos (2) rnam̐s kun / gsal la ma 'dre mngon par mkhyen / thams cad mkhyen par phyag 'tshal (3) lo / de la 'dir skyabs 'gro dge bsnyen gyi sdom pas 'bogs par 'dod pas / ston pa'i sku bkram / de'i mdun du (4) mchod pa rgyas par bshams / bsgrub bya ston pa dang slob dpon rang nyid la phyag gsum̐ 'tshal du bcug gnas 'di ltar (5) 'o lags / khyed rang bsam pa 'di bzhin du mdzod / ma gyur nam mkha' mtha' dang mnyam pa'i sems can thams cad (6) kyi don du myur ba myur

par yang dag par rdzogs pa'i sangs rgyas kyī go 'phang rin po che ci
 nas kyang thob par bya / de'i phyir du (7) skyabs bgro'i [= 'gro'i] dge
 bsnyen gyi sdom pa blangs la ma shi bar du bsrung snyam pas sangs
 rgyas la skyabs su ston pa po / chos la skyabs dngos dge (8) 'dun la
 skyabs sgrub pa'i zla grogs zhus pa'i sgo nas sdom pa zhu snyam pas
 'di'i rjes zlos bgyi / sngar chos 'brel yod na / [2r] (1) slob dpon dgongs
 su gsol / zhes brjod / chos 'brel med na / btsun pa dgongs su gsol / (2)
 bdag ming 'di zhes bgyi ba dus 'di nas bzung ste ji srid 'tsho'i bar du
 rkang gnyis rnams kyī (3) mchog / sangs rgyas la skyabs su mchi'o /
 'dod chags dang bral pa rnams kyī mchog / (4) chos la skyabs su mchi'o
 / 'tshogs rnams kyī mchog / dge 'dun la skyabs su 'chi'o [= mchi'o] / (5)
 bdag ji srid 'tsho'i bar du skyabs gsum 'dzin pa dge bsnyen du btsun
 pas gzung du gsol / (6) lan gsum brjod / gsum pa'i skabs dge bsnyen du
 zhes pa'i tshig rdzogs pa dang dus mnyam du sdom pa skye pa'i brda
 sprad / (7) de'i dus su 'bogs pa po slob dpon du gyur zin pas / btsun pas
 bzung du gsol / zhes pa'i tshab tu / (8) slob dpon gyis bzung du gsol /
 zhes brjod / slob dpon gyis / thabs yin no / zhes brjod pa'i tshe [2v] (1)
 slob mas / legs so / zhes brjod / yongs rdzogs dge bsnyen ma gtogs 'di'i
 bslab byar dngos su ma bstan kyang don gyis tshang ba (2) ni / chos la
 skyabs su 'gro bas sems can la gnod tshe spong dgos bas na srog gcod
 rku 'phrog gis longs spyod la gnod pas (3) ma byin len skyes pas gzhan
 gyi mchi brang dang bud med kyis khyog gzhan dang 'grogs pas 'dod
 log brdzun phra ma tshig rtsub sogs (4) kyis pha rol gyi lus sems la gnod
 pas brdzun de thams kyī rtsa ba myos 'gyur gyis byed pas chang yang
 spong dgos shing / (5) brnab sems ma byin len dang / gnod sems srog
 gcod kyī khongs su gtogs / log ltas sdom pa gtor bas na / (6) mi dge ba
 bcu spong pa la bslab dgos so / skyabs 'gro bslab bya na / sangs rgyas la
 skyabs su 'gro bas phyi rol pa'i lha dang (7) 'jig rten pa'i lha la phyag
 mchod mi bya / sku gzugs mchod rten ci 'dra na'ang sangs rgyas dngos
 kyī 'du shes kyis gus par (8) bya / chos kyī bslab byar sems can la gnod
 'tshe spong / glegs bam mer bsreg tshong ba sogs mi gus pa spang /
 [3r] (1) dge 'dun gyi bslab byar mu stegs pa sogs bstan pa la mi dad pa
 rnams dang mi 'grogs dge 'dun gyi (2) rigs la mi gus pa spongs shing
 / bsnyen bkur bar bslab / dge ba gang byas dkon mchog gsum dang mi
 'bral (3) bar bsngo ba dang / thun mong du bla ma dam pa bsten nas
 dam chos nyan pa dbang po'i sgo bsdoms pa / sdom pa ci nus (4) su len
 pa / rgyal pa sras bcas mnyes pa'i phyir sems can gnod 'tshe spong pa la

phan gtags / nyin mtshan dus (5) drug ma ma grub na nyin mtshan re rer 'grub 'byor na mchod pa byas pa dang / ma mtha' yang chu gtsang tsam gyis (6) mchod pas mtshon pa'i dngos shams [=bshams] yid sprul gyis mchod legs nyes ci byung yang skyabs gzhan mi 'tshal bar (7) dkon mchog la gsol ba btap cing srogs [=srog] la babs kyang skyabs mi sponge pa sogs sgrub pas mchod pas mchod par bya'o / (8) sgras [=smras] pa gnas skabs 'bras bu lha min dang / mthar thug 'bras bu byang chub gsum / thob byed sdom pa 'bogs chog 'di / [3v] (1) dza ya ba+ndi ta yis sbyar / dge bas bdag dang 'gro ba rnams / tshe rabs kun tu dal 'byor rten / thob rnams lam kun (2) 'grod de / kun mkhyen go 'phang myur thob shog / ces pa 'di ni gsang sngags rab 'byams pas bskul ba ltar dza ya pa+ndi tas sbyar (3) ba'o // bkra shis 'bar gyur cig // legs so //

7. ИИВ. № 3243

[1r] Skyabs 'gro dge bsnyen gyi sdoms pa zhes bya ba bzhugso

[1v] (1) om sba sti / sgrib gnyis bag chags bcas spangs shing / ji ltar ji snyed chos rnams kun / (2) gsal la ma 'dre mngon par mkhyen / thams cad mkhyen par phyag 'tshal lo / de la 'dir skyabs 'gro dge bsnyen (3) gyi sdoms pa 'bogs par 'dod pas / ston pa shā+kyā'i sku bkram / de'i mdun du mchod pa rgyas par bshams / bsgrub bya ston pa dang slob dpon (4) rang nyid la phyag gsum 'tshal du bcug gnas 'di ltar 'o lags / khyed rang bsam pa 'di bzhin du mdzod / ma gyur nam mkha' mtha' dang mnyam (5) pa'i sems can thams cad kyi don du myur ba myur par yang dag par rdzogs pa'i sangs rgyas kyi go 'phang rin po che ci nas kyang thob par bya / de'i phyir du skyabs (6) 'gro'i dge bsnyen gyi sdoms pa blangs la ma shi bar du bsrung snyams pas sangs rgyas la skyabs su ston pa po / chos la skyabs dngos dge 'dun la skyabs su (7) sgrub pa'i zla grogs zhus pa'i sgo nas sdom pa zhu snyam pas 'di'i rjes zlos bgyi / sngar chos 'brel yod na / slob dpon dgongs su gsol / (8) zhes brjod / chos 'brel med na / btsun pa dgongs su gsol / bdag ming 'di zhes bgyi pa dus 'di nas bzung ste ji srid [2r] (1) 'tsho'i bar du rkang gnyis rnams kyi mchog / sangs rgyas la skyabs su mchi'o / 'dod chags dang (2) bral ba rnams kyi mchog / chos la skyabs su mchi'o / tshogs rnams kyi mchog / dge 'dun la skyabs su mchi'o / bdag ji srid 'tsho'i bar du skyabs gsum 'dzin pa dge bsnyen du btsun pas gzung du gsol / (3) lan gsum / gsum pa'i skabs dge bsnyen du zhes pa'i tshig rdzogs pa dang dus mnyam du sdoms pa skye ba'i brda sprod / de'i dus su 'bogs

pa po slob (4) dpon du gyur zin pas / btsun pas bzung du gsol zhes pa'i
 tshab tu / slob dpon gyis bzung du gsol / zhes brjod de slob dpon (5)
 gyis / thabs yin no / zhes brjod pa'i tshe slob mas legs so / zhes brjod
 / yongs rdzogs dge bsnyen ma gtogs 'di'i bslab bya dngos su (6) ma
 bstan kyang don gyis tshang ba ni / chos la skyabs su 'gro pa'i [=ba'i]
 sems can la gnod tshe spong dgos pas na srog gcod rku 'phrog gis longs
 spyod la gnod (7) pas ma byin len skyes pas gzhan gyi mchi brang dang
 bud med kyis khyo ga gzhan dang 'grogs pas 'dod log brdzun phra ma
 tshig rtsub sogs kyis pha rol [2v] (1) gyi lus sems la gnod pas brdzun
 de thams kyis rtsa ba myos 'gyur gyis byed pas chang yang spong dgos
 shing / brnabs sems ma byin len dang / (2) gnod sems srog gcod kyi
 khongs su gtogs / log lta sdoms pa gtong pas na / mi dge ba bcu spong
 pa la bslab dgos so / (3) skyabs 'gro bslab bya na / sangs rgyas la skyabs
 su 'gro pas phyi rol pa'i lha dang 'jig rten pa'i lha la phyag mchod mi
 bya / sku gzugs (4) mchod rten ci 'dra na'ang sangs rgyas dngos kyi
 'du shes kyis gus par bya / chos kyi bslab byar sems can la gnod 'tshe
 spong / glegs bam mer bsreg (5) tshong ba sogs mi gus par spang / dge
 'dun gyi bslab byar mu stegs pa sogs bstan pa la mi dad pa rnams dang
 mi 'grogs dge 'dun gyi rigs la (6) mi gus pa spong shing / bsnyen bkur
 par bslab / dge ba gang byas dkon mchog gsum dang mi 'bral bar bsngo
 ba dang / thun mong du bla ma dam pa bsten (7) nas / dam chos nyan
 pa dbang po'i sgo bsdoms pa / sdoms pa ci nus su len pa / rgyal ba sras
 bcas mnyes pa'i phyir sems can la gnod tshe spong pa la (8) phan gtags
 / nyin mtshan dus drug ma ma grub na nyin mtshan re rer 'grub 'byor
 na mchod pa byas pa dang / ma mtha' yang chu gtsang tsam gyis mchod
 pas [3r] (1) mtshon pa'i dngos bshams yid sprul gyis mchod legs nyes
 ci byung yang skyabs gzhan mi 'tshal par dkon mchog la gsol ba (2)
 btab cing srog la babs kyang skyabs mi spong pa sogs sgrubs pas mchod
 pas mchod par bya'o / smras pa / gnas skabs 'bras bu lha mi dang / (3)
 mthar thug 'bras bu byang chub gsum / thob byed sdom pa 'bogs chog
 'di / dza ya pa+n̄di ta yis sbyar / (4) dge bas bdag dang 'gro ba rnams
 / tshe rabs kun tu dal 'byor rten / thob nas sa lam kun bgrod de / kun
 mkhyen (5) go 'phang myur thob shog / ces pa 'di ni gsang sngags rab
 'byams pas bskul ba ltar dza ya pa+n̄di tas sbyar pa'o / om a mo gha
 shī la / sa+mbha ra (6) sa+mbha ra / mahā shu+ddha stwam / pa+dma
 bi bhu shī ta bhu dza / dha ra dha ra / sa ma+nta a wa lo ki te hum phat
 svā hā /

Ритуал принятия обета Прибежища для мирянина

Ом свасти. Ты отбросил два вида скверны¹ и кармические отпечатки² и полностью без загрязнений ясным образом познал все явления, поклоняюсь Всеведущему³.

Если желаете принять обет Прибежища для мирянина, приготовьте статуя Учителя. Перед ней расставьте подношения и атрибуты для практики и мысленно [обратитесь так:] «Я совершаю перед Вами три простирания и буду действовать в соответствии с Вашими помыслами. Я любым способом и как можно скорее достигну драгоценного уровня полностью совершенного Будды ради блага всех живых существ, ставших мне матерями, число которых равно пространству. Ради этого я принимаю обет Прибежища для мирянина и вплоть до смерти буду его хранить».

Обратитесь за обетом Прибежища к Будде, который показал, что такое Прибежище, к Дхарме, которая является сутью Прибежища, к Сангхе, которая сопровождает вас в практике Прибежища, и повторяйте вслед за ними. Если прежде была связь с Дхармой, [говорите:] «Учитель, услышь меня». Если связи с Дхармой не было, [скажите:] «О благородный, услышь меня. Я по имени ..., начиная с этого времени в течение всей своей жизни принимаю Прибежище в Будде, высшем из людей⁴. Принимаю Прибежище в Дхарме высших из тех, кто отбросил желание и привязанность. Принимаю Прибежище в Сангхе высших из собрания. Прошу благородных даровать мне обет мирянина в трех объектах Прибежища, который я буду держать на протяжении всей своей жизни». Так повторите три раза. Одновременно с тем, как вы закончите повторять слова в третий раз, будет дан знак о том, что обет принят. В это время скажите Учителю, который дарует обет: «О благородный, прошу даровать» либо «О Учитель, прошу даровать». Учитель говорит: «Да будет так»⁵. Ученик говорит: «Хорошо».

¹ Два вида скверны — омрачение клешами (эмоциями) и омрачение познанием.

² Кармические отпечатки — привычные склонности или предрасположенности, которые влияют на поведение человека в настоящем.

³ Всеведущий — эпитет Будды.

⁴ Букв. 'двуногих'.

⁵ Букв. 'таков метод'.

Если [речь идет] не только о [принятии] совершенного [обета] мирянина, но и о том, чтобы на самом деле следовать этим наставлениям, принимая Прибежище в Дхарме, нужно отбросить причинение вреда живым существам, лишение их жизни, приношение убытка путем воровства, отбирание того, что не было дано, неправильные желания по отношению к чужим женам и мужьям, ложь, клевету, грубую речь, наносящие вред телам и умам других живых существ, употребление алкоголя и одурманивающих веществ. Необходимо отбросить алчность, не брать то, что не дано, не приносить вред и не лишать никого жизни. Отбрасывая принятие обета с ложным пониманием, необходимо практиковаться в отречении от десяти грехов. Если желаете упражняться в принятии Прибежища, принимая Прибежище в Будде, не стоит делать подношения другим¹ богам или мирским божествам. Каковы бы ни были внешние объекты почитания, нужно с почтением понимать, что сущность их — это Будда. Нужно отречься от общения с людьми, придерживающимися неверных воззрений, отбросить проявление неуважения к Сангхе и практиковать почтительность. Любые благие заслуги надо неразрывно посвящать Трем Драгоценностям².

В обычной жизни надо опираться на высшего Учителя, слушать высшую Дхарму и связать врата [шести] органов чувств обетом. Нужно придерживаться его в силу своих возможностей и ради того, чтобы принести радость Победоносным³ и их сыновьям⁴, приносить пользу, отбросив причинение вреда живым существам. Необходимо практиковать в течение шести периодов и дня, и ночи, совершать каждый раз подношения и отбросить причинение вреда. Нужно отречься от проявлений неуважения, таких как сжигание священных книг или их продажа; следовать наставлениям Сангхи; совершать подношения, кропя их чистой водой, как на самом деле, так и мысленно, какие бы они ни были, хорошие или плохие; молиться Трем Драгоценностям, не ища другого Прибежища и не отрекаясь от них даже в случае угрозы для жизни. Практикуя это все, совершайте таким образом под-

¹ Букв. 'внешним'.

² Три Драгоценности — Будда, Дхарма и Сангха.

³ Победоносный — эпитет Будды.

⁴ Сыновья Победоносных — эпитет бодхисаттв.

ношение. Промежуточным результатом этого будет [рождение] асуром, конечным — обретение трех видов Пробуждения¹.

Этот [текст] ритуала принятия обета составил Зая-пандита. Пусть силой этой добродетели я и все живые существа во всех жизнях будут обладать свободами и преимуществами, пройдут полностью путь и как можно скорее достигнут состояния Всеведущего. По просьбе Сангак-рабджампы составил Зая-пандита. Пусть я буду следовать пути чистого поведения. Пусть будет полностью совершенна моя нравственность. Пусть во всех рождениях и жизнях мой монашеский образ жизни будет чист. Да будет благо!

Последним в статье будет приведен текст ритуала Белого старца «Способ выполнения подношений хозяину местности Белому старцу» (тиб. *sa bdag rgan po dkar po rten 'bul tshul zhes byas ba bzhugs so*) (инв. № 1441). Как и с текстом комментария к обету Прибежища, можно предположить, что ритуальный текст культа Белого старца также мог составить первый Зая-пандита ввиду широкого распространения культа Белого старца среди монгольских народов, в частности калмыков².

8. Инв. № 1441

[1r] **Sa bdag rgan po dkar po rten 'bul tshul zhes byas ba bzhugs so**

[1v] (1) *sa bdag rgan po dkar po la ba glang nor phyugs 'bul bar 'dod pas / sdag [=stag] pa'i nga* (2) *'am shug pa'i byang bu la / na mo sang lo tho lu thu na om de lu de lu de ye sbā+hā / om ye* (3) *dha+rma nas na ye ces bris pa'i mjug tu / gnas gsum gyis sa bdag mes po dkar po yab lha khyod la* (4) *nor phyugs ba glang 'di rten du 'bul lo / rten 'dir brtan par bzhugs nas sa bdag dang rgyu 'byor yon* (5) *bdag 'khor dang bcas zhi rgyas dbang drag gi 'phrin las myur du 'grub ba dang / khyad par mi dang ba glang* (6) *nor phyugs la {na} tsha god kha shi chad*

¹ Три вида Пробуждения — Пробуждение шравак, пратьекабудд и бодхисаттв.

² В традиционной калмыцкой культуре Белый старец занимает важное место: его образ встречается в эпосе «Джангар» и других образцах фольклора, а в народном сознании калмыков XIX в. он слился с образом мифологического Хозяина года (калм. *жилин эзн*) [Бакаева 1994: 59; Бакаева и др. 2016: 189].

sogs ‘gal rkyen bar chad nye bar zhi zhing bkra shis bde legs phun sum (7) tshogs par mdzod cig brtan par bzhugs su gsol / om su pra ti+ṣṭha ba+dzra ye sbā+hā // [2r] (1) ces bris shug stag byang bu btags yang dar tshon sna lnga’i btags nas / khru chu dkar (2) po dmigs nas / rang nyid skad gcig gis ‘phags pa spyen ras gzigs dbang (3) phyug tu gyur ba’i thugs ka’i hrī las ‘od ‘phros pas sangs rgyas byang sems (4) thams cad kyi byin rlabs dang nus mthus thams cad ‘od kyi rnam par bsdu (5) nas khru chu la thim pas sdig sgrib byang zhing dag pa’i mthu dang {ldan} par gyur (6) bar bsam nas om ma ṇi pa+dme huṃ / om ā huṃ / zhes nyed gcig bzlas nas lan bdun khru bya’o // (7) de nas bsang {sbyang} sngar bzhi ‘bar ba’i mjug tu ‘di skad do / om bskang rdzas bde sa dang bar [2v] (1) snang nam mkha’i kham gang nas rgan po dang bcas pa’i spyen lam du (2) ‘byung zhing rgyas par gyur cig / om sa+rba bid pū ra zhes sogs lan gsum brjod / (3) sngags drug phyag rgya drug gi byin rlabs la / kye de ring nyi ma bzang po dang / gza’ (4) dang rgyu skar bkra shis la / sa bdag rgan po dkar po lha / yab yum (5) lcam dral ‘khor bcas la / rten du ‘bul pa’i ba glang ‘di / dar [=ngar] skad drag (6) pos gnod byed ‘bul / rwa rno brtan pas gnod byed snun / rgan zhi rmig bzhi’i [3r] (1) gnod byed bjos / yun ring mjug das gnod byed brabs / (2) mig gnyis nyi ltar rab gsal ba / sna bug gnyis nas na bun ‘bul // (3) kha nas lce dmar klog ltar ‘khyug / yod mod brten ‘dul sa gzhi ltar // (4) ‘rgyugs pa’i dbang mgyogs yi ltar myur / stong gsum skad cig myur (5) bar thul / gzhon pa’i mchog gyur ba glang ‘di / sngags spel tshig bris (6) byang bu / dar tshon sna snga’i brgyan pa ‘di / sngags dang phyag rgya byin [3v] (1) rlabs nas / thugs rje smon lam btags nas dang / bsod nams chen po (2) bsags pa’i phyir / gnas gsum sa bdag gyur pa yi / rgan po dkar po (3) lha chen dang / sa chu bdag po yab yum dang / lcam dral ‘khor bcas rten (4) du ‘bul / sngar ster brtan par X da tshol zhu pa’i rten X phyin chad bsrung (5) skyob X nod [=gnod] las spa ba’i X rkyen ngar zhi pa’i X legs tshogs rgyas pa’i X (6) mi nor dbang bsdu’i gnod byed tshar gcod X rten las ma ‘das ma yo [=g.yo] bar / [4r] (1) rtag tu dgyes bzhi rten du ‘bul / bdag dang rgyu ‘byor yon (2) bdag gis / las dang bya ba ci byed kyang / rgo [=ko] long phrag dog ma mdzad par / (3) rtag tu mgon skyabs mdzad du gsol / nad gdon tshom rgun [=rkun] dgra bgegs (4) dang ‘gal rkyen ngan pa bar chod dang / khyad par ba glang nor phyugs kyi / (5) kla yor glo yor rgya yor dang / gla cham ‘thing sung dal yams dang / rkang (6) nad skal nad g.yan pa dang / skem nad

rkong pa snying nad dang / kha nad brla [4v] (1) nad rmig nad dang / 'gag pa ltog pa mdzes 'bras nad / ol nad skom (2) nad 'go rims dang / kha chu 'dzag nad bi'u shong dang / ba sprum med ngam (3) bi'u ma dgos / tshom rkun 'phrog dang spyang shor sogs / gnod las (4) bsrung skyob spas par mdzod / tshe bsod dpal 'byor snyan grags rigs / (5) 'khor dang longs spyod thams cad dang / khyad par mkhal ma'i stobs (6) chen dang / 'o ma rgyud 'dzin gzhol [=zhol] mo yi / ba glang nor phyugs rgyas par [5r] (1) mdzod / 'jig rten 'jig rten las 'das pa'i / 'dod dgu'i (2) longs spyod thams cad dang / dgos 'dod skye 'gro ma lus dang / khyad par (3) ba glang nor phyugs rnams / khyad par ba glang nor phyugs la / gnod byed (4) thams cad tshar bcod cig / mdor na mang po smos ci dgos / rgyal ba'i (5) bstan pa dar zhing rgyas / bstan sing 'dzin pa'i sku khams bzang / (6) bdag sogs sems can thams cad kyi / bde bskyed phun sum tshogs [5v] (1) par mdzod / de ltar zhu las ma grub na / sngon gyi rgyas pa'i bka' skos (2) bcag / khyod kyi smon lam dam bcas nyams / nga yi bsten pa'i dgos (3) chung zhing / yid ches bsams pa'i ri ba bcad / phyi rabs pa yang sun (4) phyug dang / lha chen rgan po dkar po zhes / ming stong tsam du gyur ta ri // (5) de'i {phyir} tshul 'di don dgos zhing / bcol ba'i las rnams 'grub par mdzod // (6) bla ma mchog gsum byin rlabs dang / chos nyid chos can bslu med bden // [6r] (1) bsten pa'i rgan dkar yab lha'i mthus / ri 'bras thams cad (2) grub gyur cig / ces pa 'di ni dza ya pa+n̄ti das blo bzang snyan grags dge legs rnams rgyal dpal bzang po'i gra mtshan rnams kyi tha shal pa blo bzang dgon zhes kyas bsug bris pa'o // (3) bkra shis par gyur cig // sa+rba mangga lam // 'de'o [=bde'o] //

Способ совершения подношений хозяину местности Белому старцу

Если желаешь поднести корову или другую домашнюю скотину хозяину местности Белому старцу, на коре березы или можжевельного дерева напиши «*Намо санглю тхолу тхуна ом дэлу дэлу дэйе сваха*». Напиши «*Ом йе дхарма до найе*», и в конце, используя три центра¹, [произнеси]: «Тебе, хозяин местности, Белый старец, божественный отец, я подношу эту корову или другую домашнюю скотину. Пребывай здесь постоянно. Пусть у богатого милостынедателя вместе с его окружением исполняется активность четырех

¹ Тела, речи и ума.

видов¹. В особенности пусть у людей и домашнего скота не будет смерти и болезней, пусть усмирятся все противодействующие условия и будет даровано совершенное благо. Прошу пребывать тебя постоянно».

Напиши «*Ом супра тиитха ваджра йе сваха*» на куске коры березы или можжевельника, привесь к нему шелковые ленты пяти цветов и приготовь воду для омовения. В мгновение ока ты превращаешься в святого Авалокитешвару², у которого в сердце слог *хри*. Из него излучается свет, который притягивает благословение и силу всех будд и бодхисаттв. Этот свет растворяется в воде, благодаря чему очищаются все грехи и она наделяется силой очищения. Повтори двадцать один раз «*Ом мани падме хум, ом а хум*» и семь раз выполни омовение. Затем очищай с помощью воскурения-санга, как и прежде, в конце сжигания произнеси:

«*Ом*. Пусть подносимые субстанции наполнят пространство между небом и землей, проявятся перед Белым старцем и его окружением и будут обширны». Скажи три раза «*Ом сарва вид пура*» и пр. Благословляя с помощью шести мантр и шести мудр, [скажи]: «О, сегодня благой день, когда благоприятны планеты и звезды. Пусть корова, которую я подношу хозяину местности Белому старцу, отцу и матери вместе с окружением, послужит подношением, издавая громкое мычание. Своими крепкими рогами она может проткнуть, копытами — затоптать, длинным хвостом — отхлестать. Ее два глаза сияют подобно солнцу, из ноздрей идет пар, изо рта вываливается красный язык. Она стремительна и покоряет три тысячи миров в мгновение ока. На шею этой корове, лучшей из всех, на ком есть седло, повесили в качестве украшения кусочек коры, на котором написаны мантры и который украшен шелковыми лентами пяти цветов».

Благослови его шестью мантрами и мудрами и прочитай молитву-устремление о сострадании. [Далее скажи:] «Поскольку накоплена великая заслуга, [с помощью] трех центров подношу это великому божеству Белому старцу, ставшему хозяином местности, мужским и женским хозяевам земли-воды, супруге с окружением.

¹ Четыре вида активности — умиротворяющая, преумножающая, притягивающая и подчиняющая.

² Авалокитешвара — бодхисаттва сострадания.

Чтобы то, что было дано прежде, было неизменным, чтобы исполнилось то, что нужно сейчас, чтобы впоследствии была защита, чтобы были избавлены от вреда и усмирены неблагоприятные причины, чтобы благие вещи преумножались, чтобы был отвращен вред для имущества, чтобы активность не прекращалась, чтобы всегда радовать — с этой целью подношу.

Какое бы действие ни совершали я или милостынедатели, пусть не будет зависти и беспокойства, и мы всегда будем под защитой. Пусть будут отвращены болезни, вредоносные влияния, воровство, враги, различные препятствия, неблагоприятные условия, в особенности различные болезни и виды чумы и лихорадки, поражающие домашнюю скотину¹. Пусть мы будем защищены от урона, который наносят воровство или нападения волков. Пусть преумножатся продолжительность жизни, заслуги, слава и все благо. В особенности пусть преумножится в численности домашняя скотина, приносящая молоко и поводыя у которой крепки. Пусть будут дарованы все богатства и все, что необходимо. В особенности пусть будет пресечен любой вред для коров, быков и другой домашней скотины.

Если вкратце, к чему много говорить, пусть процветает учение Победоносных, пусть будут превосходным здоровье держателей Учения, пусть будет совершенным благо для меня и всех живых существ. Если испрошенное таким образом не исполнится, пусть заветы будд прошлого не исполнятся, а ваши молитвы-устремления ослабнут, пусть уменьшится то, о чем я прошу, а значимость помыслов и надежд уменьшится. Чтобы начитать тысячу раз имя великого божества Белого старца, нужно начитывать таким способом. Пусть исполнятся все порученные деяния. Пусть будет даровано благословение Учителя и Трех Драгоценностей и постигнута безошибочная истинность дхарматы. Пусть силой божественного отца Белого старца, выступающего опорой, исполнятся все чаяния и надежды.

Этот текст составил Зая-пандита ... Да будет благо! *Сарва ман-галам.*

¹ В тибетском тексте перечисляются разные виды болезней, как очевидно из контекста, но большая часть слов в этом фрагменте в имеющихся словарях отсутствует.

9. Заключение

Анализ рассмотренных в первой части исследования тибето-язычных рукописей инв. №№ 811, 1362, 1961, 3243 и 1411 из фондов ТИГПИ, в послесловиях которых встречается имя Зая-пандиты, позволяет предположить, что автором сочинения о принятии мирского обета Прибежища и ритуального текста культа Белого старца мог быть первый Зая-пандита Намкай Джамцо, а садхану Хаягривы, согласно данным колофона, составил современник джунгарского правителя Цэван-Рабдана второй Зая-пандита, причем данные о контактах этих двух деятелей в исторических источниках отсутствуют. Исследование данных рукописей позволяет, кроме прочего, установить тот факт, что первый Зая-пандита писал по-тибетски, и таким образом причислить его к числу тибетоязычных авторов монгольского происхождения.

Источники

- Dpal rdo rje 'jigs byed zhes bya ba. Rta mgrin bsgrub thabs zhes bya ba bzhugs so // Рукописный фонд Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Инв. № 811. 3 л.
- Sa bdag rgan po dkar po rten 'bul tshul zhes byas ba bzhugs so // Рукописный фонд Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Инв. № 1441. 6 л.
- Skyabs 'gro dge bsnyen sdoms pa zhes bya ba bzhugs so // Рукописный фонд Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Инв. № 3243. 3 л.
- Skyabs 'gro'i dge bsnyen gyi sdom pa 'bogs chog bzhugs so // Рукописный фонд Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Инв. № 1362. 4 л.
- Skyabs 'gro'i dge bsnyen gyi sdom pa 'bogs chog bzhugs so // Рукописный фонд Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Инв. № 1941. 3 л.

Литература

- Бакаева 1994 — Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.

- Бакаева и др. 2016 — Бакаева Э. П., Орлова К. В., Музраева Д. Н., Шареева Т. И., Балинова Н. В., Хомякова И. А., Мирзаева С. В. Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. Элиста: КалМНЦ РАН, 2016. 456 с.
- Бакараева 2015 — Бакараева Н. Ф. Институт тулку в монгольском, ойратском и калмыцком буддизме // Вестник Калмыцкого университета. 2015. № 2 (26). С. 44–49.
- Жабон 2021 — Жабон Ю. Ж. «История Кукунора» Сумпа-кенпо об основных исторических событиях Джунгарского ханства в XVII–XVIII вв. // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 14. 2021. С. 236–246. DOI: 10.31554/2304-1838-2021-14-236-246
- Каталог буддийских рукописей... 2024 — Каталог буддийских рукописей и ксилографов на тибетском и монгольском языках Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ) / сост. Музраева Д. Н., Мирзаева С. В.; вступ. ст.: Музраева Д. Н., Натсак О. Д., Салчак В. С. Элиста: КалМНЦ РАН, 2024. 520 с.
- Китинов 2024 — Китинов Б. У. Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИВ РАН, 2021. 623 с.
- Лувсанбалдан 1975 — Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд [=Ясное письмо и его памятники]. Улаанбаатар: ШУАХ, 1975. 356 х.
- Лю Цян 2022 — Лю Цян. Буддизм в джунгарско-цинских отношениях (конец XVII в. – середина XVIII в.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2022. 267 с.
- Музраева 2013 — Музраева Д. Н. Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. (переводные письменные памятники на монгольском и ойратском языках). Элиста: НПП «Джангар», 2013. 150 с.
- Норбо 1999 — Норбо Ш. Зая-пандита (материалы к биографии) / пер. со старописъм. монг. яз. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Эрдэмт 2008 — Эрдэмт М. Равжамба Зая Бандида Намхайжамц судлал. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2008. 278 х.

Указы и грамоты Петра I хану Аюке как источники по истории русско-калмыцких отношений

Владимир Толтаевич Тепкеев¹, Нарма Арслангович Каманджаев²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75[at]mail.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-2012-0312. E-mail: narmakam[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Тепкеев В. Т., Каманджаев Н. А., 2024

Аннотация. *Введение.* Изучение истории любого народа немыслимо без соответствующего анализа исторических источников. В фондах Российского государственного архива древних актов и Архива внешней политики Российской империи хранится значительное количество документов петровской эпохи, в том числе указы, грамоты, письма первых лиц Российского государства, адресованных калмыцким владельцам. В данной статье подробно рассматривается такой вид источника, как указы и грамоты Петра I калмыцкому хану Аюке. *Цель* исследования является введение в научный оборот новых источников по истории русско-калмыцких отношений XVIII века. Основными *материалами* для данной работы послужили указы и грамоты в количестве 16 единиц, которые относятся к периоду с 1700 г. по 1722 г. и хранятся в двух архивах: Российском государственном архиве древних актов и Архиве внешней политики Российской империи. *Результаты.* В статье дается краткий источниковедческий анализ и публикуются тексты грамот и указов государя Петра I калмыцкому хану Аюке. *Выводы.* Государевы грамоты и указы Петра I хану Аюке являлись органичной частью обмена информацией между центральным правительством и Калмыцким ханством, а также главным спо-

собом передачи царских повелений хану Аюке, что, безусловно, подчеркивает высокое значение данных источников при изучении истории русско-калмыцких отношений в начале XVIII в. Если основным содержанием указов являлись различные царские повеления, то для грамот характерна многозадачность: наряду с императивной функцией они содержали в себе как ответы на письма калмыцкого хана, так и различные уведомления и разного рода информацию. Исследованные документы наглядно показывают, что общая логическая структура указов и грамот довольно схожа, при этом как начальный, так и финальный формуляры последних со временем претерпели некоторые изменения, главным образом заключающиеся в их упрощении.

Ключевые слова: калмыки, русско-калмыцкие отношения, грамоты, указы, Петр I, калмыцкий хан Аюка

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта «Встреча Петра I и хана Аюки в 1722 г.: новые источники по истории русско-калмыцких отношений» (№ 23-28-01190, <https://rscf.ru/project/23-28-01190/>).

Для цитирования: Тепкеев В. Т., Каманджаев Н. А. Указы и грамоты Петра I хану Аюке как источники по истории русско-калмыцких отношений // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 49–63. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-49-63

Peter the Great's Decrees and Letters to Khan Ayuka as Sources on the History of Russian-Kalmuk Relations

Vladimir T. Tepkeev¹, Narma A. Kamandzhaev²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tv75[at]mail.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-2012-0312. E-mail: narmakam[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Tepkeev V. T., Kamandzhaev N. A., 2024

Abstract. *Introduction.* Studying the history of any nation is unthinkable without an appropriate analysis of historical sources. The funds of the Russian State Archive of Ancient Acts and the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire contain a significant number of documents from the era of Peter the Great. We are particularly interested in materials related to the history of Russian-Kalmyk relations, specifically decrees, diplomas, and letters from top officials of the Russian state addressed to Kalmyk owners. This article will consider such types of sources as decrees and letters of Peter the Great to the Kalmyk Khan Ayuka. *The purpose* of the study is to introduce new sources on the history of Russian-Kalmyk relations of the 18th century into scientific circulation. The main *materials* for this work were the decrees and charters totaling 16 units, which relate to the period from 1700 to 1722 and belong to the funds of two archives: the Russian State Archive of Ancient Acts and the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. *Results.* The article provides a brief source-based analysis and publishes the texts of the letters and decrees of Peter the Great to Kalmyk Khan Ayuka. *Conclusions.* The royal letters and decrees of Peter the Great to Kalmyk Khan Ayuka were an integral part of the exchange of information between the central government and the Kalmyk Khanate, as well as the main way of transmitting royal orders to Khan Ayuka, which, of course, emphasizes the high importance of these sources in the study of the history of Russian-Kalmyk relations at the beginning of the 18th century. The main content of the decrees were various royal orders while the letters were characterized by multitasking: along with the imperative function, they contained both answers to the letters from the Kalmyk Khan, as well as various notifications and information. The studied documents clearly show that the general logical structure of the decrees and charters is quite similar, while both the initial and final forms of the latter have undergone some changes over the time, mainly in their simplification.

Keywords: Kalmyks, Russian-Kalmyk relations, letters, decrees, Peter the Great, Kalmyk Khan Ayuka

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian National Fund, project no. 23-28-01190 “The meeting of Peter I and Khan Ayuka in 1722: new sources on the history of Russian-Kalmyk relations”. Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-01190/>

For citation: Tepkeev V. T., Kamandzhaev N. A. Peter the Great’s Decrees and Letters to Khan Ayuka as Sources on the History of Russian-Kalmyk Relations. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 4: 49–63. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-49-63

1. Введение

Период правления (1672–1724 гг.) сначала первенствующего тайши, а затем и хана Аюки прошел преимущественно успешно: в это время ханство достигло своего наибольшего могущества, а его правитель являлся важным актором взаимоотношений России с Османской империей, Крымским ханством, Персией и казахами. В этой связи изучению данного периода истории Калмыцкого ханства уделяется большое внимание исследователей, в том числе и в источниковедческом плане.

Изучение истории любого народа немыслимо без соответствующего анализа исторических источников. Исключением не является и история калмыков, в которой было множество, как славных, так и трагических моментов. В фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) хранится значительное количество документов петровской эпохи. Особенно нас интересуют материалы, касающиеся истории русско-калмыцких отношений, а конкретно — указы, грамоты, письма первых лиц Российского государства, адресованных калмыцким владельцам. В данной статье подробно будет рассмотрен такой вид источника, как указы и грамоты Петра I калмыцкому хану Аюке.

На сегодняшний день по периоду правления хана Аюки в основном проводится изучение его эпистолярного наследия в публикациях археографического и источниковедческого характера [Сусеева 2003; Сусеева 2009; Тепкеев, Бембеев 2020; Тепкеев 2021; Тепкеев, Каманджаев 2023а; Тепкеев, Нацагдорж 2016; Тепкеев и др. 2022; Успенский, Яхонтова 2021; и др.]. В отдельных работах начато исследование калмыцких печатей, оттиски которых сохранились на письмах [Митруев 2021; Аваков, Митруев 2023; и др.]. Введены в научный оборот посольские книги по связям России с Калмыцким ханством в период его правления [Посольские книги 2003; Посольские книги 2024].

Грамоты Петра I являлись предметом различных специализированных исследований. Так, Е. А. Строговой была исследована царская грамота о назначении казачьего головы в г. Якутске в 1701 г. [Строгова 2017], А. Н. Павлов изучил грамоту Петра I к патриарху Адриану о взятии Азова в 1696 г. [Павлов 2006], Н. Б. Кар-

данова исследовала формуляр грамот Петра I к венецианским дожам [Карданова 2012; 2013].

Меньшее внимание было уделено царским грамотам и указам к хану Аюке. На данный момент насчитываются только две статьи, в каждой из которых был произведен анализ одной конкретной грамоты [Команджаев, Тепкеев 2023; Тепкеев, Каманджаев 2023б]. Таким образом, в отличие от писем хана Аюки и посольских книг периода его правления не проводилось источниковедческого исследования царских указов и грамот к хану Аюке. Настоящая статья призвана восполнить образовавшуюся лакуну.

2. Материалы и методы

Исследованные указы и грамоты в количестве 16 единиц относятся к периоду с 1700 г. по 1722 г. и хранятся в двух архивах: РГАДА и АВПРИ. Данные материалы были проанализированы с точки зрения их структуры, функционала и содержания с целью их характеристики в качестве источников по истории русско-калмыцких отношений в начале XVIII в.

3. Структура царских грамот и указов Аюке-хану

Структура государевых грамот и указов к хану Аюке состоит из начального формуляра, основной содержательной части и финального формуляра. Начальный формуляр данных документов включает в себя такие формы, как invocatio, intitutiatio и обращение к адресату, в то время как финальный формуляр указывает на место и время написания той или иной грамоты и указа.

В изученных грамотах царя Петра I какого-либо глобального изменения данных элементов не прослеживается до 1714 г. Invocatio, т. е. отсылка к божественной воле, обычно формулируется, как «Божиею милостию» с допущением, как в двух грамотах от 22 мая и 7 августа 1712 г., просто «Милостию» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 16 об., 22]. Intitutiatio в грамотах до 1714 г. также практически неизменна и звучит, как: «от пресветлейшаго и державнейшаго великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержца, и многих царств и земель восточных, и западных, и северных отчича и дедича, и наследника, и государя и обладателя нашего цар-

ского величества» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 1. Л. 4; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 3–3об.; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 1 Л. 16об., 22; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 6. Л. 18].

Обращения к адресату также в это время несколько вариативны при сохранении общих особенностей конструкций: «подданному калмыцкому Аюкаю тайше з братьями и з детьми и с племянники милостивое слово» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 3–3об.] либо «подданному верному, калмыцкому Аюкаю хану, з братьями, з детьми и с племянники милостивое слово» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 1. Л. 4; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 16об., 22; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 6. Л. 18].

Тем не менее имеются и случаи сокращения всех трех выше-названных элементов. Так, в грамоте от неопределенного числа 1710 г. весь начальный формуляр приводится в одной фразе: «По имяновании великого государя и титуле» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1710 г. Д. 7. Л. 36]. Особенность же грамот, относящихся к более позднему времени (1718–1721 гг.), заключается в том, что в них начальный формуляр вовсе отсутствует [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 1. Л. 1; АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 1. Л. 1–2; АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 1. Л. 3, 7].

Финальный формуляр по понятным причинам всегда различался в зависимости от времени и места написания грамот, причем, если до грамот 1709 г. использовалась конструкция «в велицем граде Москве» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 1. Л. 5; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 3–3об.], то, начиная с 1712 г. в качестве места составления грамоты начинает появляться Санкт-Петербург [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 1 Л. 16об.; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г., Д. 6, Л. 18об., 19об.; АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 1. Л. 2; АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 1. Л. 4об.; Д. 1. Л. 8об.]. Особо интересной в данном аспекте предстает грамота Петра I от 7 августа 1712 г., которая была написана «...в нашем великого государя воинском походе в Померании, в Главном стану при Штетине лета 1712-го августа в 7 день» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 22].

Довольно сильно отличается от общего ряда выглядит грамота царя Петра I хану Аюке от 7 августа 1718 г.: в ней отсутствуют как начальный, так и финальный формуляры. О дате отправки грамоты

мы можем понять только по ее заголовку [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 1. Л. 1–7об.].

Композиция указов не отличалась от грамот наличием тех или иных элементов и их расположением, однако отличалась от последних с точки зрения содержания. Так, мы находим в них иную форму инвокации — «Поспешествующею милостию, и более короткую форму интитуляции — «Мы, Петр Первый, Император и Самодержец Всероссийский и протчая, и протчая, и протчая», в то время как обращение к адресату выглядит более пространным: «Нашего Императорского величества верному подданному Калмыцкому Аюкаю хану з братьями и з детьми, и с племянники наше императорское милостивое Слово. Композиция же финального формуляра в целом идентична той, что наблюдается в грамотах [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 7–8, 10, 23].

Таким образом, очевидно, что хоть отдельные элементы структуры царских указов и грамот к Аюке-хану и претерпевали некоторые изменения со временем, в основе своей общая структура оставалась неизменной. Тем не менее структура могла выдерживаться не полностью, либо, как в случае с грамотой от 7 августа 1718 г., оставлялась лишь одна содержательная часть.

4. Царские указы к Аюке-хану

Изученные указы Петра I к хану Аюке носят преимущественно императивную функцию ввиду того, что основной их смысл состоял в различных повелениях от лица царя. Информационная часть данных источников посвящена сугубо своеобразной преамбуле к идущему вслед за ней повелению и содержательно представляет собой реферат тех указов и действий, результатом которых является излагаемый далее по тексту царский приказ. Для наглядности приведем текст одного из таких указов.

1722 г., 12 мая. Указ российского императора Петра I к калмыцкому хану Аюке

Поспешествующею милостию Мы, Петр Первый, Император и Самодержец Всероссийский и протчая, и протчая, и протчая.

Нашего Императорского величества верному подданному Калмыцкому Аюкаю хану з братьями и з детьми, и с племянники наше императорское милостивое слово.

Указали Мы, Великий Государь, наше Императорское величество. Поставить почту от Москвы до Астарахани . А имянно: от Москвы до на Коломну, на Зарайск, на Скопин, на Ряской, на Козлов, на Танбов, на Хоперскую новую крепость. И по казачьим донским горюдам до Панишина. А от Панишина на Царицын. А от Царицына по луговой стороне Волги до Астарахани, стан от стану, от дватцати до тритцати верст на каждом стану. По двенатцати лошадей до Хоперской крепости из ямщиков, в тех городах обретающихся. А в которых ямщиков нет, то поставить из ближних к той дороге ямов по рассмотрению. А от Хоперской крепости донецкими городками до Панишина и до Царицына из донских казачьих лошадей. А от Царицына до Астарахани, по луговой стороне, астараханскому губернатору, нашему Артемью Петровичу Волинскому, каких пристойно. А где калмыцкие улусы, то требовать ему оных от тебя, подданного нашего. А на всех тех почтовых станах от Царицына до Астарахани определить для безопасного хождений той почты из российского народа людей, поскольку человек пристойно на те на все. Как на ямские, так и на казачьи и на калмыцкие и прочие подводы давать прогонные деньги — по денге на версту. А без прогонных денег и без подорожных отнюдь никому тех подвод не давать. И посланным самим без платежа оных не иметь под опасением жестокого штрафа. Также сверх того в запас для таких же случаемых нужных почтовых посылок держать на Царицыне и в прочих местах до Астарахани лодки з гребцы. И потому ж оные давать, применяя к сухому пути за прогонные денги против выше писанного.

И тебе нашего Императорского величества верному подданному, Аюкаю, хану калмыцкому, наш Императорского величества указ о сем ведать. И чинить о всем по сему нашему Императорского величества указу. И иметь о том сношение с астараханским губернатором.

Писан в нашем царствующем Граде Москве лета 1722, месяца мая 12-го дня [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 10].

Несмотря на то, что в приведенном выше указе имеется странная информационная составляющая, в которой описывается принятый ранее указ насчет организации почтовых отправлений, его явно основной смысловой частью является повеление от име-

ни царя хану Аюке всячески способствовать исполнению этого указа. Такая функциональная направленность характерна и для других изученных нами указов [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 7–8, 23].

5. Царские грамоты к Аюке-хану

Грамоты в соответствии с содержанием основной части представляются более сложным источником, нежели указы. Во-первых, они имели функцию ответного послания на письма калмыцкого хана, что подчеркивает их прямую роль в информационном обмене между царским двором и ставкой калмыцкого хана. Во-вторых, они содержали большую по объему и тематически разнообразную информацию, чем царские указы: в них, например, можно встретить различные сообщения о совместных действиях России и Калмыцкого ханства в отношении Османской империи, Крымского ханства, ногайцев и башкир, а также уведомления об отпущенных царских подарках.

Впрочем, они несли в себе и императивную функцию, зачастую отсылавшую к выполнению уже выпущенных указов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 1. Л. 4–5; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 3–3об.; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1710 г. Д. 7. Л. 36–39; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 16об.; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 22; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 6. Л. 18–19об.; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 1. Л. 1–7об.; АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 1. Л. 1–2; АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 1. Л. 3–4об.; АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 1. Л. 7–8об.].

Приведем следующий пример содержания грамот.

1708 г., 2 января. Грамота государя Петра Алексеевича к калмыцкому хану Аюке с уведомлением об отправке к нему стольника Ивана Ефремовича Бахметева «для истребования» у него в поход 20-тысячного калмыцкого войска против восставших уфимских башкир

Божиею милостию от пресветлейшаго и державнейшаго великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержца и многих государств и земель восточных и западных и северных отича и дедича наследника и государя, и обладателя, нашего царского величества,

верному подданному нашему, хану Аюкаю, тайше з детьми и со владельцы, наше великого государя милостивое слово.

В прошлом году по нашему великого государя указу послан был к тебе стольник наш, Иван, Ефремов сын, Бахметев, для ратных людей, и чтоб с ними быть Чеметю и Четерю. И по тому нашему великого государя указу Чемет и Четерь с ратными людьми к нам, великому государю, на службу выслал. И им, Чеметю и Четерю, наше великого государя жалованье дано многое, так ж как пришли и к Москве. И им, Чеметю и Четерю, дано многое ж наше великого государя. И с ним будущим владельцем и всем ратным людем. И отошед от Москвы верст з двести, не пошед на нашу великого государя службу, взяв жалованье, поворотились к себе. И уведав, ты, верный наш хан Аюка, что они учинили так худо, и прислал о том нарошного, посланника Лузана, с письмом и словесным приказом к ближнему нашему боярину, ко князю Борису Алексеевичу Голицыну (л. 4об.).

А велел о том нам, великому государю, донести, что то они учинили худо бес твоего ведома. И будет нам, великому государю, ратные люди угодны. И ты, Аюка, хотел прислать многих ратных людей с сыном или со внуком и с другими владельцы по твоему разсмотрению.

И против твоего письма ближней наш боярин, князь Борис Алексеевич, нас, великого государя, докладывал. И по нашему великого государя указу с посланным твоим, Лозоном, писал, что будет прислан он же стольник наш, Иван, Ефремов сын, Бахметев, для тех твоих ратных людей.

И ныне мы, великий государь, указали тех ратных твоих людей в наш великого государя военной поход не посылать для дального расстояния. А ведомо нам, великому государю, учинилось, что меж башкирцы учинилось возмущение, хотя и не во всех, но которые живут около Уфы в ближних местех. И выбрали себе такова ж вора. И тебе б верному подданному нашему, хану Аюке, показать по прежней своей верности з детьми и со владельцы своими верную службу. И самому тебе, Аюке, или детям твоим и владельцам итти на них многими людьми, чтоб по последней мере было тысяч дватцать. И чтоб им учинить не токмо раззорение, (л. 5) но и искоренить жилище их.

И для того посылан он же стольник наш, Иван Бахметев, которому быть в том военном походе с вами. И кто будет в том военном походе и что с ним людей, о том ему, стольнику нашему, к нам, великому государю, велено писать. А наше великого государя жалованье как тебе и другим, но и ратным вашим людям прислано будет.

А с Москвы указали мы, великий государь, послать со многими ратными людьми боярина нашего, князя Петра Ивановича Хованского с товарищи. И итить ему на Казань, а с Казани, взяв ратных же людей, конных и пеших, итить к Уфе. И смотря по случаю, над теми ворами чинить промысл. И тебе, хану Аюке, и кто в том походе будет, итить бы нынешним зимним путем, не допуская весны, чтоб от того ворах собрания не было.

И как к тебе ся наша великого государя грамота придет, и тебе, верному нашему хану Аюке, з детьми и со всеми владельцы учинить неотложно, безо всякаго умедления.

И о том писать к Москве государства нашего во двор. В царствующем величье граде Москве лета 1708-го генваря в [...] день [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 1. Л. 4–5].

Как видно из содержания основной части, в приведенной грамоте содержатся: информационная преамбула (сообщение о ненадлежащем исполнении воинской службы со стороны тайшей Чеме-та и Четеря), ответ на письмо Аюки-хана по этому вопросу; сообщение о начале очередного башкирского восстания, повеление хану Аюке собрать войско из 20 тыс. чел. и уведомление о том, что к хану и другим калмыцким владельцам будет прислано соответствующее жалование. Таким образом, данная грамота выполняет сразу нескольких функций.

Кроме того, в нашем распоряжении имеется грамота, имеющая лишь одну функцию — информационную. Написана она была с целью уведомления хана Аюки о подписанном 30 августа (10 сентября по новому стилю) 1721 г. Ништадском мирном договоре со Швецией. Текст ее был следующим.

1721 г., 28 сентября. Грамота российского императора Петра Первого к калмыцкому хану Аюке о заключении мира со Швецией

Сего настоящего году сентября 3 дня получили мы благоприятную ведомость чрез нарочно присланного от полномочных на-

ших министров с конгрессу, из Нишита, которая в том месте с швецкими министры сего лета чинили договор о миру, что они, наши министры, по указу нашему заключили и подписали с швецкими полномочными министры в 30 де минувшаго августа месяца трактат вечного миру на желаемых и полезных нам кондициях. И тот подлинной трактат с тем куриером к нам прислан. А потом, как мы с нашей стороны, так и король шведской с своей стороны за себя и все королевство Шведское, оной трактат подтвердили (л. 7об.) нашими со обеих стран подтвержденными грамотами, за подписанием наших собственных рук. А в том трактате вечного миру утверждено и постановлено.

Что король и Королевство Шведское уступают нам в вечное владение завоеванное от оной оружием нашим великия и зело пространья провинции, области и земли. А имянно: Лифляндию, Эстляндию, Ингрию и едва не всю Корелию с превеликими и зело богатыми городами Ригою, Дюнаминдом, Ревелем, Нарвою, Перновом, Выборхом. И по оному знатною частию земли и с Финляндии, и с Кексгольмом, и с Корелюю городом, и со всеми другими малыми городки, и гаванами и островами на Балтическом море в сих (л. 8) провинциях лежащими и обязалась Швеция не токмо в помянутыя уступленные нам провинции, города, области и земли, и места в вечные времена ни под каким подлогом не вступатца ниже оных, ни в которое время назад требовать, но нас и наследников наших при покойном владении всех оные во всякие времена оставить.

А с нашей стороны из завоеванного от Швеции им возвращается токмо Финляндия и то не все. И тако за сию всемирную радость и за прекращение толь долго протяжных войны и заключение так давно и благополучного нам мира, тогда ж воздано от нас и от всего народу всевышнему благодарение при молебном пении и пушечной стрельбе.

И о сем тебе, подданному нашему, чрез сию (л. 8об.) нашу, великого государя, грамоту со особливой к тебе нашей милости объявляем, с которою нашу грамотою послали нарочно. И тебе, нашего царского величества подданному, Аюкаю, хану калмыцкому, о заключении так славного и благополучного нам, всему государству нашему, мира ведать. И всем владения твоего тайшам и калмыком против сей нашего царского величества грамоты объявить.

Писан в Санкт-Петербурге лета 1721-го месяца сентября 28-го дня, государствования нашего 40-го году [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 1. Л. 7–8об.].

Таким образом, царские грамоты к хану Аюке являются сложным источником, что выражалось в их широкой функциональности и большей степени вариативности содержания, когда императивная функция могла отходить на второй план в угоду сугубо информационному сообщению.

6. Заключение

Государевы грамоты и указы Петра I калмыцкому хану Аюке являлись органичной частью обмена информацией между центральным правительством и Калмыцким ханством, а также главным способом передачи царских повелений хану Аюке, что, безусловно, подчеркивает высокое значение данных источников при изучении истории русско-калмыцких отношений в начале XVIII в. При этом если основным содержанием указов являлись различные царские повеления, то для грамот характерна многозадачность: наряду с императивной функцией они содержали в себе как ответы на письма калмыцкого хана, так и различные уведомления и информацию. Исследованные документы наглядно показывают, что общая структура указов и грамот довольно схожа, при этом как начальный, так и финальный формуляры последних со временем претерпели некоторые изменения, главным образом, заключавшиеся в их упрощении.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

Аваков. Митруев 2023 — *Аваков П. А., Митруев Б. Л.* Первая печать тайши Аюки (1684 г.) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 1. С. 144–152. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-144-152

Карданова 2012 — *Карданова Н. Б.* Структура финального формуляра царских грамот к иностранным правителям // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012. № 8. С. 80–83.

- Карданова 2013 — *Карданова Н. Б.* Особенности формуляра царской грамоты к дожам Венеции: инвокация, интитуляция, начальное приветствие // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 70–75.
- Команджаев, Тепкеев 2023 — *Команджаев А. Н., Тепкеев В. Т.* «Известно нам, великому государю, нашему царскому величеству, что в смутное время, которое было в Астарахани, ты, подданной наш, с войском своим нам, великому государю, служил верно и радетельно». Государева грамота Петра Алексеевича к калмыцкому хану Аюке 1707 г. // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 3. С. 25–31.
- Митруев 2021 — *Митруев Б. Л.* Три печати Аюки-хана // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 44–61. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-44-61
- Павлов 2006 — *Павлов А. Н.* Грамота Петра I патриарху Адриану о взятии Азова // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 240–242.
- Посольские книги 2003 — Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг.: сб. док. / сост. Н. М. Рогожин, М. М. Батмаев. Элиста: Джангар, 2003. 316 с.
- Посольские книги 2024 — Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1675–1677, 1683–1684 гг. Сб. док-тов / сост., авт. предисл. В. Т. Тепкеев. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. 372 с.
- Строгова 2017 — *Строгова Е. А.* «Велеть ему быть в Якутске казачьим головою». Указная грамота Петра I. 1701 г. // Исторический архив. 2017. № 5. С. 178–187.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2009. 992 с.
- Тепкеев 2021 — *Тепкеев В. Т.* Письма хана Аюки как источник по истории русско-калмыцких отношений конца XVII – первой четверти XVIII в. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 10–22. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-10-22
- Тепкеев, Бембеев 2020 — *Тепкеев В. Т., Бембеев Е. В.* «Я очень возмущался тому, что по указу Великого Белого Царя наше дело будет решаться». Письма калмыцкого хана Аюки к государю Петру Алексеевичу и канцлеру Г. И. Головкину в 1714 г. // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 223–235. DOI: 10.28995/2073-0101-2020-1-223-235
- Тепкеев и др. 2022 — *Тепкеев В. Т., Ярмаркина Г. М., Гедеева Д. Б.* Письмо тайши Аюки 1688 г. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 10–38. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-10-38
- Тепкеев, Каманджаев 2023а — *Тепкеев В. Т., Каманджаев Н. А.* А ваше

- великое дело подлинно я не знаю, а подлинно бы ваше письмо пришло ко мне, паче того порадовался бы». Два письма калмыцкого хана Аюки к русскому царю Петру Алексеевичу 1713 г. // *Bylye Gody*. 2023. № 18 (4). С. 1621–1629. DOI: 10.13187/bg.2023.4.1621
- Тепкеев, Каманджаев 2023б — *Тепкеев В. Т., Каманджаев Н. А.* «Только самому тебе, подданному нашему, и калмыкам твоего владения за мирным состоянием с турецкими подданными ссоры не вчинать». Государева грамота Петра I к калмыцкому хану Аюке 1718 г. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 6. С. 1444–1452. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1444-1452
- Тепкеев, Нацагдорж 2016 — *Тепкеев В. Т., Нацагдорж Ц. Б.* Калмыцкое письмо 1685 г. как одно из ранних письменных свидетельств хана Аюки // *Монголоведение*. 2016. № 1 (8). С. 2–12.
- Успенский, Яхонтова 2021 — *Успенский В. Л., Яхонтова Н. С.* Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в Библиотеке СПбГУ // *Тибетология в Санкт-Петербурге: сб. ст. Вып. 2*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. С. 267–294.

Документы Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ о строительстве домов как исторический источник

*Лариса Бадмаевна Манджикова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Манджикова Л. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* В составе архивного фонда И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ» (1848–1881 гг.) Национального архива Республики Калмыкия имеются 10 дел, содержащих сведения о деятельности Временной строительной комиссии по устройству домов в улусах. Различные виды документов содержат информацию о проблемах, возникавших при строительстве домов, и их решении, о поселенцах, прибывавших в Калмыцкую степь в результате проведения государственной политики по переселению крестьян, об обоседлении калмыков. *Цель* статьи — изучить документы, содержащие сведения о реализации планов российского правительства по переселению крестьян на территорию Калмыцкой степи и оседании калмыков путем реализации строительной кампании, ввести их в научный оборот. *Результаты.* Изучение содержания указанных документов способствует исследованию различных тем: о технологии изготовления глинобитных кирпичей из местного материала; о проблемах транспортировки стройматериалов наземными и водными путями; об условиях привлечения наемных работников (каменщиков, плотников) из других губерний и т. д. Проанализированные архивные документы Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ являются источниками по изучению процесса интеграции калмыков в общегосударственную систему, строительства домов вдоль трактов, образования станиц и переселения крестьян на территорию

Калмыцкой степи, перехода некоторой части калмыков на полуседлый образ жизни. Изучение видов архивных документов, порядка их применения в делопроизводственной практике позволило выяснить их функциональное назначение и соответствие общероссийскими нормам.

Ключевые слова: Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ, Временная строительная комиссия, Положение 1847 г., обоседление, переселение, Калмыцкая степь, архивный документ, глинобитные дома

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Манджикова Л. Б. Документы Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ о строительстве домов как исторический источник // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 64–90. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-64-90

Documents of the Horde Branch of the Astrakhan Chamber of State Property as a Source

*Larisa B. Mandzhikova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Mandzhikova L. B., 2024

Abstract. Introduction. The archive fund No. I-6 “Horde branch of the Astrakhan Chamber of State Property” (1848–1881) of the National Archive of the Republic of Kalmykia consists of 10 files containing information on the activities of the Temporary Construction Commission for the construction of houses in the villages. From various types of documents, you can learn about the problems that arise during the construction of houses and their solutions, about the settlers who arrived in the Kalmyk steppe as a result of the state policy on the resettlement of peasants, and the settlement of Kalmyks. *The purpose* of the research work

is to study documents containing information on the implementation of the Russian government's plans for the resettlement of peasants to the territory of the Kalmyk steppe and the settlement of Kalmyks through a construction campaign, and to introduce them into scientific circulation. *Results.* The study of the content of the documents contributes to the study of various topics: the technology of making mud bricks from local materials; the problems of transporting building materials by land and waterways; conditions for attracting hired workers (masons, carpenters) from other provinces, etc. Archival documents of the Horde branch of the Astrakhan Chamber of State Property are sources for studying the process of Kalmyks integration into the national system, the construction of houses along the highways, the formation of villages and the resettlement of peasants to the territory of the Kalmyk steppe, the transition of some Kalmyks to a semi-settled lifestyle. Studying of various types of archival documents and the procedure of their application in office practice helped to clarify their functional purpose and compliance with all-Russian standards.

Keywords: Horde branch of the Astrakhan Chamber of State Property, Temporary Construction Commission, Regulations of 1847, settlement, resettlement, Kalmyk steppe, archival document, adobe houses

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 "The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups"

For citation: Mandzhikova L. B. Documents of the Horde Branch of the Astrakhan Chamber of State Property as a Source. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS.* 2024; (4): 64–90. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-64-90

1. Введение

В 1838 г. управление калмыцким народом перешло в ведение Министерства государственных имуществ (далее — МГИ), которое начало целенаправленно проводить политику, направленную на обоседление калмыков. Министр государственных имуществ граф П. Д. Киселев направил предложение в Государственный Совет, в котором выразил свое мнение о необходимости сближения управления калмыцким народом «в правилах и порядке с управлением государственными имуществами, чтобы таким образом приуготовить калмыков к сближению с коренными жителями» [Островский 1892: 11]. Этой проблеме посвящена совместная статья С. В. Виноградов и Ю. Г. Ещенко [Виноградов, Ещенко 2023:

35–51]. Процесс интеграции Калмыцкой степи в единую систему управления государством освещается в фундаментальной «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [История 2009: 503–514], ряде научных работ ученых Калмыкии [Амаева 2014; Команджаев, Имирдыкова 2019; Максимов 1975; Максимов 2000; Максимов 2002; Максимов 2021; и др.].

Цель статьи — изучить документы, содержащие сведения о реализации планов российского правительства по переселению крестьян на территорию Калмыцкой степи и оседании калмыков путем реализации строительной кампании, ввести их в научный оборот.

2. Материалы и методы

Объектом исследования в данной статье явились 10 архивных дел (Д. 20, 21, 22, 23, 31, 32, 48, 49, 77, 78) фонда И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ» (1848–1881), находящегося на хранении Национальном архиве Республики Калмыкия.

Данные дела представляют большой интерес, потому что в них содержатся сведения о деятельности Временной Комиссии по строительству домов, о проблемах, возникавших при строительстве глинобитных и деревянных домов, о транспортировке стройматериалов, изготовлении кирпича из местного сырья, найме каменщиков, плотников и других вопросах. Эти дела подтверждают важность проводимых мероприятий по строительству домов и являются историческими источниками, свидетельствующими о реализации государственной программы по заселению дорог и обоседлении калмыков во второй половине XIX в.

При изучении архивных документов, их состава и содержания, порядка их рассмотрения применялись исторические методы исследования — сравнительно-сопоставительный, функциональный и хронологический, что позволило исследовать виды документов, их назначение, определить соответствие ведения делопроизводства общероссийским требованиям и выявить изменения в его развитии по сравнению с ранее действующими органами власти по управлению калмыцким народом.

3. Краткая справка о политике обоседления калмыков

Политику перевода калмыков к оседлому образу жизни российское правительство стало проводить еще с 30-х гг. XIX в., и ее грамотное проведение позволило бы осуществить «интеграцию калмыцкого народа в общероссийское политическое и социально-культурное пространство» [История 2009: 503]. О путях решения данной проблемы шли дебаты, большинство считало, что калмыки не готовы к быстрому переходу к оседлости, и склонялось к тому, чтобы проводить мероприятия постепенно и демонстрировать положительные моменты из оседлой жизни, в том числе проживание в построенных кирпичных или деревянных домах, а не в кибитках. Этой идеи придерживались Астраханский военный губернатор И. С. Тимирязев, Главные попечители калмыцкого народа А. М. Фадеев и К. И. Костенков. И. С. Тимирязев полагал, что достичь цели можно: 1) просветительскими мерами, например созданием калмыцкого училища в г. Астрахани; 2) разрешением селиться русским крестьянам на калмыцких землях; 3) разрешением крещеным калмыкам селиться на казенной земле и освобождением их от податей и повинностей в течение 10 лет [История 2009: 504]. Мнение И. С. Тимирязева поддерживал А. М. Фадеев, но в то же время он считал, что некоторая часть калмыков была готова вести полуоседлый образ жизни и необходимо поощрять тех калмыков, которые хотели бы заниматься земледелием [История 2009: 504]. Первые признаки перехода к оседлости А. М. Фадеев обнаружил в Большедербетовском, Малодербетовском и Хошеутовском улусах Калмыцкой степи Астраханской губернии. В этих улусах владельцы вели оседлый образ жизни, возводили дома, хозяйственные постройки. Для простолюдинов строили дома (турлушки), которые были сделаны из плетня и обмазаны глиной [История 2009: 505]. Но это были единичные случаи, и калмыки-простолюдины жили в них только в зимнее время. Некоторые калмыки селились по берегам р. Волги и ее протоков, что было связано с «вовлечением населения в занятия промыслами» [Виноградов, Ещенко 2023: 38]. Предложения А. М. Фадеева стали основой проекта МВД «Положение о переходе калмыков из кочевой жизни к оседлой», который не был воплощен в связи с назначением на должность Главного

попечителя калмыцким народом графа К. И. Костенкова [[История 2009: 506](#)].

К. И. Костенков был осведомлен о состоянии Калмыцкой степи (не только о географических, астрологических, но и исторических, этнографических, экономических ее характеристиках), так как он был руководителем Кумо-Манычской экспедиции 1860–1861 гг., «которая произвела систематизацию всех сведений о Калмыцкой степи и собрала много ценных данных о калмыках» [[Мацакова 2008: 159](#)]. К. И. Костенков много знал об образе жизни калмыков и считал, что «более рациональною мерою относительно приучения калмыков к предоставленной им земле должно быть устройство их степного хозяйства на таких началах, которые могли бы приучить народ к постепенному переходу от кочевой бродячей жизни к оседлому» [[Костенков 1870: 88](#)].

Предлагались и другие варианты вливания калмыков в общероссийское пространство, например, сенатор князь П. П. Гагарин был «сторонником постепенной ассимиляции народов России русскими» и потому считал, что слияние калмыков с русским народом надо проводить «поэтапно, разместив их для начала вдоль шести наиболее значимых для государства дорог» и «поселить в 11 станциях из 48 планируемых станиц вместе с калмыками по 50 русских семей» [[История 2009: 509–510](#)]. Данный план решал, по его мнению, две задачи: во-первых, перевод калмыков к оседлому образу жизни; во-вторых, заселение дорог.

Параллельно рассматривался план Астраханского военного губернатора И. С. Тимирязева по формированию казачьих полков и расселению калмыков-казаков вдоль дорог. Ставились также задачи научить калмыков-казаков вести оседлый образ жизни, заняться земледелием и тем самым показать пример остальным калмыкам.

В 1842 г. управляющим Астраханской палаты государственных имуществ (далее — АПИ) и Главным попечителем калмыцкого народа был назначен К. И. Оленич-Гнененко, действительный государственный советник, который на основе гагаринского варианта разработал проект «О водворении калмыцкого народа», по сути, это была «развернутая программа освоения территорий, прилегающих к трактам, и перевода калмыков на оседлость» [[История 2009: 511](#)]. Проект был направлен в Комитет министров. Впослед-

ствии проект стал называться «Положение о водворении калмыцкого народа», было изменено не только название, но и идеология проекта. По указанию П. Д. Киселева изменился главный акцент проекта, основным стал «не столько перевод калмыков на оседлость, сколько на экономическое освоение придорожных территорий и удовлетворение земельных нужд российского крестьянства» [История 2009: 512].

По мнению В. В. Батырова, проводимая политика Российского государства по ограничению территории для кочевания калмыков сделала «невозможным функционирование традиционной пастбищной системы», и «единственным способом для выживания в условиях земельного „голода“ был переход к полукочевому, а затем базовому скотоводству» [Батыров 2016: 18]. В статье Е. Н. Бадмаевой и В. В. Батырова рассмотрена проблема трансформации жилища калмыков в условиях их перевода на оседлость [Бадмаева, Батыров 2023: 409–426].

В 1846 г. было проведено обследование улусов на предмет обоседления калмыков. Результаты обследования показали, что «обстановка с переходом на оседлость ... не внушала оптимизма» [История 2009: 512]. Показатель строительства стационарного жилья за период с 1831 г. по 1846 г. был крайне низким, построено было всего 313 домов, при этом в начальный период 274 дома и 39 домов — в 1840–1846 гг. Из этих данных был сделан вывод о несостоятельности реализации программы обоседления калмыков, и МГИ приняло решение не отказываться от этой идеи, но приоритетной считать задачу создание поселений вдоль трактов [История 2009: 512].

Профессор Н. Н. Пальмов еще в 1925 г. в статье «Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь», опубликованной в двух номерах журнала «Калмыцкая область», выразил мнение о том, что считает данную проблему «одной из важных задач», и дал оценку материалов, «извлеченных из Астрах[анского] Калм[ыцкого] архива, позволяющих... установить причины, тормозившие в свое время дело обоседления» [Пальмов 1925а: 124]. Также он был уверен в том, что причины «устранены самым ходом исторической жизни» и появилась «возможность осуществления такой настоятельно необходимой для калмыков меры, как полное

их обоседление». Он полагал, что иммиграция «русских крестьян сопровождалась немаловажными последствиями для калмыков» [Пальмов 1925а: 124].

В результате проведенной работы новый проект государственной программы был представлен на рассмотрение императора Николая I, который утвердил его 11 ноября 1846 г. Следом вышел указ императора Николая I от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях в Астраханской губернии», вместе с указом были утверждены инструкция с одноименным названием и штатное расписание вновь создаваемой Комиссии по заселению дорог (далее — Комиссия) [История 2009: 513]. Указом «допускалось в каждой станице поселение некоторого числа государственных крестьян», что «сыграло крупную роль в колонизации Калмыцкой степи... имея задачей склонять калмыков к обоседлению, и образцовым устройством своих хозяйств показывать кочевникам преимущества оседлого быта пред кочевым» [Пальмов 1925а: 124–131].

Переселенческой политике российского государства посвящен ряд работ С. С. Белоусова [Белоусов 1989; Белоусов 1992; Белоусов 2011; Белоусов 2018; Белоусов 2021; Белоусов 2022].

О составе и содержании документов, созданных в период деятельности Ордынского отделения АПГИ (1848–1867), порядке их рассмотрения, о документах как о письменных источниках по истории государственных учреждений, направлений их деятельности имеются работы Л. Б. Манджиковой [Манджикова 2024а; Манджикова 2024б]. В справочном издании «Фонды Национального архива Республики Калмыкия. 1713–1991» имеются данные об истории создания Ордынского отделения, составе и содержании документов, созданных в период ее деятельности [Фонды 2002].

В калмыцкой историографии ряд исследовательских работ посвящен деловой письменности, делопроизводству в дореволюционной Калмыкии, среди них статьи и книги Д. А. Сусеевой [Сусеева 2003; Сусеева 2009], Д. Б. Гедеевой [Гедеева 2004; Гедеева 2018; Гедеева 2019; Гедеева 2022], И. В. Лиджиевой и Б. В. Когдановой [Лиджиева, Когданова 2018], Л. Б. Манджиковой [Манджикова 2022а; Манджикова 2022б; Манджикова 2023а; Манджикова 2023б; Манджикова 2023в; Манджикова 2023г].

4. Архивные дела о деятельности Временной комиссии по строительству домов

Комиссия по заселению дорог, которую возглавил Главный попечитель калмыцкого народа К. И. Оленич-Гнененко, начала свою деятельность, исходя из поставленных задач [История 2009: 541]. В штате состояло 20 человек, в том числе «землемер, гражданский инженер, ученый лесничий, чиновник особых поручений, гражданские топографы — 2 человека, кондукторов — 8, три нижних чина Лесного корпуса, письмоводитель и два писца высшего и низшего разрядов» [История 2009: 513]. На их содержание было выделено 4 602 рубля серебром и 300 рублей единовременного пособия на приобретение инструментов, красок и других приборов для гражданского землемера и инженера. Финансирование данных расходов планировалось осуществить за счет сумм оброчных и албанных податей Яндыковского и Икицохуровского улусов [История 2009: 513].

Приоритетной задачей Комиссии являлось определение мест для строительства станиц. Комиссия начала свою деятельность с топографической съемки и нарезки земель под поселения, причем нарезали квадратными участками. Такое решение приняла Астраханская палата государственных имуществ после одобрения предложения землемера Домнина, который учел ранее совершенные ошибки, связанные с тем, что не был решен самый главный вопрос — погон скота. Только нарезка квадратными участками могла решить данную проблему. Станица должна была находиться в центре участка [История 2009: 542–543].

Переселенцам необходимо было предоставить жилье. Первый департамент МГИ рассмотрел планы строительства домов. Были предложены проекты «образцовых домов»: деревянные дома, из земляного кирпича; плетневые или камышовые дома, обмазанные глиной. В некоторых станицах для примера были построены «образцовые дома», «на манер которых переселенцы должны были строить свои жилища» [Пальмов 1925б: 81].

За строительные работы отвечала созданная при Ордынском отделении АПГИ Временная строительная комиссия по устройству улусов. Руководил строительными работами инженер С. В. Держановский. В его обязанности входили: «разбивка линии домов и улиц, изыскание и подвоз строительных материалов»

[История 2009: 543]. Ему пришлось решать вопрос о строительном материале, так как строительство большого количества домов с традиционным использованием дерева в степи не представлялось возможным из-за отсутствия последнего. Отсутствовали и мастера по строительству домов. Учитывая наличие таких природных материалов, как глина, солома, С. В. Держановский предложил строить дома из самана. К тому же в России применяли технологию изготовления кирпича из глины по системе лемпача, которая представляла собой технику высушивания, а не обжига кирпича. В архивном деле № 20 сохранилось письмо Канцелярии по заселению дорог на калмыцких землях АПГИ в адрес Главного попечителя Яндыковского улуса от 1 июля 1849 г., в котором говорилось о направлении инструкции «Способ выделки сушеного глиняного¹ кирпича по системе Лимпача²» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 20. Л. 34–34об.]. Глина использовалась при формировании кирпичей размером 3 на 1,5 вершка³, и технология изготовления кирпича позволяла увеличить их размер, но при условии соблюдения пропорции. Соответствующая инструкция была разработана гражданским инженером С. В. Держановским на основе разработок Потье [Пальмов 1925б: 83]. Инструкция была подписана С. В. Держановским и заверена письмоводителем Добронравиным⁴ [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 20. Л. 34об.]. В инструкции содержались ценные указания «по части приемов кладки стен и устройства фундамента, а также против оседания построек», рекомендации «приготавливать материалы для земляных кирпичей так: прежде всего, выкапывается на $\frac{1}{4}$ аршина глинистая, или черноземная почва; выкопанная земля на том же месте разрыхляется и перемешивается с резанной или мятой соломой, или же сухой травой, затем поливается водой и разминается... В результате всей этой операции должна получиться вязкая, прилипающая к рукам масса, которая и служит материалом для кирпичей» [Пальмов 1925б: 83]. Далее «для выделки кирпичей берется деревянный станок и помещается масса, в размер кирпича», согласно описанию, в станке были четыре деления,

¹ Так в документе.

² Так в документе. Правильно — *лемпач* [Плужников 1995: 83, 112].

³ Вершок — старинная русская мера длины, равная 4,4 см.

⁴ Инициалы не известны.

стенки перегородок смачивали водой и потом в них помещалась приготовленная масса, далее выравнивали и выкладывали кирпичи «плашмя на ровном, сухом и обсыпанном травой или резаной соломой месте», сверху кирпичи также обсыпались травой для того, чтобы они не потрескались. В таком виде кирпичи лежали сутки, после чего их ставили на ребро и тоже на сутки. По истечении указанного времени кирпичи «складывали в клетки», и только после четырех дней кирпич «считался годным к употреблению» [Пальмов 19256: 83–84].

В разных улусах, в зависимости от природных условий, принимались разные решения о технологиях в строительстве домов. Так, например, из документов архивного дела № 20 «Дело о Временной комиссии по устройству домов в улусах Яндыковского и Харахусовского улусов» (датируемого с 10 мая 1849 г. по 9 февраля 1852 гг., на 224 л.) следует, что была создана Временная строительная комиссия по устройству домов в улусах Яндыковского и Харахусовского улусов. В состав Комиссии входили: попечитель Яндыко-Ики-Цохуровского улуса, титулярный советник Рославлев (председатель Комиссии), попечитель Мочагов, титулярный советник Пршесмыцкий и гражданский инженер по заселению дорог Барашев¹. Комиссия имела следующие полномочия: 1) наблюдение за качеством выделки кирпича и сортировкой; 2) хранение кирпича до особого распоряжения; 3) информирование Главного попечителя калмыцким народом об успехах каждые 15 дней. Для выполнения поставленных задач необходимо было «устроить» кирпичный завод по выделке и «ужиганию кирпича», построить сарай для хранения кирпича и решить вопрос о выделении финансовых средств на приобретение необходимого количества сырьевого материала и инструментов для их изготовления [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–7об.]. Члены Временной комиссии должны были руководствоваться в работе инструкцией, «назначенной для наблюдения при выделки кирпича для устройства улусных домов» от 24 июня 1849 г. [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–7об.].

О том, как решались вопросы обустройства кирпичного завода, постройки домов и хозяйственных строений, приобретения материала и инструментов, узнаем из различных видов документов,

¹ Инициалы не известны.

таких как распоряжения, предписания, переписки, ведомости и др. Использовались и другие виды документов, отражающие специфику в профессиональной деятельности, в данном случае в строительном и бухгалтерском деле. Например, исчисление потребностей в камыше для заготовки материалов и сумм на постройку кирпичного сарая в Яндыковском улусе; накладные на дрова. Необходимо отметить, что в верхнем правом углу накладной написаны слова «из копии копия». Документ заверен подписью попечителя Рославлева [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 20. Л. 87]. Само слово *смета* говорит за себя, что документ включает предполагаемые виды работ, их описание; наименование требуемых материалов и их количества. В качестве примера можно привести два дела: «Смета (исполнительная) на устройство дома для попечителя и казаков Мочажного уласа» и «Сметы на устройство сарая из земляного кирпича при доме в Мочажном улусе». Сметы рассматривались и утверждались на заседаниях Временной комиссии, и соответствующие записи вносились в Журнал Комиссии и в Технический отчет от 11 октября 1854 г. за № 262» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 78].

Что из себя представлял технический отчет, можно узнать из дела № 49 «Технический отчет по устройству Дома и Фитиля, со службами, для Улусного Управления, Зарго, помещения чиновникам и казачьей команды, в Багацохуровском улусе» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 49].

Технический отчет был составлен в табличной форме и содержал 5 граф:

Ссылка на смету		Опись произведенных работ	Количество	Примечание об отступлениях от утвержденного проекта и сметы
статья	пункт			

К техническому отчету прилагалась пояснительная записка за подписью Гражданского инженера Стоцкого [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 49. Л. 29–31].

О финансировании мероприятий по строительству домов исследователь может узнать из рапорта об исполнении поручения и записи о выделении «денег серебром 290 рублей», а из «Книги на приход» — о выделении указанной суммы и ее получении [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 20. Л. 22–22об.].

В «Книге Временной Комиссии по устройству улусных домов, в улусах Яндыковского и Харахусовском, на записку материалов и припасов, присылаемых для выделки на кирпичном заводе кирпичика», начатой 28 апреля 1849 г. и оконченной 21 декабря 1849 г., велся учет прихода и расхода материалов. Книга составлена в табличной форме из 8 граф, графы не имели наименований, но по содержанию внесенных записей можно определить:

- 1 графа — номер по порядку;
- 2 графа — дата и номер документа, от кого поступил и с какой резолюцией;
- 3 графа — дата регистрации входящего документа;
- 4 графа — запись прихода и расхода материалов;
- 5 графа — количество в стогах, штуках и других единицах измерения;
- 6 графа — стоимость за единицу измерения;
- 7 графа — сумма.

Каждая запись заверена председателем комиссии, попечителем Рославлевым [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 21].

В архивном фонде сохранились две книги: «Книга. Рапорт Временной строительной Комиссии по постройке дома в Багацохуровском улусе, на записку денег, поступивших в Комиссию» (Д. 31) и «Книга. Рапорт Временной строительной Комиссии по постройке дома в Багацохуровском улусе, для записки материалов и инструментов, нужных при постройке улуса» (Д. 32). Эти книги называются «шнуровыми книгами» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 22. Л. 7об.]. Шнуровые книги изготовлены типографским способом. Обложки из плотного картона, имеют одинаковый рисунок и количество листов (по 77 листов). Папки с проколами в верхней и нижней части, справа отступ от края составлял 2 см, через проколы протянуты завязки длиной по 15 см. Данные книги, по сути, являются книгами прихода и расхода. Они составлены в табличной форме, и наименования граф несколько разнятся, что связано с их назначением. Исходя из содержания этих книг можно сделать вывод, что они имели особое назначение и велись в период проведения ревизий. В них были записаны все документы, подтверждающие приход и расход. Таким способом осуществлялся контроль за расходованием выделенных финансовых и материальных средств.

В «Книге. Рапорт Временной строительной Комиссии по постройке дома в Багацхуровском улусе, на записку денег, поступивших в Комиссию» велся учет прихода и расходов денежных средств, с указанием статей, в табличном виде [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 31. Л. 1об.–17]:

Слева:	Справа:
1 – номер статей по порядку;	1 – номер по порядку;
2 – когда записаны деньги в приход;	2 – когда записаны деньги в приход;
3 – приход;	3 – расход;
4 – рубли;	4 – р[ублей];
5 – копейки;	5 – к[опейки];
6 – отметка статей, под которым записаны в расход	6 – отметка-уведомление о получении и статьи, под которым написаны на приход

В отличие от предыдущей учетной книги в «Книге. Рапорт Временной строительной Комиссии по постройке дома в Багацхуровском улусе, для записки материалов и инструментов, нужных при постройке улуса» учитывалось количество «материалов купленных» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 32. Л. 1об.] или «присланных материалов и приборов» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 32. Л. 4об.]. Книга велась также в табличной форме, но состояла из 10 столбцов, расположенных на разворотах двух листов, при этом слева велась запись прихода материалов, а справа — расход [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 32. Л. 1об.–14]:

Слева:	Справа:
1. номер по порядку;	1. номер по порядку;
2. год, месяц и число;	2. год, месяц и число;
3. приход;	3. расход;
4. количество материалов;	4. количество материалов;
5. [не имеет наименования, записей нет].	5. [не имеет наименования], на некоторых листах имеются дополнительные столбцы

Интересен тот факт, что по завершении внесения записей пустые страницы были вырезаны и на последнем листе, в заверительной записи, написано: «Книга сия выдана из Астраханской палаты госуд[арственных] имуществ — Временной строительной Комис-

сии по строительству дома в Багацохуровском улусе, на записку материалов и инструментов, по поступлениям для постройке дома в каковой книге измерованных и скрепленных семьдесят семь листов. Дана ноября дня 1850.

Советник [подпись]

Делопроизводитель [подпись]

За столоначальника [подпись]» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 32. Л. 17].

Все листы, содержащие записи и вырезанные, — прошиты и пронумерованы, концы шнуровки скреплены сургучной печатью. В обеих книгах изначально числилось по 77 листов. В деле № 31 последняя запись сделана на 15 листе, последующие листы с 16 по 76 вырезаны и лист 77 перенумерован под № 16. На последнем 17 листе написана заверительная запись. Возможно, дело было перенумеровано 22 июля 1938 г., именно эта дата указана в следующей заверительной записи, написанной архивно-техническим работником Пагаткиной. В деле № 32 запись велась с 1 по 13 листы, далее с 14 по 76 листы отрезаны и 77 лист перенумерован в номер 14. Текст заверительной записи в точности повторяет запись в деле № 31.

И еще одна особенность в ведении этих книг — это то, что на каждом листе, начиная с первого, по слогам написаны слова, заверяющие запись.

На примере дела № 31: слова написаны по слогам с 1-го по 16-й листы и располагались внизу с правой стороны:

0 чистый лист: за сто-	5 лист: ка-	10 лист: тор	15 лист: ника
1 лист: ло-	6 лист: кол-	11 лист: [подпись]	16 лист: верно
2 лист: на-	7 лист: леж-	12 лист: За сто-	
3 лист: чаль-	8 лист: ский	13 лист: лона-	
4 лист: ни-	9 лист: Реги-стра-	14 лист: чаль-	

В конце таблиц идет текст, написанный на разворотах обеих страниц, следующего содержания. Ревизия определила: «материалы надлежащего качества и в означенный дома со службою по описи принять от Г. Стоцкого Правитель Багацохуровского улуса, исправляющего должность попечителя, и потому определила:

расходы означенной суммы по описи утвердить, о чем сделать на осьми тетрадах надлежащая надписи, возвратить оные и подлинны акты, как то, счета, технические отчеты, описи, инвентарные описание и ведомости об оставшихся материалах в Отделение ордынского народа при списке с сего постановления, и записи дело по контролю считать конченою. Апреля 19 дня 1860 года» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 31. Л. 15об.–16].

Необходимо акцентировать внимание на том, что приобретенный строительный материал проходил проверку. Например, камыш, заготовленный попечителем Яндыковского улуса, прошел проверку, и Временная комиссия составила Акт об освидетельствовании камыша от 10 июня 1849 г. В акте отмечалось: «камыш, находящийся близ станицы Яндыки, принять для употребления при устройстве крыши» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 20. Л. 62]. Аналогичные акты были составлены в Эркетеновском, Харахусовском улусах, Мочагах [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 20. Л. 63–65]. Кроме того, имеются данные о поощрении работников. За скошенный камыш 12 калмыков были внесены в «Именной список получивших вознаграждение за заготовку камыша в количестве 35 стогов в сумме 175 рублей» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 20. Л. 17–17об.].

Из «Списка к постановлению Палаты государственных имуществ по Отделению ордынского народа, состоявшемуся 4 мая за № 420», подшитого в архивном деле № 22 «Дело строительной Комиссии по устройству домов в Яндыковском и Харахусовском улусах. Операции по устройству домов. Часть II» (23.12.1849–22.12.1850), становится известным то, что кирпичный завод в станице Яндыкове работал в полную силу и было «выделано до ста тысяч кирпича» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 22. Л. 10–13об.].

Представляет интерес и по содержанию, и по оформлению такой вид документа, как «Открытый лист». Текст написан на двух языках, слева на русском языке, справа на калмыцком языке с использованием письменности «тодо бичиг» («ясное письмо»). В тексте говорится о том, что казаку Астраханского казачьего 2-го полка Ивану Матюшкину было дано задание переправить на лодке лесоматериалы, а калмыкам «оказывать немедленное содействие и пособие; в противном случае виновные в неоказании пособия будут подвергнуты строгой законом ответственности» [НА РК. Ф. И-6.

Оп. 1. Д. 20. Л. 17]. Данный «Открытый лист» казак И. Матюшкин после выполнения задания должен был представить Главному улусному попечителю. Документ оформлен следующим образом: 1) имеет номер № 3 821; 2) заверен сургучной печатью с надписью по кругу «Астраханская палата государственных имуществ»; 3) внизу указана должность — делопроизводитель; 4) подпись делопроизводителя; 5) запись на старокалмыцком языке [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 20. Л. 17–17об.].

В составе дела № 20 встретились две расписки крестьян из Пензенской губернии в получении паспортов. Первые абзацы в обеих расписках имеют одинаковый шаблонный текст и написаны одним человеком — ровным подчерком с наклоном вправо. Скорее всего, эта часть расписки написана представителем Временной комиссии. Вторые части расписок написаны крестьянами, так как подчерки писавших отличаются, слова написаны печатными буквами [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 20. Л. 35–36]. Видимо, паспорта забирали у крестьян и отдавали по завершении работы.

Изучение архивного дела «Протоколы Временной комиссии по устройству домов в Яндыковском и Харахусовском улусах (под председательством Г. Рославлева)» за период с 13 мая 1849 г. по 15 августа 1850 г. показало, что оформление протоколов значительно отличается от протоколов, составленных в предшествующих органах управления калмыцким народом. Они лаконичны и содержательны. Содержат следующие данные: 1) дата заседания (год, месяц, день), 2) наименование комиссии, 3) должность, имена и фамилии членов комиссии; 4) о рассматриваемом вопросе и принятом решении, при этом писали слова: «Определили» или «Полагает» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 6].

Сравнительный анализ показал, что протоколы и журналы как виды документов продолжали относиться к обязательным управленческим документам. Так, на примере дела № 48 «Журналы Временной строительной комиссии по устройству домов в улусах Яндыковском и Харахусовском» за период со 2 мая 1852 г. по 23 ноября 1853 г. видно, что журнал также оформлялся в табличной форме и содержал следующие данные: 1) порядковый номер; 2) содержание слушаний и определение по ним. Записи так же, как и в протоколах, краткие и содержательные.

И еще один важный момент: из прошения подрядчика, государственного крестьянина деревни Павловки Леонтия Павлова, адресованного Временной комиссии, «учрежденной для наблюдения за выделкой кирпича», можно узнать, что между АПГИ и подрядчиком заключался контракт. Так как в контракте не были оговорены условия использования горна (его принадлежность к казенному имуществу или находящегося в собственности подрядчика), Л. Павлов просил конкретизировать данный момент и в случае использования горна подрядчика вписать в текст контракта пункт о выделении дополнительных финансовых средств за аренду [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 20. Л. 73].

В данном разделе статьи рассмотрены архивные дела, содержащие сведения о строительстве кирпичного завода, изготовлявшего кирпичи из глины; о видах документов, в которых отражены вопросы финансирования, обеспечения строительными материалами и инструментами, контроль за исполнением финансовых приходов и расходов.

5. О строительстве деревянных домов

В отдельную группу можно отнести архивные дела, в которых рассматривались вопросы о строительстве деревянных домов. В деле № 22 «Материалы деятельности Временной комиссии по строительству домов в улусах» за 1849–1850 гг. подшита переписка между МГИ, АПГИ, Ордынским отделением АПГИ, Комиссией по заселению дорог, Временной строительной комиссией, попечителями улусов и другими должностными лицами по вопросам строительства домов для улусов. Из документов следует, что дома строили двух видов: глинобитные и деревянные. Описание технологии строительства глинобитных домов указано было выше. В другой части инструкции С. В. Держановского даны рекомендации по строительству домов с окнами, для которых требовались деревянные бруски и доски. Кроме того, деревянные бруски были необходимы при оформлении углов строений, перегородок и внутренних стен, которые должны были «смыкаться друг с другом, и скреплены надежными гвоздями» [Пальмов 1925б: 85].

В письме Ордынского отделения АПГИ от 24 мая 1850 г., адресованном Временной строительной комиссии, пишется о необхо-

димости заранее приобрести «деревянные стойки длиной 2 сажени, толщиной 6 вершин, коими будут окна и ставни» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 22. Л. 38].

Для строительства домов были нужны мастеровые люди. В деле имеется много писем, в которых содержится переписка о найме плотников, каменщиков, людей для перевозки кирпича и сборщиков камыша и изготовителей камышовых пучков [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 22. Л. 21–22об., 31–32, 39]. Из донесений, рапортов, ведомостей, накладных, квитанции, свидетельств о плотничьих инструментах и других видов документов следует, что мастеров нанимали и их обеспечивали необходимыми инструментами, и их работа оплачивалась [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 22. Л. 38, 168]. Так как мастера были крестьянами, то договор заключался с их владельцами.

В изучаемом деле подшито три условия (договора) о найме крестьян-мастеров (каменщиков, плотников) между АПГИ и владельцами, а также с казенными крестьянами. В настоящей статье мы будем использовать термин договор-условие.

Все договора-условия написаны на бумаге с водяными знаками и гербом с изображением двуглавого орла. В верхнем правом углу бумаги имеется оттиск следующего содержания: «Цена 30 коп. серебром». Оттиск на бумаге изготовлен типографским способом.

АПГИ заключила договора-условия о найме мастеров-каменщиков на постройку улусных домов на условиях, оговоренных в 11 пунктах:

— с помещиком Глебом Яковлевичем Касаткиным из Владимирской губернии о найме крестьянина Зот Яковлевича Шепырева;

— с подрядчиком Александром Суботиным из Нижегородской губернии Арзамаского уезда села Харина о найме крестьянина Г. Г. Балашевских [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 22. Л. 40–41, 44–45, 148].

Аналогичный договор-условие был заключен с Иваном Федоровым, казенным крестьянином Владимирской губернии и уезда¹ Подольской волости о найме плотников от 10 до 15 человек для устройства улусных домов в Яндыковском и Харахусовских улусах [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 22. Л. 48–49].

¹ Так в документе.

Все три договора-условия подписаны в один день, а именно 8 июня 1850 г., и направлены Ордынским отделением АПГИ в адрес Временной строительной Комиссии. Сопроводительные письма подписаны советником, делопроизводителем и исполнявшим обязанности начальника стола¹ [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 22. Л. 39, 43, 47].

В документах встречается информация о том, что наемные работники, исповедующие христианство, не работали в дни церковных празднеств. Например, в Ведомостях о проведенных работах с 14 августа по 20 сентября 1850 г. указаны рабочие дни и 5 нерабочих дней, связанные церковными праздниками. Нередко праздники шли один за другим, так Праздник Успения Пресвятой Богородицы приходился на 15 августа, вторник, а на следующий день отмечали Праздник Нерукотворного образа [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 22. Л. 153–153об.]. При строительстве домов христиане придерживались своих религиозных верований и проводили ритуалы. Так, в рапорте попечителя Рославского, адресованного Главному попечителю калмыцкого народа генерал-майору К. И. Костенкову, говорится о том, что только «после совершенного молебствия начата закладка фундаментов под улусные дома» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 22. Л. 67].

Из следующих видов документов можем узнать о проблемах, возникавших при строительстве домов. В Ведомости лесным материалам, отправленной чиновником Юминовым «при накладной от 9 октября за № 12 436» во Временную строительную комиссию, содержатся сведения о потребностях в строительных материалах из дерева. Ведомость составлена в табличной форме и состоит из 7 столбцов [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 22. Л. 247–248]:

[Порядковый номер и наименование, для чего]	Количество	Выписано				[Примечание]
		из каждого		всего		
		план	досок	план	досок	

Довольно часто при перевозке водным путем строительные материалы получали повреждения, и тогда принимались решения о возврате испорченного материала в Астрахань; делались «внуше-

¹ В документе должность упоминается как «За столоначальника».

ния, чтобы они [строительные материалы] при случившихся штормах оставались в безопасных местах» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 22. Л. 76].

Решались вопросы о снабжении стройки изделиями из железа. Из письма Главного попечителя в адрес Временной строительной Комиссии от 25 августа 1850 г. узнаем о том, что гражданский инженер Барашев сделал представление, в котором сообщалось о «доведении домов [до той] высоты, на которой потребуются класть железные связи». Гражданский инженер Барашев требовал «выслать железа разных размеров 72 пуд. 18 фун.» заранее, чтобы избежать ситуации, когда бы «из-за железа была бы в работе остановка» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 22. Л. 102–102об.].

Существовали требования и к покраске казенных и общественных домов, и Главный попечитель калмыцкого народа дал указания Временной Комиссии об их строгом выполнении [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 22. Л. 319].

Архивные документы о строительстве домов в Мочагах сохранились в «Деле с ведомостями по устройству деревянных домов, сараев и заборов в Мочагах близ Талагай Терновской почтовой станции», датированном 3 июля 1854 г. [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 77]. В деле имеется «Пояснительная записка к техническому отчету по устройству в Мочагах деревянного дома и при нем сарая из земляного кирпича, деревянного забора по переднему фасаду, а с прочих сторон канавы и валом». Деревянный дом строился для чиновников и казаков. На его постройку были утверждены расходы в сумме 1 640 руб. 41 коп. Кроме того, для постройки дома была определена местность «в 8-ми верстах от Талагай-Терновской почтовой станции по направлению к морю» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 77. Л. 7].

В пояснительной записке подробно описаны все этапы рассмотрения вопроса и принятые по ним решения, приводятся расчеты по расходованию денежных средств на строительство дома и сарая, на транспортные расходы — сухопутные и водные. По завершении строительства дома и хозяйственных построек был составлен «Акт Свидетельства» от 18 декабря 1855 г., в котором говорится, что «во исполнение предписания Астраханского губернатора Строительной и Дорожной Комиссии... учинено это Свиде-

тельство при Г[лавном] попечители Мочагов», «означенным строением показано:

1-е, выполнено все согласно утвержденным и отчетным проектом¹ и сметам;

2-е, материалы употреблены надлежащего качества;

3-е, работы произведены прочно;

4-е, сумма всего Тысяча шестьсот тридцать восемь руб. пятьдесят пять коп. серебром употреблена согласно с положениями в сметах показанных и выгоды для казны». Акт Свидетельства подписан губернским архитектором. К акту прилагались инвентарное описание построек и ведомость о денежных расходах [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 77. Л. 9–12, 13–58].

Таким образом, изучение архивных документов о строительстве домов в Яндыковском и Харахусовском улусах, в Мочагах свидетельствует о важности предпринятых попыток в решении вопросов обоседления калмыков. Строительство домов и поселение в них переселенцев или калмыков, решивших перейти к полуоседлому образу жизни, должно было стать для калмыков образцом новой жизни. Одновременно происходило знакомство с традициями, обычаями, религией, ремеслом двух народов.

Немаловажен и тот факт, что при строительстве домов использовались ранее известные калмыкам технологии по изготовлению кирпича из местного материала — самана.

6. Заключение

О результатах проведения государственной политики по переселению крестьян на калмыцкую землю, решения проблемы обоседления калмыков путем обустройства улусов и о роли Временной строительной комиссии АПГИ, созданной для строительства домов и иных построек в улусах, писал Главный попечитель калмыцким народом К. И. Костенков. Он обратил внимание на то, что ему было трудно дать оценку реализованным мерам, в то же время К. И. Костенков отмечал, что в отведенных местах, предназначенных для оседлых поселений, все же было «построено много деревянных и из земляного (глинобитного) кирпича домов для собственного жилья калмыков, и загонов для охранения в зимнее

¹ Так в документе.

время скота» [Костенков 1870: 90]. Калмыки селились в стационарных домах, но, прожив в них некоторое время, возвращались к прежней жизни. Лишь некоторые семьи калмыков (их было незначительное количество) перешли к полuosедлой или оседлой жизни. И это были первые шаги перехода калмыков к новому этапу в их жизненном пути.

Несмотря на принимаемые меры, тенденция перехода калмыков к оседлому или полuosедлому образу жизни в рассматриваемый период оказалась неустойчивой. Но такая ситуация способствовала решению других государственных задач, а именно заселения дорог вдоль трактов и переселения русских, украинских крестьян на территорию Калмыцкой степи.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Амаева 2014 — *Амаева Д. В.* Изменения в калмыцком кочевом обществе в первой половине XIX века как вектор трансформации повседневной жизни // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1492. [Электронный ресурс] // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16393> (дата обращения: 24.12.2024).
- Бадмаева, Батыров 2023 — *Бадмаева Е. Н., Батыров В. В.* Трансформация жилища калмыков в условиях их перевода на оседлость в имперский и советский периоды // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 5. С. 409–426. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-409-426
- Батыров 2016 — *Батыров В. В.* Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX в. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 226 с.
- Белоусов 1989 — *Белоусов С. С.* Стихийные крестьянские переселения в Калмыкию в первой половине XIX в. // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства в дооктябрьский период. Элиста: КНИИИФЭ, 1989. С. 51–62.
- Белоусов 1992 — *Белоусов С. С.* Переселение крестьян в Калмыкию в XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. 27 с.
- Белоусов 2011 — *Белоусов С. С.* Политика властей по привлечению казачества к поселению на трактах в XVIII в. (Астраханская губерния) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. Т. 11. № 1. С. 47–54. DOI 10.22162/2075-7794-2018-35-1-47-54
- Белоусов 2018 — *Белоусов С. С.* Самовольные поселения на калмыцких

- землях Астраханской и Ставропольской губернии: переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 6–21.
- Белоусов 2021 — *Белоусов С. С.* Самовольные переселенческие рыбацкие поселки на калмыцких землях (вторая половина XVIII–XIX в.) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 685–696. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696
- Белоусов 2022 — *Белоусов С. С.* Государственная переселенческая политика в Северном Прикаспии в XVIII – начале XIX в.). Элиста: КалМНЦ РАН, 2022. 368 с.
- Виноградов, Ещенко 2023 — *Виноградов С. В., Ещенко Ю. Г.* Влияние процесса обоседления кочевых народов Северного Прикаспия на развитие промышленно-промысловых кластеров Волго-Каспийского рыболовного района во второй половине XIX в. (на примере населения Калмыцкой степи Астраханской губернии) // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 4 (60). С. 35–51.
- Гедеева 2004 — *Гедеева Д. Б.* Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Издание текстов, введение, транслитерация, перевод со старокалмыцкого на современный калмыцкий язык, словарь Д. Б. Гедеевой. Элиста: Джангар, 2004. 196 с.
- Гедеева 2018 — *Гедеева Д. Б.* О слове *bičiq* в языке калмыцкой деловой письменности XVIII–XIX вв. // *Oriental Studies*. 2018. Т. 39. № 5. С. 145–151. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-145-151
- Гедеева 2019 — *Гедеева Д. Б.* Архивные письма XVIII в. как памятники калмыцкой деловой письменности // Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнической среды: опыт и перспективы. Мат.-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 22–25 октября 2019 г.). Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2019. С. 107–109.
- Гедеева 2022 — *Гедеева Д. Б.* О жанровом составе калмыцкой деловой письменности XVII–XIX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. № 3. С. 10–15.
- История 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- Команджаев, Имирдыкова 2019 — *Команджаев А. Н., Имирдыкова Д. Ю.* Калмыцкое управление в системе государственных органов Российского государства в XIX веке // Региональная Россия: история и современность: мат.-лы Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 12 декабря 2019 г.). Комсомольск-на-Амуре: АГПУ, 2019. С. 183–190.

- Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астрахской губернии: [С карт. Калмыц. степи]. СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.
- Лиджиева, Когданова 2018 — *Лиджиева И. В., Когданова Б. В.* Делопроизводственная практика управления калмыцким народом // *Oriental Studies*. 2018. Т. 36. № 2. С. 29–37. DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-29-37
- Максимов 1975 — *Максимов К. Н.* Государственные учреждения калмыцкой автономной области в 1920–1935 гг. (источниковедческий и историографический обзор) // *Ученые записки*. Вып. 12: Серия: История. Элиста: КНИИЯЛИ, 1975. С. 54–72.
- Максимов 2000 — *Максимов К. Н.* История национальной государственности Калмыкии. М.: Профиздат, 2000. 312 с.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Максимов 2021 — *Максимов К. Н.* Организация управления калмыцким народом в конце XVIII – первой четверти XIX вв. // *Nomadic civilization: historical research*. 2021. № 1. С. 54–65.
- Манджикова 2022а — *Манджикова Л. Б.* Архивные документы фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел. 1825–1836 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению истории государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии (некоторые вопросы организации делопроизводства) // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2022. № 2. С. 70–87. DOI: 10.22162/2587-65032022-2-22-70-87
- Манджикова 2022б — *Манджикова Л. Б.* Документы Комиссии калмыцких дел как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в XIX в. (на примере рассмотрения прошения калмыцкого владельца Э. Ц. Кичикова о дозволении носить бронзовую медаль) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 5. С. 1126–1135. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1126-1135
- Манджикова 2023а — *Манджикова Л. Б.* О порядке рассмотрения наградных материалов за оспопрививание в дореволюционной Калмыкии XIX в. (на примере архивного дела № 141 фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 602–615. DOI: 10.22162/26190990-2023-67-3-602-615
- Манджикова 2023б — *Манджикова Л. Б.* Архивные документы фонда И-3 «Совет калмыцкого управления. 1836–1848 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению органи-

- зации деятельности государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 683–699. DOI: 10.22162/25001523-2023-4-683-699
- Манджикова 2023в — *Манджикова Л. Б.* Архивный фонд И-2 «Комиссия калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в первой половине XIX в. (на примере рассмотрения проекта об оспопрививании в калмыцких улусах, разработанного инспектором Соломоном в 1832 г.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10(3). С. 398–409.
- Манджикова 2023г — *Манджикова Л. Б.* Документы секретного делопроизводства Совета Астраханского калмыцкого управления (1836–1848 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 3. С. 92–110. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-3-27-92-110
- Манджикова 2024а — *Манджикова Л. Б.* Документы Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ (1848–1867) как исторический источник по изучению организации деятельности госучреждения Калмыкии во второй половине XIX в.» // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 807–821. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-807-821
- Манджикова 2024б — *Манджикова Л. Б.* Четыре архивных дела Ордынского отделения АПГИ как источник по изучению особенных прав зайсангов после принятия Положения об управлении калмыцким народом от 23 апреля 1847 г. // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 680–696.
- Мацакова 2008 — *Мацакова Н. П.* Проекты главного попечителя калмыцкого народа К. И. Костенкова о преобразовании общественного строя калмыков // Вестник Прикаспия: археология, история, этнография, 2008. № 1. С. 158–165.
- Островский 1892 — *Островский М. Н.* Всеподданнейший доклад Министра государственных имуществ по поездке в Калмыцкую степь Астраханской губернии в 1891 г. СПб.: [б. и.], 1892. 72 с.
- Пальмов 1925а — *Пальмов Н. Н.* Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая область. Т. 2. Астрахань: [б. и.], 1925. С. 124–145.
- Пальмов 1925б — *Пальмов Н. Н.* Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь (Продолжение) // Калмыцкая область. Т. 3. Астрахань: [б. и.], 1925. С. 70–108.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма Аюки хана и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: Джангар, 2003. 456 с.

- Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов и их современников (1713–1771 гг.). Избранное / сост.: Л. Б. Шалданова, Г. С. Санджиева. Элиста: Джангар, 2009. 992 с.
- Фонды 2002 — Фонды Национального архива Республики Калмыкия, 1713–1993 / сост. В. З. Атуева и др. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 205 с.

«Калмыцкая» коллекция Саратовского музея краеведения в контексте антирелигиозной пропаганды

Ирина Ивановна Мучаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-7555-3182. E-mail: muchaevaii[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Мучаева И. И., 2024

Аннотация. Религиозная политика советского государства в первой трети XX в. была направлена на уничтожение влияния религии и авторитета духовенства на общество. В рамках идеологического соперничества с конфессиями уничтожению подвергались храмы, каждый из которых являлся архитектурным памятником, и предметы культа, являвшиеся результатом творческой деятельности мастеров прошлых столетий. Статья посвящена так называемой «калмыцкой» коллекции Саратовского областного музея краеведения. *Цель* статьи заключается в изучении экспонатов из фондов Саратовского областного музея краеведения, связанных с историей и религиозными представлениями калмыцкого народа. *Методы.* С использованием проблемно-хронологического метода анализа книг поступлений были выявлены периоды пополнения фондов предметами из Калмыкии. Исследование позволило выдвинуть гипотезу о наличии корреляции даты поступления с антирелигиозной кампанией советского государства. *Результаты.* Основные даты поступления, прежде всего, предметов буддийского культа, относятся к 1929 г. и 1932–1933 гг. Если в разные годы поступали единичные предметы, то в указанные годы состоялись массовые поступления. Именно в это время происходит усиление борьбы с религией, в ходе которой уничтожаются предметы буддийской культуры калмыцкого народа, каждый из которых представляет не только материальную ценность, но и научную.

Ключевые слова: калмыки, буддизм, танка, артефакты, ритуальные музыкальные инструменты, кочевая культура, антирелигиозная пропаганда, антирелигиозная кампания, государство Советов

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Мучаева И. И. «Калмыцкая» коллекция Саратовского музея краеведения в контексте антирелигиозной пропаганды // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 91–107. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-91-107

The “Kalmyk” Collection of the Saratov Museum of Local History in the Context of Anti-Religious Propaganda

*Irina I. Muchaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-7555-3182. E-mail: muchaevai[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Muchaeva I. I., 2024

Abstract. The religious policy of the Soviet state in the first third of the 20th century was aimed at destroying the influence of religion and the authority of the clergy on society. As part of the ideological rivalry with confessions, temples, each of which was an architectural monument, and objects of worship, which were the result of the creative activity of the masters of the past centuries, were destroyed. The article is devoted to the so-called “Kalmyk” collection of the Saratov Regional Museum of Local History. The *purpose* of the article is to study exhibits from the collections of the Saratov Regional Museum of Local History related to the history and religious beliefs of the Kalmyk people in the context of the anti-religious policy of the Soviet state. *Materials and methods.* By using the problem-chronological method of analyzing revenue books, periods of replenishment of funds with items from Kalmykia were identified. Further research allowed us to hypothesize the existence of a correlation

between the date of admission and the anti-religious campaign of the Soviet state. *Results*. The main dates of admission, first of all, objects of Buddhist worship, relate to 1929 and 1932–1933. If single items were received in different years, then mass admissions took place in these years. It was at this time that the struggle against religion intensified, during which objects of the original culture of the nomadic Kalmyk people were destroyed, each of which represented not only material value, but also scientific one.

Keywords: Kalmyks, Buddhism, tanka, artifacts, ritual musical instruments, nomadic culture, anti-religious propaganda, anti-religious campaign, the state of Soviets

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”

For citation: Muchaeva I. I. The “Kalmyk” Collection of the Saratov Museum of Local History in the Context of Anti-Religious Propaganda. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 4: 91–107. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-91-107

1. Введение

В XVII в., вступив в пределы Российского государства, предки современных калмыков заняли степные пространства нижнего Поволжья и Северного Прикаспия, ведя кочевой образ жизни, основой которого выступало экстенсивное скотоводство. И еще в XIX в., несмотря на втягивание калмыцкого общества в различные модернизационные процессы, сохранялся традиционный способ хозяйствования, способствовавший консервированию самобытного уклада. Революционные изменения в России первой четверти XX в. не могли в одночасье изменить существующий образ жизни калмыков и кардинально не повлияли на привычный уклад кочевников. В советское время в непростых условиях оказалась буддийская церковь. Цель статьи — изучение экспонатов из фондов Саратовского областного музея краеведения (далее — СОМК), связанных с историей и религиозными представлениями калмыцкого народа.

В соответствии с Постановлением Всероссийского Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 21 мая 1928 г. Калмыцкая автономная область вошла в состав Нижне-Волжской области, затем края с административ-

ным центром в городе Саратов [Национально-государственное 1981: 170]. Этот фактор обусловил пополнение фондохранилищ краевого музея предметами материальной культуры из Калмыкии.

Проблема антирелигиозной политики государства Советов является одной из самых разрабатываемых. Результаты ее изучения в советский период представлены в работах С. И. Убушиевой [Убушиева 1986], Ю. О. Оглаева [Оглаев 1968] и Г. Ш. Дорджиевой [Дорджиева и др. 1987]. Несмотря на идеологический характер исследований, указанные работы содержат фактологическую информацию, служащей эмпирической базой для дальнейших изысканий. Продолжение научного анализа политики государства в отношении буддийской конфессии в Калмыкии уже в условиях идеологического плюрализма способствовало появлению фундаментальных монографических исследований [Бакаева 1994; Дорджиева 2001; и др.]. По утверждению исследователя государственной политики Советского государства в отношении буддизма Ф. Л. Сеницына, в период с 1929 г. по 1938 гг. буддийская конфессия в СССР пережила самый трагический период в своей истории, который характеризовался жесткой политикой государства, репрессиями со стороны властей и полной ликвидацией ими всех буддийских религиозных институтов [Сеницын 2013: 109]. Разгул антирелигиозной кампании в Калмыкии, по утверждению К. Н. Максимова, сопровождался богохульством, оскорблением служителей, чувств верующих до осквернения святынь, предметов культа [Максимов 2004: 228]. В ходе активной антирелигиозной политики подверглись разграблению и уничтожению все храмы и монастыри. В последние годы музейные экспонаты не раз выступали объектами исследования [Шараева 2012; Каруева 2022; Каруева, Куканова 2022; и др.]. Однако артефакты, поступавшие в музейные учреждения в ходе антирелигиозных кампаний, не изучались отдельно, что обусловило актуальность настоящего исследования.

2. Материалы и методы

Исследование проведено на основе вещественных источников, относящихся к материальной культуре калмыцкого народа, из фондов собрания СОМК, формирование которой относится к первой трети XX в., с опорой достижения современного калмыко-

ведения. Одновременно к анализу были привлечены документы из Национального архива Республики Калмыки. С использованием проблемно-хронологического метода анализа книг поступлений в работе выявляются периоды пополнения фондов предметами из Калмыкии. Дальнейшее исследование позволило выдвинуть гипотезу о наличии корреляции даты поступления с антирелигиозной кампанией советского государства.

3. Данные о поступлении буддийских предметов из Калмыкии в Саратовский областной музей краеведения

Анализ данных из книг поступления предметов музейного фонда Саратовского областного музея краеведения показывает, что экспонаты из Калмыцкой автономной области поступали большей частью в период с 1929 г. по 1933 г. В общей сложности по двум книгам поступлений на учете Музея значится 158 экспонатов, история происхождения которых связана с аутентичной культурой и религиозным мировоззрением калмыцкого народа.

Таблица 1. Источники поступления предметов из СОМК, относящихся к материальной культуре калмыков

№	Источник поступления	Дата	Количество
1.	Икидохуровский улус	1907 г.	1
2.	Калмыцкая автономная область	1920 г.	1
3.	Калмыцкая автономная область, Цаган-Аман	1921 г.	3
4.	Калмыцкая автономная область, Бага-Чонос	1929 г.	15
5.	Калмыцкая автономная область, Дунду-хурул	1929 г.	4
6.	Этнографическая экспедиция	1932 г.	112
7.	Калмыцкий кабинет при педагогическом факультете Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского	1932–1933 гг.	11
8.	Калмыцкая автономная область, Чееря хурул	1933 г.	1
9.	Закуплено у Остриковой	13.06.1937 г.	4

10.	Неизвестно	1940 г.	1
11.	Неизвестно	—	5
Всего:			158

Как следует из сведений, представленных в табл. 1, первый экспонат поступил в Саратовский музей в 1907 г. из Икицохуровского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии. Это кисет для табака размером 30 x 15 см, сшитый из черной ситцевой материи и украшенный вышивкой в виде растительного орнамента. В верхней его части продета зеленая шерстяная тесьма, служащая затвором. Фотография 1 свидетельствует о хорошей сохранности экспоната [КП СОМК № 4. Л. 20об.].

Фото 1. Кисет для табака, инв. № КП СМК 4076¹.

В 1920 г. поступила в СОМК буддийская икона, писанная на шелковом полотне размером 81 x 43 см масляными красками, ввиду своей ветхости она была списана 20 ноября 1968 г. [КП СОМК № 4. Л. 34об.].

В 1921 г. фонды СОМК дополнили три буддийские иконы, привезенные из поселка Цаган-Аман Енотаевского уезда, которые

¹ Фото с сайта Госкаталога Музейного фонда Российской Федерации (ГК МФ РФ) [электронный ресурс] // URL: <https://goskatalog.ru/portal/#!/collections?id=52153899> (дата обращения: 18.09.2024)

в книге поступлений названы так: Будда Амитаюс, Синяя Тара, Ботхисаттва. Все три живописные иконы были изготовлены в XIX в., находятся в хорошем состоянии и представлены на фотографиях 2, 3, 4. Иконы «Будда Амитаюс» и «Ботхисаттва» написаны натуральными красками на загрунтованных полотнах. На первой (фото 2), на срединном полотне размером 45,5 x 33 см, в центре на лotosовом троне с чередующимися розово-синими и розово-зелеными лепестками, поднимающемся из стилизованного водоема с бурлящими волнами, изображена сидящая фигура Будды Амитаюса [[КП СОМК 4. № СМК 4184](#)]. На второй (фото 3) — в центральной части средника размером 28 x 21,4 см — фигура Бодхисаттвы, сидящего на троне в виде белого лотоса, стебель которого поддерживается двумя белыми слонами [[КП СОМК 4. № СМК 7009](#)]. Буддийская икона «Синяя Тара» (фото 4) выполнена на полотне размером 36,5 x 26,3 см. В центре, над вершинами, на лotosовом троне с розовыми лепестками — фигура сидящей Тары [[КП СОМК 4. № СМК 4186](#)].

Следующее поступление предметов материальной культуры калмыцкого народа в фонд СОМК состоялось в 1929 г. из поселка Бага-Чонос — современный административный центр Бага-Чоносовского сельского муниципального образования Целинного района Республики Калмыкия, расположенный в балке Хара-Бурук [[Республика Калмыкия 2019: 600](#)]. Во второй половине XIX в. эти земли принадлежали зайсангам Дондуковым [[Бакаева 2022: 352](#)]. Известно, что 24 января 1929 г. была принята резолюция Политбюро Центрального комитета ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» [[Синицын 2013: 89](#)]. В книге поступлений за 1929 г. под номерами с 4105 по 4119 значатся 15 предметов, из них три относятся к образцам сырья (табак, шерстяная пряжа и шнурок); три — к одежде (женское платье и два чехла на косы (шиверлыги)); девять наименований относятся к атрибутам буддийского культа (молитвы, книги, ладанка).

Еще одно поступление, состоявшееся в 1929 г., зафиксировано из буддийского храма Дунду-хурула, который располагался близ озера Ханата в одноименном поселке [[Бакаева 2013: 100](#)]. Дунду-хурул был одним из крупных монастырей в калмыцкой степи. Неудивительно, что именно из Дунду-хурула прибыли в Саратовский музей четыре

Фото 2. Буддийская танка «Будда Амитаюс»,
инв. № КП СМК 4184¹

¹ Фото с сайта ГКМФ РФ [электронный ресурс] // URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=52100549> (дата обращения: 18.09.2024)

Фото 3. Буддийская танка «Ботхисаттва»,
инв. № КП СМК 7009¹

¹ Фото с сайта ГКМФ РФ [электронный ресурс] // URL: <https://goscatalog.ru/portal/#/collections?id=52100487> (дата обращения: 18.09.2024)

Фото 4. Буддийская танка «Синяя Тара»,
инв. № КП СМК 4186¹

¹ Фото с сайта ГКМФ РФ [электронный ресурс] // URL: <https://goscatalog.ru/portal/#/collections?id=52867963> (дата обращения: 18.09.2024)

буддийские иконы с изображением на грунтованных полотнах гневных божеств. Танки дхармапалы Бегц [КП СОМК 4. № СМК 4193], размером 29,5 x 22 см, и дхармапал Яма и Ями [КП СОМК 4. № СМК 4190], размером 31 x 24 см, написаны минеральными красками. Две другие танки посвящены сценам из жизни Будды Шакьямуни: одна [КП СОМК 4. № СМК 4191] размером 30 x 22 см и вторая [КП СОМК 4. № СМК 4192] — 31 x 24 см.

Нарушая хронологический принцип, приведем данные об экспонате из еще одного буддийского храма Чееря-хурула Манычского улуса. В 1907 г. при храме была открыта высшая духовная академия [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2750. Л. 145]. В 1933 г. в Саратов был доставлен духовой амбушюрный инструмент — ганглин. При его регистрации в книге поступлений записано: «труба из человеческой кости маленькая буддийская, для созыва на молитву» [КП СОМК 4. Л. 36об.]. На фото 5 видны два отверстия в передней части инструмента, которые называются «лошадиные ноздри».

Фото 5. Ритуальный музыкальный инструмент — ганглин, инв. № КП СМК 4211¹.

Издаваемые им звуки символизируют ржание мифического коня Ачжинай, переносящего верующих из этого мира в рай Сукхавати (см.: [Бир 2011: 284]). В данном экземпляре инструмента отсутствует расширяющаяся часть, образующая выходное отверстие, как правило, выполняемая из серебра в виде головы мифического существа.

¹ Фото с сайта ГКМФ РФ [электронный ресурс] // URL: <https://goscatalog.ru/portal/#/collections?id=35045983> (дата обращения: 18.09.2024)

К одному из основных источников поступления относится этнографическая экспедиция 1932 г. на территории Калмыкии, что вполне можно связать со стремлением ученых сохранить и свидетельства кочевой культуры народа, исповедующего буддизм, так как партийное руководство признало «недостаточно решительной» борьбу с буддизмом [Синицын 2013: 102]. К сожалению, отчет о проведении мероприятия не сохранился, в связи с чем более подробных сведений выявить не удалось. Из книг поступления следует, что одним из пунктов маршрута экспедиции являлся вышеупомянутый поселок Бага-Чонос. По результатам экспедиции на учет было поставлено 112 экспонатов. В соответствии с принятой музейной классификацией они были разделены на вещевые и изобразительные. К первой группе, включающей 28 наименований, были отнесены: одежда, предметы быта и образцы сырья. Ко второй группе, насчитывающей 84 экспоната, отнесены предметы из буддийской живописи и скульптуры. Степень сохранности всех предметов варьируется от хорошего состояния до очень плохого. К последним, доля которых составляет 30 %, отнесены ветхие вещи, порванные, со сколами и отсутствующими отдельными частями. Так, например, у бронзовой статуэтки архата сломана правая рука в локте [КП СОМК 4. № СМК 4130]. В виду ветхости экспонатов в период с 1964 г. по 1969 г. были списаны с учета 10 предметов, большинство которых относилось к буддийскому культу калмыков.

По утверждению Е. В. Сартиковой, в связи возросшим спросом на педагогические кадры высшей квалификации Калмыцкий обком ВКП (б) ходатайствовал перед Нижне-Волжским крайкомом партии об открытии специального отделения педагогического направления [Сартикова 2011: 130]. В 1929 г. при педагогическом факультете Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского открылось отделение калмыцкого языка, литературы и истории. В одной из учебных аудиторий университета, в рамках развернувшейся государственной кампании против церкви, по принципу антирелигиозных музеев, был открыт так называемый «Калмыцкий кабинет». Его деятельность завершилась с переводом отделения калмыцкого языка, литературы и истории в Астрахань, но уже накануне в Саратовский музей краеведения поступили 11 предметов, относящихся к буддийскому культу: три

музыкальных инструмента, четыре статуэтки божеств, два белых зонтика и одна богослужебная книга. Скульптурные изображения конца XIX – начала XX в. посвящены почитаемым среди монголо-язычных народов божествам Будде Амитаюс и Бодхисаттве Манджушри. Одна из статуэток была списана 20 ноября 1968 г. по ордеру № 2825 [КП СОМК № 4. Л. 27].

Белый зонт — один из восьми благих символов в буддизме. Один зонтик из собрания СОМК — с красной бахромой, другой — с зеленой, каждый из них высотой по 56,5 см [КП СОМК № 4. Л. 36].

Наряду с самостоятельными предметами среди поступивших экспонатов имели место и составные части. Так, например, рукоятка буддийского ритуального барабана дамару на конце должна иметь шлейф или «хвост» из ткани пяти цветов: белого, синего, желтого, зеленого и красного, символизирующих пять высших мудростей. В фондах СОМК имеется подобие такого шлейфа, который назван «украшение для хурула», его размер 5,5 x 60 см, датирован первой четвертью XX в. (состояние оценивается ниже среднего) [КП СОМК 4. № СМК 4202].

Отдельные буддийские предметы, согласно записям в книгах, были закуплены у некой гражданки Остриковой¹. Сведения о ней на этом исчерпываются, и дальнейший поиск не увенчался успехом. В книге поступлений зафиксировано, что 13 июня 1937 г. состоялась закупка четырех предметов на общую сумму 141 руб. В первом случае стоимость договора составила 75 руб., которые были уплачены за танку «Рай Суковини» (правильно: Сукхавати. — *И. М.*), написанную красками на ткани и оправленную шелковой тканью размером 63 x 41 см. Две буддийские танки «Дайчин-тенг-ри» и «Рай Сукхавати», а также ганглин составили предмет следующего договора закупки на сумму 66 руб. В данном случае упомянутый экземпляр ритуального музыкального инструмента ганглин в полном наборе, т. е. с растробом в виде головы дракона, представлен на фото 6. Состояние всех артефактов оценивалось как «хорошее» [КП СОМК № 5. Л. 201].

Источник поступления скульптурного изображения Белой Тары, зарегистрированного в 1940 г., остался неизвестным [КП

¹ Инициалы не известны.

Фото 6. Ритуальный музыкальный инструмент ганглин,
инв. № КП СМК 7186¹

СОМК № 4. Л. 29об.]. Скульптура высотой 8,8 см, изготовленная из глины способом формовки и покрытая лаком, датирована концом XIX – началом XX в. и поступила в хорошем состоянии.

Источник поступления еще пяти предметов, относящихся к буддийскому культу, не известен. Это две буддийские танки, два молитвенных барабана кюрде и ритуальный музыкальный инструмент дамару [КП СОМК № 5. Л. 223, 224об., 235об.]. Следует предположить, что их появление в СОМК относится к 1930-м гг., так как в книге поступлений до и после них записаны предметы с указанием именно этих лет.

Активное формирование «калмыцкой» коллекции СОМК, основные артефакты которой относятся к буддийскому культу калмыков, позволило сотрудникам сформировать экспозицию в отделе истории религии и атеизма — «буддизм-ламаизм», отдельные фрагменты представлены на фото 7.

4. Заключение

Проблемно-хронологический анализ книг поступлений Саратовского областного музея краеведения показал наличие корреляции между фактом пополнения фондов предметами материальной культуры калмыцкого народа и временем активного проведения

¹ Фото с сайта ГКМФ РФ [электронный ресурс] // URL: <https://gokatalog.ru/portal/#/collections?id=30050491> (дата обращения: 18.09.2024)

Фото 7. Фрагменты экспозиции отдела истории религии и атеизма СМК (Фотографии с инв. №№: ФОТ 4148, ФОТ 4147)

антирелигиозной политики власти Советов на территории Калмыкии в первой трети XX в. Основные даты поступления, прежде всего, предметов буддийского культа, относятся к 1929 г. и 1932–1933 гг. Если в разные годы поступали единичные предметы, то в указанные годы состоялись массовые поступления. Именно в это время происходит усиление борьбы с инакомыслием, в ходе которой уничтожаются предметы самобытной буддийской культуры калмыцкого народа, каждый из которых представляет не только материальную ценность, но и научную. Благодаря деятельности ученых, в том числе и сотрудников Саратовского музея краеведения, в рамках антирелигиозной кампании, удалось сохранить бесценные артефакты буддийского культа калмыков.

¹ Фото с сайта ГКМФ РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8569616>; <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8569587> (дата обращения: 18.09.2024)

Источники

- ГК МФ РФ — Государственный каталог музейного фонда РФ (электронный ресурс) // URL: <https://goskatalog.ru/portal/> (дата обращения: 18.09.2024).
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
- КП СОМК № 4 — Саратовский областной музей краеведения. Книга поступлений.
- КП СОМК № 5 — Саратовский областной музей краеведения. Книга поступлений.

Литература

- Бакаева 1994 — *Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Бакаева 2013 — *Бакаева Э. П.* Об этнических группах калмыков и буддийских хурулах Малодербетовского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX в. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2013. № 2 (10). С. 91–112.
- Бакаева 2022 — *Бакаева Э. П.* История о зайсангах Джова-Дорджи и Эмген-Убуши в калмыцком фольклоре: прообразы и этнографическая специфика мотива соперничества // Новый филологический вестник. 2022. № 2 (61). С. 346–366. DOI: 10.54770/20729316-2022-2-346
- Бир 2011 — *Бир Р.* Энциклопедия тибетских символов и орнаментов / пер. с англ. Л. Бубенковой. М.: Ориенталия, 2011. 428 с.: ил.
- Дорджиева 2001 — *Дорджиева Г. Ш.* Буддийская церковь в Калмыкии в конце XIX – первой половине XX века. М.: ИРИ РАН, 2001. 177 с.
- Дорджиева и др. 1987 — *Дорджиева Г. Ш., Оглаев Ю. О., Убушьева С. И.* Ламаистская церковь в Калмыкии: начальный этап советской историографии проблемы: 1917–1937 гг. // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. 132 с.
- Каруева 2022 — *Каруева М. Д.* У истоков формирования «калмыцкой» коллекции Астраханского музея-заповедника // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 104–143. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-104-143
- Каруева, Куканова 2022 — *Каруева М. Д., Куканова В. В.* Буддийские коллекции Астраханского музея-заповедника как исторический источник по изучению истории и культуры калмыцкого народа // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 5. С. 1022–1049. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1022-1049
- Максимов 2004 — *Максимов К. Н.* Трагедия народа: репрессии в Калмыкии, 1918–1940-е гг. М.: Наука, 2004. 310 с.
- Национально-государственное 1981 — Национально-государственное строительство в Калмыцкой АССР (Июль 1920 – июнь 1937 гг.). Сб. докладов и материалов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 366 с.

- Оглаев 1968 — *Оглаев Ю. О.* Подготовка социалистических преобразований в калмыцкой доколхозной деревне (1928–1929 гг.) // Ученые записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Серия: История. Вып. 6. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 131–162.
- Республика Калмыкия (2019) — Республика Калмыкия. Административно-территориальное деление. 1918–2017 гг. Справочник. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. 908 с.
- Сартикова 2011 — *Сартикова Е. В.* Обеспечение образовательной системы Калмыкии педагогическими кадрами (1920–1941 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 3. С. 129–132.
- Синицын 2013 — *Синицын Ф. Л.* «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб.: Изд-во А. А. Терентьева, 2013. 528 с.
- Убушиева 1986 — *Убушиева С. И.* Атеистическая пропаганда в Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1986. 71 с.
- Шараева 2012 — *Шараева Т. И.* К вопросу о калмыцких боевых знаменах // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 52–56.

Письменные источники по реализации проекта Б. Б. Городовикова по привлечению демобилизованных из Советской армии солдат для восстановления экономики Калмыцкой АССР. 1962–1965 гг.

Сергей Степанович Белоусов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Белоусов С. С., 2024

Аннотация. *Введение.* Материалы по переселению и использованию трудового потенциала демобилизованных из рядов Вооруженных сил СССР солдат представляют ценный источник по истории государственной политики в первые годы после восстановления Калмыцкой АССР и возвращения калмыцкого народа из мест депортации. *Цель* статьи — осветить виды источников по указанной теме и их содержание, провести их анализ в плане репрезентативности. *Материалом* исследования послужили делопроизводственные документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия, воспоминания очевидцев и демобилизованных военнослужащих, опубликованные в сборниках документов и размещенных в социальных сетях, публикации 1962–1963 гг. главной в то время в республике газеты на русском языке — «Советская Калмыкия». Статья написана с применением сравнительно-исторического и описательного методов исследования. *Результаты.* В выявленных документах органов власти и личного происхождения, в публикациях средств массовой информации содержится ценная информация по приему, размещению и обустройству прибывших в 1962–1963 гг. демобилизованных солдат. В то же время в них почти полностью отсутствуют сведения о социальном и национальном составе демобилизованных, географии мест их происхождения, о подразделении

ях и местах их службы в Германии. Документы позволяют в целом воссоздать процесс реализации городовиковского проекта, но при их анализе необходимо учитывать идеологическую составляющую того времени, отсутствие какой-либо критической информации. Важно также отметить то, что переселения в Калмыкию демобилизованных солдат носили добровольный и организованный характер. План определял необходимую для экономики республики потребность в количестве демобилизованных солдат, а также сферы экономики, конкретные районы и организации их приема.

Ключевые слова: Калмыцкая АССР, государственная политика, Б. Б. Городовиков, 1962–1965 гг., миграции, демобилизованные солдаты

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Белоусов С. С. Письменные источники по реализации проекта Б. Б. Городовикова по привлечению демобилизованных из Советской армии солдат для восстановления экономики Калмыцкой АССР. 1962–1965 гг. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 108–124. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-108-124

Written Sources on the Implementation of B. B. Gorodovikov's Project to Attract Soldiers Demobilized from the Soviet Army to Restore the Economy of the Kalmyk ASSR. 1962–1965.

*Sergey S. Belousov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Belousov S. S., 2024

Abstract. Introduction. Materials on the resettlement and use of the labor potential of soldiers demobilized from the ranks of the Armed Forces

of the USSR are a valuable source on the history of state policy in the first years after the return of the Kalmyk people from places of deportation and restoration of the Kalmyk ASSR. *The purpose* of the article is to familiarize the reader with the types of sources and their content, their analysis in terms of representativeness. The research material were office documents stored in the National Archive of the Republic of Kalmykia, memoirs of eyewitnesses and demobilized servicemen published in the collections of the documents and posted on social networks, publications of 1962–1963, the main newspaper, published in Russian, at that time in the republic was *Sovetskaya Kalmykia*. *Results*. The identified documents of authorities and personal origin, as well as mass media publications, contain valuable information on the reception, and accommodation of demobilized soldiers who arrived in 1962–1963. At the same time, they almost completely lack the information on the social and national composition of the demobilized, the geography of their places of origin, their units and places of service in Germany. The documents allow us to recreate the process of implementing the Gorodovikov's project as a whole, but when analyzing them, it is necessary to take into account the ideological component of that time, the absence of any critical information. It is also important to note that the resettlement of demobilized soldiers to Kalmykia was voluntary and organized. The plan determined the need for the republic's economy in the number of demobilized soldiers, economic sectors, specific areas and the organization of their reception.

Keywords: Kalmyk ASSR, state policy, B. B. Gorodovikov, 1962–1965, migration, demobilized soldiers

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”.

For citation: Belousov S. S. Written Sources on the Implementation of B. B. Gorodovikov's Project to Attract Soldiers demobilized from the Soviet Army to Restore the Economy of the Kalmyk ASSR. 1962–1965. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 4: 108–124. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-108-124

1. Введение

В начале 1960-х гг. в Калмыцкой АССР (далее — КАССР) резко возросла потребность в кадрах и вообще в трудовых ресурсах. Власти республики совместно с высшим руководством страны разработали на 1963–1965 гг. программу комплексного развития республики. В 1962 г. государство планировало вложить в экономику

КАССР 187,29 млн рублей, что на 40 млн рублей было больше, чем в 1961 г., в 1963 г. объемы капиталовложений предполагалось довести до 210,88 млн, в 1964 г. — до 229,25 млн, а в 1965 г. — до 236,15 млн рублей [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 163 Л. 7]. Запланированные суммы необходимо было осваивать, однако сделать это было непросто, поскольку в республике остро ощущался недостаток в трудовых ресурсах. В 1961 г. потребность народнохозяйственного комплекса республики в рабочих и служащих составляла 4,8 тыс. чел. [НА РК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 63. Л. 5]. Положение осложнялось тем, что в 1960–1961 гг. в связи с исчерпанием демографических ресурсов калмыцкого населения в местах ссылки резко уменьшился по сравнению с предшествующими годами приток в республику возвращавшихся калмыков, поэтому на этот источник особо рассчитывать больше не приходилось. Республиканское руководство, которое в 1961 г. возглавил Герой Советского Союза, генерал-лейтенант Б. Б. Городовиков, оказалось перед необходимостью срочно изыскать источники для пополнения рабочей силы извне. Как и прежде, решать данную проблему предполагалось путем вербовки рабочей силы в порядке организованных наборов из-за пределов Калмыкии, однако Б. Б. Городовиков предложил еще и пригласить на работу и жительство увольняемых в запас из армии солдат и сержантов.

Специальных исследований по данной теме не проводилось, не затрагивалась она и в общих работах по проблеме формирования трудовых ресурсов в Калмыкии в 1960–1980-е гг., написанных в преимущественно социологами Т. Н. Сенглеевой [Сенглеева 1973], А. Б. Насуновым и Д. Д. Шалхаковым [Насунов, Шалхаков 1985], в публикациях тематических сборников Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики (далее — КНИИИФЭ) [Социально-экономические 1982; Социально-экономические 1984; Социально-экономические 1985].

Во второй половине 1990-х гг. в республике усилился интерес к личности Б. Б. Городовикова, возглавлявшего КАССР в 1961–1978 гг. Под его руководством Калмыкия достигла своего наивысшего социально-экономического подъема. В 1995 г. вышло политическое эссе писателя А. Г. Балакаева, где приводятся сведения о деятельности Б. Б. Городовикова на посту первого секретаря Калмыцкого обкома КПСС, воспоминания людей, знавших его и

работавших с ним, а также личные впечатления автора эссе [Балакаев 1995]. В нем А. Г. Балакаев рассказывает несколько случаев, очевидцем которых он был, связанных с демобилизованными воинами Калмыкии. Своими воспоминаниями о приезде в Калмыкию и о встречах с Б. Б. Городовиковым поделились с читателями в сборниках документов солдаты «городовиковского» призыва И. И. Колпаков [Колпаков 2000: 237–242; Колпаков 2023: 161–164] и Х. В. Бикбулатов [Бикбулатов 2000: 243–246].

Помимо указанных работ, с 1990 г. и до 2023 г. в средствах массовой информации и в социальных сетях появились публикации, в основном биографического характера, о солдатах «городовиковского» призыва [Досанова 2021; Однажды 2023; Бадмаев 2024].

Во втором десятилетии XXI в. тема «городовиковского» призыва затрагивалась в статье С. С. Белоусова «Пути решения проблемы обеспечения народного хозяйства Калмыцкой АССР трудовыми ресурсами в 60–70-е годы XX века» [Белоусов 2010], в его тезисах «Исторический опыт использования трудового потенциал демобилизованных военнотружеников Советской армии в годы восстановления экономики Калмыцкой АССР (1962–1965 гг.)» [Белоусов 2024: 259–262].

Исследование истории реализации проекта привлечения на работу и жительство в Калмыкию демобилизованных солдат в первой половине 1960-х гг. только начато, поэтому в рамках данной темы неизученными остаются все еще многие проблемы. Одной из них является источниковедческая база указанной темы. Выявленные по ней материалы включают документы органов государственной власти Калмыцкой АССР, корреспонденцию центральной республиканской газеты «Советская Калмыкия», воспоминания солдат «городовиковского призыва». Их анализ углубит научные знания по истории российской внутренней политики и в частности в Калмыкии, откроет более широкие возможности для их использования в культурно-просветительской и образовательной сферах.

2. Делопроизводственные документы органов власти Калмыцкой АССР

В фондах Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР (Р-1) и Совета Министров Калмыцкой АССР (Р-309) Националь-

ного архива Республики Калмыкия (НА РК) хранятся документы по организации приема, размещения и обустройства демобилизованных солдат. Незадолго до прибытия их первого эшелона Бюро Калмыцкого обкома КПСС и Совет Министров Калмыцкой АССР 26 января 1962 г. приняли совместное постановление «О подготовке к приему вновь прибывающих рабочих, специалистов и семей калмыков в Калмыцкую АССР в 1962 году» [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 332–332об.]. Этот документ определил на год численность, категории планируемых извне переселенцев и государственные структуры, отвечавшие за их прием и расселение. По Постановлению 1962 г., намечалось в указанном году принять и устроить на работу в Калмыкии 9 007 чел.: рабочих, специалистов, в том числе 4 500 демобилизованных солдат. Обязанности по их приему, размещению и трудоустройству возлагались на Элистинский и районные комитеты КПСС, городские и районные исполкомы, отдел переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров Калмыцкой АССР, а также на директоров совхозов, председателей колхозов, руководителей предприятий, строек, учреждений. Они должны были разработать конкретные мероприятия, при этом главное внимание уделить вопросам обеспечения прибывающих жильем, постельными принадлежностями, питанием, работой, инструментами, спецодеждой, а также вопросами вовлечения их в общественно-политическую жизнь коллектива. Еще в их обязанности входили: прием прибывших людей и хозяйственное устройство, приведение в образцовый порядок столовых и общежитий. При отсутствии жилья их рекомендовали поселять в частные квартиры рабочих и колхозников. Калмпотребсоюзу предписывалось обеспечить в соответствии с заявками доставку в места проживания мебели, инвентаря, постельных принадлежностей и подготовить в течение февраля-апреля общежития для 1 000 чел. Из этого количества людей в феврале должны были прибыть 400 демобилизованных солдат, в марте — 350 чел. и в апреле — 250 чел. рабочих по организованному набору, выпускников профтехучилищ и возвращающихся из ссылки калмыков. Директору треста «Калмыкстрой» поручалось до 1 мая закончить строительство в г. Элисте столовой на 100 посадочных мест по ул. Ленина и еще одной столовой на 100 посадочных мест в жилом квартале до 1 мая 1962 г. [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 332–332об.].

В одном из дел фонда Совета Министров Калмыцкой АССР за 1965 г. сохранилось письмо, свидетельствующее о продолжении политики по привлечению бывших солдат для работы на различных объектах народного хозяйства. 22 марта 1965 г. первый секретарь Калмыцкого обкома КПСС Б. Б. Городовиков и председатель Совета Министров КАССР Г. Б. Бембинов вновь подняли в Совете Министров РСФСР вопрос о выделении для работы увольняемых в запас военнослужащих. Они просили направить в Калмыкию не менее 3 000 чел., из которых одну половину предполагалось использовать с сфере строительства, другую — в сельском хозяйстве [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 711. Л. 70].

В 1957–1963 гг. организацией переселений и обеспечением республики трудовыми ресурсами Калмыкии непосредственно занимался Отдел переселения и организованного набора рабочей силы при Совете Министров КАССР. Его фонд хранится под номером 147 в Национальном архиве Республики Калмыкия. В нем содержится переписка различных организаций и ведомств по приему и размещению демобилизованных солдат, письма и информационные записки, заявки организаций о потребности в них. Документы содержат сведения о численности прибывших в Калмыкию и выехавших за ее пределы солдат, размещение по районам, колхозам и совхозам, профессиям и вообще об их трудоустройстве в 1962–1963 гг.

Из документов следует, что приехавшая в феврале 1962 г. первая группа демобилизованных солдат насчитывала 925 чел.; из них 559 чел. оставили в городе и 366 чел. направили на работу в районы [НА РК. Ф. Р- 147. Оп. 1. Д. 80. Л. 63]. Всего в 1962 г. в республику приехали 1 033 чел. демобилизованных солдат, в 1963 г. — 755 чел. [НА РК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 77. Л. 6]. По данным министра производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов Калмыцкой АССР П. Б. Зурумхинова, на 13 сентября 1963 г. в республике в 26 колхозах и 34 совхозах насчитывалось прибывших демобилизованных солдат 1 239 чел., из которых 420 чел. получили работу в колхозах, 819 чел. в совхозах. Из них 200 чел. разместили в Городовиковском районе, 320 — в Целинном, 248 — в Приозерном, в Сарпинском — 225, в Юстинском — 131, в Черноземельском — 115 [НА РК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 23–24].

16 декабря 1963 г. заведующий отделом организованного набора и переселения при Совете Министров КАССР М. С. Харцхав предоставил информацию в Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР о трудоустройстве прибывших в республику в 1962–1963 гг. демобилизованных солдат. Согласно этой информации, республика в течение двух лет приняла 1 783 чел., из которых были устроены на работу 1 413 чел., в их числе 784 чел. в промышленность и 629 чел. в сельское хозяйство. Без работы оставались 730 чел., что составляло 20,8 % от числа прибывших. Пополнившие ряды жителей Калмыкии солдаты были молодыми и здоровыми людьми, не успевшими обзавестись семьями, семейных среди них было всего 5–8 % [НА РК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 77. Л. 5]. Часть из них вскоре покинула республику, многие поработали в ней еще некоторое время, а часть прибывших после демобилизации военнотружеников навсегда осталась в Калмыкии. Как отмечалось выше, в течение двух лет (1962–1963 гг.) в Калмыкию приехали 1 963 уволившихся из службы в рядах советской армии солдат, что составляло 31,4 % от запланированной цифры (4 500 чел.), указанной в совместном постановлении обкома КПСС и Совета Министров КАССР от 26 января 1962 г. [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 332–332об.].

3. Публикации газеты «Советской Калмыкии»

Ценную информацию о демобилизованных солдатах содержат корреспонденции одной из двух главных республиканских газет тех лет — «Советской Калмыкии». Их авторы были очевидцами встречи и размещения прибывших по районам и предприятиям. Корреспонденции окрашены в положительные эмоциональные тона и не только призваны осветить данный процесс, но и имеют пропагандистскую составляющую. В них подчеркивается заинтересованность республики в приезде демобилизованных солдат, показано теплое отношение к ним властей, говорится об исключительно моральной подоплеке переезда бывших солдат в Калмыкию.

Первый эшелон с солдатами для Калмыкии прибыл на железнодорожную станцию 10 февраля 1962 г. Их встреча освещалась корреспондентом газеты В. Фурмановым. Перед солдатами с при-

ветственным словом выступил Б. Б. Городовиков, затем начались беседы прибывших с ним руководителей хозяйств с демобилизованными и их запись на работу. Большинство из прибывших солдат имели профессии шоферов, строителей разных профилей, но были и такие, кто не имел специальностей. Записавшись по хозяйствам и предприятиям, солдаты на предоставленных им автомашинах двинулись в Элисту. В своей заметке «Такие люди нам нужны» В. Фурманов так описал эту поездку: «Ехали в Элисту одной колонной. Он вырос перед ними за очередным поворотом степной дороги — этот город. Они увидели улицы Элисты, заставленные новыми домами. Сигналили, обгоняя друг друга, самосвалы, груженные строительным материалом. И каждый понял: можно найти применение своим силам, если вокруг велось строительство» [Фурманов 1962: 3].

Спустя несколько дней, после выхода указанной корреспонденции В. Фурманова, в газете «Советская Калмыкия» было опубликовано письмо от имени 12 демобилизованных солдат, где они рассказывали об оказанном им теплом приеме руководством республики и призывали готовящихся к демобилизации сослуживцев приехать на работу в Калмыкию [Приезжайте 1962].

В 1962 г. в указанной газете о демобилизованных солдатах вышли еще четыре заметки — три по устройству на жительство и работу в Калмыкии [Кузнецова 1962; Семенков 1962; Добро 1962] и одна — о встрече в ноябре второго эшелона [Омельяненко 1962]. Прибывшие расселились в колхозах, совхозах, на фермах и механизированных животноводческих станциях, в городе и в основном были задействованы по техническим специальностям: шоферами, слесарями, строителями и т. д. Не имевшие специальностей солдаты, согласно их пожеланиям, были направлены на обучение на краткосрочные курсы трактористов и в школы механизаторов в Калмыкии. Курсантам предоставили общежития, обеспечили бесплатным питанием. Некоторые из них в первый год своего пребывания в республике обзавелись семьями.

24 ноября 1962 г. газета «Советская Калмыкия» опубликовала материал корреспондента В. Омельяненко «Здравствуй, Калмыкия» о встрече на станции Дивное второго эшелона демобилизованных солдат. Как и первых солдат, их встретили оркестром и

цветами, В. Омеляненко называет цифру прибывших в 1 500 чел., но в архивных документах приводится гораздо меньшее количество приехавших. После прибытия эшелона перед строем солдат выступили с речами второй секретарь Калмыцкого обкома КПСС В. В. Чехлов и представители хозяйств и предприятий республики, затем началась запись на места жительства, прошедшая очень быстро — в течение получаса. После этого автобусы стали развозить демобилизованных солдат на выбранные ими места жительства [Омеляненко 1962: 4].

В 1963 г. в газете вышли три корреспонденции, рассказывающие о трудовой деятельности демобилизованных солдат. А. Вутеро опубликовал фотографию курсантов-трактористов, обучавшихся в колхозе «Родина» Целинного района. Под фотографией — надпись, свидетельствующая о том, что из 12 курсантов этой школы 7 чел. являются демобилизованными воинами [Вутеро 1963: 2].

В двух других публикациях 1963 г. содержится информация о солдатах, отличившихся на поле трудовой деятельности. Так, из статьи Н. Свечкаря «Будник одной бригады» мы узнаем о том, что среди передовиков этой элистинской строительной бригады был бывший военнослужащий М. Стуров [Свечкарь 1963: 2]. В статье корреспондента М. Ковалевича «Обжились в колхозе бывшие воины» говорится о группе солдат, приехавших в совхоз «Пролетарская победа» Городовиковского района. Местные жители сомневались в том, что они останутся жить в их колхозе, столкнувшись с первыми трудностями, но ошиблись. Солдаты показали себя добросовестными и ответственными людьми уже в первую зимовку. Колхоз не успел к началу зимы завезти корма, горючее, материалы и другие грузы на стоянки животноводов, и на этот участок работы направили демобилизованных. Из-за снегопадов им пришлось пересесть с колесных на гусеничные трактора, с помощью которых они с большим трудом, пробиваясь через снег, стали развозить грузы по стоянкам. Весной 1963 г. они переключились на полевые работы, а после их быстрого завершения — на кукурузные плантации. На всех этих работах «новички показывали образцы труда», — писал М. Ковалевич. Особенно высоких результатов достигли солдаты И. Дудко и М. Абдурахманов. После уборки сена демобилизованные воины в числе первых

завершили посевную кампанию и были переброшены на подъем целины в соседний колхоз им. Карла Маркса. За доблестный труд они не раз получали благодарности от руководства колхоза им. «Пролетарская победа» [Ковалевич 1963: 1].

О трудолюбии бывших солдат говорится и в публикации И. Богданика от 26 февраля 1964 г. Героями его рассказа стали трое друзей-сослуживцев — Н. Разумов, П. Кобылкин и В. Шурабура, прибывшие в 1962 г. ноябрьским эшелонам и поселившиеся в колхозе «Страна Советов». Они отучились на курсах механизаторов 5 месяцев, но тракторы им сразу не выдали, а срочно послали помогать чабанам на животноводческую точку. В полевой сезон они уже работали на тракторах. Где бы бывшие солдаты ни работали, люди о них отзывались положительно, не обделили их вниманием власти и пресса. Н. Разумова наградили Почетной грамотой Калмыцкого обкома ВЛКСМ, а П. Кобылкин и В. Шурабура получили благодарности от правления колхоза «Страна Советов», неоднократно писала о них районная газета [Богданик 1964: 3].

4. Воспоминания

В постсоветское время были опубликованы воспоминания участников и очевидцев событий 1962–1965 гг. Они дополняют наши знания рядом сведений, которые не нашли отражение в официальных документах и материалах газет. В опубликованной в 2000 г. книге о Б. Б. Городовикове [Басан Городовиков 2000] в своих воспоминаниях первый заместитель министра жилищно-коммунального хозяйства И. И. Колпаков, касаясь мотивов решения солдат приехать в Калмыкию, писал: «Сейчас, по истечении многих лет, трудно себе представить, что нами двигало накануне отъезда на родину после трех лет службы за границей. Почему мы приняли такое решение? Но в молодые годы многие поступки, продиктованные порывами души, не всегда бывают объяснимы. Романтика и, не побоюсь этого слова, патриотизм были присущи большинству молодых людей. И все же мы интуитивно поверили Б. Б. Городовикову, что нас ждут здесь интересная работа и жизнь» [Колпаков 2000: 237].

И. И. Колпаков писал в книге «Эпоха Городовикова», что в 1964 г. у него и представителей властей, отобранных для поездки

к демобилизованным из Группы советских войск в Германии, состоялась беседа в кабинете руководителя республики. Б. Б. Городовиков рассказал им о том, что он договорился с Министерством обороны СССР о разрешении представителям властей республики выехать непосредственно в части, дислоцированные в Германии, для встречи с отъезжавшими на Родину солдатами с целью приглашения их на работу в Калмыкии. Свое желание видеть И. И. Колпакова в числе агитаторов Б. Б. Городовиков объяснил тем, что тот недавно демобилизовался со службы в Германии и поэтому мог принести большую пользу в ходе вербовки: «Кому как не тебе, — говорил он, — бывшему солдату можно будет найти общий язык с ними. А эти ребята, шутливо кивнул на руководителей рабочей группы, могут многое приукрасить, чего делать не надо. Молодые люди должны хорошо знать, куда они едут и что там их ожидает, тогда не будет обратного массового отъезда» [Колпаков 2023: 163].

Со слов И. И. Колпакова, Б. Б. Городовиков попросил его о том, чтобы в беседе с солдатами он «говорил только правду» о климатических условиях Калмыкии, работе, заработках, возможностях культурного досуга молодежи [Колпаков 2023: 163].

Участники группы планировали выехать для бесед с увольняемыми в запас солдатами на места службы непосредственно в Германию, но так как телеграмма от Министерства обороны СССР о разрешении выезда за границу опоздала, то они вынуждены были встречать эшелоны в г. Ковель Брестской области на границе с Польшей. Работу пришлось вести прямо в пути следования эшелона [Колпаков 2000: 237].

Х. В. Бикбулатов отмечал, что первый эшелон с демобилизованными начали формировать в конце января 1962 г., и его называли «Калмыкия». В республику пожелали поехать многие солдаты, но отобрали 800 чел. Утром 10 февраля он в составе группы демобилизованных прибыл на станцию Дивное, где их построили, начальник эшелона сказал им, что минут через 15–20 подъедет Б. Б. Городовиков. В память Х. В. Бикбулатова врезался облик представшего перед солдатами генерал-лейтенанта — в полной военной парадной форме, в кителе, без шинели, бодро шагающего перед строем [Бикбулатов 2000: 243]. В своем рассказе Х. В. Бикбулатов привел интересную деталь: Б. Б. Городовиков в своей беседе с солдатами

на перроне вокзала Дивного откровенно указал на трудности, с которыми они столкнутся в Калмыкии, предложив тем, кто передумал здесь жить, забрать документы, получить проездные военные требования и ехать на свою родину. И некоторые из их эшелона уехали [Бикбулатов 2000: 244].

Х. В. Бикбулатов в составе группы из 70 водителей поступил на работу в Калмыцкий «Автотрест». Х. В. Бикбулатов и И. И. Колпаков в своих воспоминаниях подчеркивали, что местные жители и руководство приняли солдат доброжелательно, а Б. Б. Городовиков не раз интересовался их трудоустройством и бытом.

По призыву Б. Б. Городовикова приехал в Калмыкию Ю. Жакарис. Он рассказывал: «Мне было 23 года, я проходил службу в Группе советских войск в Германии. Демобилизоваться должен был в 1961-м, но положение в мире тогда было очень напряженным, и нас задержали еще на полгода. Многие ребята после армии уезжали работать на целину, я собирался на Сахалин. И тут в ГСВГ (Группа советских войск в Германии. — С. Б.) обратился Басан Бадьминович Городовиков. Боевой генерал, Герой Советского Союза пригласил нас к себе в республику, о которой мы до этого ничего не знали. Сам я вырос в Прибалтике, в Литве, недалеко от Клайпеды. Мы были молодые, энергичные, работы не боялись, так и оказались здесь» [Досанова 2021].

Современником событий первой половины 1960-х гг. был писатель А. Г. Балакаев, который в своей книге «Народный генерал» привел отдельные малоизвестные факты, относящиеся к демобилизованным воинам. Он вначале испытывал сомнения относительно целесообразности привлечения солдат в Калмыкию, считая, что демобилизованные не смогут привыкнуть к тяжелым условиям природы и быта и вскоре покинут республику. Решить проблему обеспечения экономики трудовыми ресурсами А. Г. Балакаев полагал организацией переселения нескольких тысяч калмыков из бывших двух районов Калмыкии, не возвращенных ей после депортации. Свое мнение он высказал осенью 1962 г. Председателю Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР Л. К. Килганову и Председателю Совета Министров КАССР Э. А. Сангаеву, приехавшим в Москву на заседание сессии Верховного Совета СССР. А. Г. Балакаев, будучи слушателем Высших литературных курсов, в дни сессии

посетил указанных лиц в гостинице «Пекин». Л. К. Килганов нашел рассуждения писателя слишком пессимистическими и сказал ему, что даже если из сотни приехавших солдат в республике останется один, то это принесет ей пользу в деле восстановления и развития [Балакаев 1995: 67]. Э. А. Сангаев в свою очередь заметил, что у него был на эту тему разговор с Б. Б. Городовиковым и тот считает, что астраханских калмыков срывать с мест проживания пока не следует и что настанет час, когда они вместе территорией войдут в состав Калмыкии [Балакаев 1995: 68].

5. Выводы

Письменные свидетельства о реализации проекта привлечения солдат на жительство и работу в Калмыкии в 1962–1965 гг. содержатся в материалах Национального архива Республики Калмыкия, в газете «Советская Калмыкия» и в воспоминаниях демобилизованных солдат и очевидцев тех событий.

Большую ценность представляют делопроизводственные материалы органов управления Калмыцкой АССР, поскольку они включают документы о подготовке властей по приему солдат, статистические сведения о численности прибывших солдат, их распределении на жительство по городу, районам, хозяйствам, по трудоустройству и профессиям.

Материалы корреспондентов газеты «Советской Калмыкии» не содержат статистических сведений, но они тоже важны для исследователя, так как подготовлены «по свежим следам» людьми, по долгу своей трудовой деятельности общавшимися с демобилизованными солдатами и публиковавшими о них информацию в газете.

Воспоминания самих солдат и очевидцев событий первой половины 1960-х гг. написаны по истечении нескольких десятков лет после прибытия демобилизованных в республику. По приезде в Калмыкию они не придавали этому событию особого значения, поэтому в их памяти сохранились лишь отдельные факты. Они не фиксировались документами и раньше нигде не публиковались. Воспоминания обогащают наши знания о демобилизованных воинах и позволяют создать более полную картину реализации городовиковского проекта.

Начиная со второй половины 1960-х гг. сведения об организованном привлечении демобилизованных солдат на работу в республику в документах не встречаются. Видимо, больше таких попыток не предпринималось.

Выявленные материалы освещают только положительные стороны, но в них почти не анализируются и не показаны недостатки и трудности осуществления проекта. В документах, например, не содержится сведений о трудностях с закреплением переселенцев на новом месте жительства и работы, их адаптации к новым условиям, о материальных стимулах их переезда на жительство и работу в республику.

Источники и литература

- Бадмаев 2024 — *Бадмаев Ч.* В Калмыкию позвала романтика // Хальмг унн. 2024. 3 декабря. С. 4.
- Балакаев 1995 — *Балакаев А. Г.* Народный генерал (Сказание о жизни и деяниях генерал-лейтенанта Басана Бадьминовича Городовикова на калмыцкой земле): Политический роман-эссе. Элиста: Ботхн, 1995. 400 с.
- Басан Городовиков 2000 — Басан Городовиков. Воспоминания, исследования, документы. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. К. П. Катушов, З. Б. Очирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 320 с.
- Белоусов 2010 — *Белоусов С. С.* Пути решения проблемы обеспечения народного хозяйства Калмыцкой АССР трудовыми ресурсами в 60–70-е годы XX века // Б. Б. Городовиков — видный военный, государственный и общественно-политический деятель (к 100-летию со дня рождения). Мат-лы Росс. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 12 ноября 2010 г.). Элиста: КалмГУ, 2010. С. 107–112.
- Белоусов 2024 — *Белоусов С. С.* Исторический опыт использования трудового потенциала демобилизованных военнослужащих Советской армии в годы восстановления экономики Калмыцкой АССР (1962–1965 гг.) // Тезисы Всероссийской научной конференции «Народы России на защите Отечества (г. Элиста, 28 ноября – 1 декабря 2024 г.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. С. 259–262.
- Бикбулатов 2000 — *Бикбулатов Х. В.* Когда мне трудно, я мысленно разговариваю с ним // Басан Городовиков. Воспоминания, исследования, документы. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. К. П. Катушов, З. Б. Очирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. С. 243–246.
- Богданик 1964 — *Богданик И.* Три товарища // Советская Калмыкия. 1964. 26 января. № 41 (4642). С. 3.

- Вутеро 1963 — *Вутеро А.* На курсах трактористов (фото) // Советская Калмыкия. 1963. 9 января. № 6 (4351). С. 2.
- Добро 1962 — Добро пожаловать, дорогие друзья // Советская Калмыкия. 1962. 23 ноября. № 233 (4320). С. 4.
- Досанова 2021 — *Досанова А.* Солдат «городовиковского» призыва» // Элистинская панорама. 2021. 14 января [электронный ресурс] // URL: <http://элиста-панорама.рф/> (дата обращения: 11. 10. 2023).
- Ковалевич 1963 — *Ковалевич М.* Обжились в колхозе бывшие воины // Советская Калмыкия. 1963. 5 декабря. № 238 (4383). С. 1.
- Колпаков 2000 — *Колпаков И. И.* Трудно предположить, как могла сложиться моя жизнь // Басан Городовиков. Воспоминания, исследования, документы 2-е изд., перераб. и доп. / сост. К. П. Катушов, З. Б. Очирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. С. 237–242.
- Колпаков 2023 — *Колпаков И. И.* По «городовиковскому призыву» // Эпоха Городовикова: В воспоминаниях соратников и современников / сост.: В. Э. Боваев, М. Э. Конеев. Элиста: РИА «Калмыкия», 2023. С. 161–164.
- Кузнецова 1962 — *Кузнецова В.* По комсомольской путевке // Советская Калмыкия. 1962. 23 февраля. № 38 (4125). С. 2.
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
- Насунов, Шалхаков 1985 — *Насунов А. Б., Шалхаков Д. Д.* Миграционные процессы и изменения этносоциальной структуры населения Калмыцкой АССР (опыт этносоциологического исследования городского рабочего класса и специалистов) // Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии. Элиста: Респ. тип., 1985. С. 17–26.
- Однажды 2023 — Однажды и навсегда (солдаты городовиковского призыва) // Архивный фонд. День Республики Калмыкия [электронный ресурс] // URL: <https://ok.ru/ktrmo>. 2023. (дата обращения: 14. 04. 2022).
- Омельяненко 1962 — *Омельяненко В.* Здравствуй, Калмыкия // Советская Калмыкия. 1962. 24 ноября. № 234 (4321). С. 4.
- Приезжайте 1962 — Приезжайте к нам! // Советская Калмыкия. 1962. 18 февраля. № 35 (4122). С. 2.
- Свечкарь 1963 — *Свечкарь Н.* Будни одной бригады // Советская Калмыкия. 1963. 20 апреля. № 78. (4423). С. 2.
- Семенков 1962 — *Семенков Д.* Будем вместе трудиться, друзья // Советская Калмыкия. 1962. 23 февраля. № 38 (4125). С. 2.
- Сенглеева 1973 — *Сенглеева Т. Н.* Характеристика миграционных процессов в формировании трудовых ресурсов КАССР // Вестник института социологии. Элиста. 1973. № 7. С.74–105.
- Социально-экономические 1982 — Социально-экономические проблемы использования трудовых ресурсов Калмыцкой АССР. Т. 1. Элиста: КНИИФЭ, 1982. 143 с.

- Социально-экономические 1984 — Социально-экономические проблемы использования трудовых ресурсов Калмыцкой АССР. Сб. статей. Вып. 3. Элиста: Респ. тип., 1984. 136 с.
- Социально-экономические 1985 — Социально-экономические проблемы использования трудовых ресурсов регионального агропромышленного комплекса. Элиста: Респ. тип. 1985. 134 с.
- Фурманов 1962 — *Фурманов В.* Такие люди нам нужны // Советская Калмыкия. 1962. 18 февраля. № 31 (4118). С. 3.

Борьба с алкоголизмом в Астраханской области на рубеже 1970–1980-х гг. по письменным источникам из Государственного архива Астраханской области

Маргарита Владимировна Бадугинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-2805-5818. E-mail: mbaduginova[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бадугинова М.В., 2024

Аннотация. Изучение истории здравоохранения Астраханской области в послевоенный период невозможно без архивных документов, особенно интересны официальные источники в виде справок, докладов, статистических данных, протоколов. *Целью* исследования является введение в научный оборот новых источников, освещающих борьбу с алкоголизмом в одном из регионов РСФСР, а также материалов Комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом, образованной при исполнительном комитете областного Совета народных депутатов Астраханской области. *Результаты.* В статье впервые освещаются работа Комиссии по борьбе с алкоголизмом при исполнительном комитете областного Совета народных депутатов Астраханской области, проводимые профилактические мероприятия по предупреждению алкоголизма, статистические данные по этому вопросу. Публикуется справка, которая имеет гриф «Секретно» и в которой содержится отчет об исполнении в г. Астрахань нормативно-правовых документов, изданных для усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом в стране, а также мерах, осуществленных в рамках активизации борьбы с пьянством. *Выводы.* Полученные в ходе изучения архивных документов 1970–1980-х гг. данные помогут глубже изучить этот исторический период, понять проходившие политические и экономические процессы, состояние сферы охраны здоровья человека в Астраханской области. **Ключевые слова:** исторические источники, история здравоохранения, Астраханская область, Астрахань, наркодиспансеры, нарколо-

гическая служба, антиалкогольные комиссии, алкоголизм, пьянство, антиалкогольные кампании

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Бадугинова М. В. Борьба с алкоголизмом в Астраханской области на рубеже 1970–1980-х гг. по письменным источникам из Государственного архива Астраханской области // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 125–141. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-125-141

The Fight against Alcoholism in Astrakhan Oblast at the Turn of the 1970s–1980s According to Written Sources from the State Archive of Astrakhan Oblast

*Margarita V. Baduginova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-2805-5818. E-mail: mbaduginova[at]mail.com

Abstract. The study of the history of health care in the Astrakhan region in the post-war period is impossible without archival documents; especially interesting are official sources in the form of certificates, reports, statistical data, and protocols. The *purpose* of the study is to introduce new sources covering the fight against alcoholism in one of the regions of the RSFSR, as well as the materials of the Commission on the fight against drunkenness and alcoholism, formed under the Executive Committee of the Regional Council of People's Deputies of the Astrakhan Oblast. *Results.* The article covers for the first time the work of the Commission to Combat Alcoholism under the Executive Committee of the Regional Council of People's Deputies of the Astrakhan region, the preventive measures taken to prevent alcoholism, and statistical data on this issue. A reference, which had the 'Secret' classification, is published, which contains a report on the implementation by the city of Astrakhan of the normative-legal documents issued to strengthen the fight against drunkenness and alcoholism in the country, as well as measures implemented in the framework of intensification of the fight against drunken-

ness. *Conclusions.* The data obtained during the study of archival documents will help to study that historical period more deeply, to understand the political and economic processes that took place, the state of the sphere of human health protection in the Astrakhan region.

Keywords: historical sources, history of public health, Astrakhan Oblast, Astrakhan, drug dispensaries, narcological service, anti-alcohol commissions, alcoholism, drunkenness, anti-alcohol campaigns

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “South-Eastern Belt of Russia: Research into the Political and Cultural History of Social Communities and Groups”

For citation: Baduginova M. V. The Fight against Alcoholism in Astrakhan Oblast at the Turn of the 1970s-1980s According to Written Sources from the State Archive of Astrakhan Oblast. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS.* 2024; 4: 125–141. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-125-141

1. Введение

Несмотря на наличие значительного количества работ, посвященных «алкогольной» проблеме, которая не перестает быть актуальной, исследователи отмечают, что тема антиалкогольных кампаний периода перестройки в настоящее время все еще остается малоизученной [Соколова 2020: 160]. Это было связано, прежде всего, с ограниченным доступом к архивным источникам, многие из которых до сих пор остаются под грифом «секретно». Высшее партийное руководство стремилось скрыть имевшееся положение дел, которое характеризовалось широким распространением пьянства среди граждан Советского Союза и ростом преступности в результате употребления алкоголя, что никак не повышало авторитет страны на мировой арене. Постоянное употребление алкоголя губительно сказывалось на здоровье советских граждан, в связи с этим росло число больных алкогольными психозами и хроническим алкоголизмом. Заболеваемость алкоголизмом напрямую влияла на увеличение смертности, снижение качества здоровья и производственной дисциплины, текучесть кадров, что в свою очередь снижало объемы производства и тормозило рост экономики.

Большой удачей для исследователя является изучение документов секретного делопроизводства, проливающих свет на истинное положение дел. Такие источники содержат важную статистику

стическую и аналитическую информацию, которые в значительной степени дополняют историческую картину прошлого. Целью исследования является введение в научный оборот новых источников, освещающих борьбу с алкоголизмом в Астраханской области, а также материалов Комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом, образованной при исполнительном комитете областного Совета народных депутатов Астраханской области.

2. Из истории вопроса

В мае 1985 г. в СССР были приняты два документа, значительно повлиявшие на экономическую, политическую и социальную ситуацию в стране: Постановление Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения» (№ 410 от 07.05.1985) [Постановление 1985] и Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством» (№ 2458-XI от 16.05.1985) [Указ 1985]. Так началась масштабная антиалкогольная кампания в Советском Союзе, главной целью и задачами которой были «борьба с пьянством, решительное пресечение самогонварения, дальнейшее укрепление общественного порядка и трудовой дисциплины» [Указ 1985]. Это была далеко не первая антиалкогольная кампания советского государства. Еще в 1972 г. вышло Постановление Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» (№ 361 от 16.05.1972), которое было призвано сократить в 1972–1975 гг. производство водки и крепких водочных изделий. Чтобы как-то компенсировать населению нехватку алкоголя, этим документом расширялось производство безалкогольных напитков и значительно увеличивался выпуск виноградного вина и пива [Постановление 1972]. Но принятые меры имели печальный результат. По данным социологов, за 1970-е гг. при ежегодном винопотреблении на душу населения в 3,4 % число алкоголиков с противоправным поведением и злостных пьяниц, состоявших на учете в органах внутренних дел, росло в среднем на 10 %, а число всех нарушителей антиалкогольного законодательства — почти на 13 % и к концу десятилетия достигло 14 млн человек, что составляло почти 12 % взрослого мужского населения бывшего СССР. Исследования, проведенные в тот период во многих регионах стра-

ны, показали, что среди мужчин в среднем каждый 5-й рабочий промышленного предприятия, каждый 4-й строитель и каждый 3-й работник сельского хозяйства злоупотребляли спиртными напитками. Заметно возросло потребление алкоголя среди женщин и подростков. Большой ущерб здоровью населения страны наносило производство низкосортных плодово-ягодных вин, которыми государство заменило производство виноградного вина, пива и крепких спиртных напитков [Заиграев 1997: 111].

Для усиления контроля за антиалкогольной кампанией был издан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об утверждении положения о комиссиях по борьбе с пьянством» (от 21.08.1972) [Указ 1972]. Основными задачами комиссий были координация деятельности государственных органов и общественных организаций, направленных на борьбу с пьянством, а также разработка и проведение мероприятий по предупреждению и пресечению проявлений пьянства. Комиссии образовывались при Совете Министров РСФСР и Советах Министров автономных республик, при исполнительных комитетах краевых, областных, окружных, районных, городских и районных в городах Советов народных депутатов. Такие Комиссии по борьбе с пьянством могли также образовываться при исполнительных комитетах поселковых, сельских Советов народных депутатов. Как правило, они состояли из председателя (на уровне заместителя председателя или секретаря исполкома, заместителя Председателя Совета Министров), заместителя председателя, секретаря и 6–10 членов комиссии. В состав комиссии входили депутаты Советов народных депутатов, представители профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций, трудовых коллективов, руководители предприятий, учреждений, организаций, а также работники здравоохранения, просвещения, торговли, органов внутренних дел, культурно-просветительных и других учреждений [Указ 1972].

В Астраханской области Комиссия по борьбе с пьянством и алкоголизмом была образована при исполнительном комитете областного Совета народных депутатов. Основная работа проводилась в районах области, где также были созданы антиалкогольные комиссии. Деятельность районных комиссий строилась по специальному плану, составляемому на год. Разрабатывались мероприятия по про-

филактиве пьянства и алкоголизма, предусматривающие проведение инструктивных занятий с председателями комиссий по борьбе с пьянством при сельских и поселковых Советах народных депутатов, проведение рейдов по проверке соблюдения правил торговли спиртными напитками, отдельные мероприятия по правовой пропаганде. В планах работы предусматривались ежемесячные заседания комиссий, на рассмотрение которых вносились отчеты комиссий при сельских Советах, хозяйственных руководителей, органов здравоохранения, культуры, кинофикации, работа общественных органов по охране правопорядка, Советов по профилактике, опорных пунктов охраны правопорядка и т. д. Например, в 1979 г. комиссией по борьбе с пьянством и алкоголизмом Камызякского районного Совета народных депутатов было рассмотрено 5 вопросов: «О состоянии борьбы с пьянством и алкоголизмом в Камызякском районе», «О выполнении решения комиссии по борьбе с пьянством по оформлению сатирической стенгазеты внутренних дел», «О практике работы среди водительского состава по профилактике пьянства в АТК-3 и АТК райрыболовпотребсоюз», «Сообщение руководителей совхоза Семибугоринский о мерах по предупреждению пьянства и нарушений трудовой дисциплины в воспитательной работе и организации культурного досуга», «О работе исполкома Кировского поселкового Совета по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» от 16.05.1972 [ГА АО. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 1305. Л. 49].

3. Справка «О состоянии борьбы против пьянства и алкоголизма в г. Астрахани»

В фонде Р-2233 «Исполнительный комитет Астраханского областного Совета народных депутатов», где хранятся протоколы и решения Комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом, имеются справочные материалы, подготовленные к заседаниям Комиссии. Один из таких документов — Справка «О состоянии борьбы против пьянства и алкоголизма в г. Астрахани», она была засекречена и предназначалась только для ограниченного круга лиц. Документ имеет хорошую сохранность, напечатан механическим способом на пишущей (печатной) машинке на плотной бумаге и является подлинником. Справка была подготовлена 30 апреля

1981 г. старшим инспектором штаба Управления внутренних дел Астраханской Области капитаном милиции К. М. Маняхиным и содержит отчет об исполнении нормативно-правовых документов, изданных для усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом в стране, а также мерах, осуществленных в рамках активизации борьбы с пьянством. В документе характеризуется работа Советов по профилактике правонарушений, итоги проводимых с декабря 1976 г. в г. Астрахани экспериментов по доставке домой лиц, находившихся в средней степени опьянения с предварительным медицинским осмотром фельдшерами медицинских вытрезвителей. В справке содержатся важные материалы, характеризующие для исследователей советскую повседневность — статистика преступности, статистические данные по количеству лиц, побывавших в медицинском вытрезвителе, привлеченных к административной ответственности, дается оценка работы Советов по профилактике правонарушений. Документ содержит сведения о выводах, сделанных автором справки и рекомендациях, которые необходимо осуществить для улучшения ситуации с пьянством и алкоголизмом в Астраханской области.

Ниже приводится полный текст данной справки, в квадратных скобках указаны пропущенные буквы или слова в документе.

Секретно.

СПРАВКА

о состоянии борьбы против пьянства и алкоголизма в
г.Астрахани.

Выполняя постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1972 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма», постановления Совета Министров СССР от 06.04.78 г. № 272 «О дополнительных мерах по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом» постановления Совета Министров РСФСР от 07.06.78 г. по этому же вопросу и постановление ЦК КПСС от 2 августа 1979 года «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями», отделы внутренних дел г. Астрахани в 1980 году и I-ом квартале текущего года осуществляли ряд мер по активизации борьбы с пьянством. Под ру-

ководством партийных и советских органов эта работа проводится в тесном взаимодействии с профсоюзами, комсомольскими организациями, общественностью, заинтересованными ведомствами.

Вопросы борьбы с пьянством в этих районах города Астрахани рассматривались на оперативных совещаниях и коллегии УВД.

В районах города проведены операции «Заслон», «Забота», «Волна-81» и ряд других, предусматривающих активизацию деятельности органов внутренних дел по предупреждению правонарушений на улицах, в общественных местах, а также в быту.

Укреплению общественного порядка в районах способствовало регулярное патрулирование сотрудников аппарата УВД, личного состава всех РОВД, общественности. Прочно вошло в практику систематическое проведение общегородских рейдов в наиболее напряженные дни: в канун праздников, в дни выдачи заработной платы, проведения декадников или месячников по охране общественного порядка с привлечением дружинников и общественности. Оправдал себя проводимый с декабря 1976 года в г. Астрахани эксперимент¹ по доставке домой лиц, находящихся в средней степени опьянения, с предварительным медицинским осмотром фельдшерами медицинских вытрезвителей.

В целях предупреждения преступлений, а также наибольшего воспитательного эффекта в работе с лицами, состоящими на профилактических учетах в отделах внутренних дел, проведены собрания с участием ответственных работников партийных и советских органов, прокуратуры, народного суда, управления внутренних дел, представителей хозяйственных органов, учебных заведений, родителей несовершеннолетних, состоящих на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних. На собраниях принимались решения о снятии с учета поднадзорных, вставших на путь исправления, об отмене наказания несовершеннолетним, имеющим отсрочку исполнения приговора и вставшим на путь исправления, об отмене отсрочки исполнения приговора в связи с выполнением возложенных судом на несовершеннолетних обязанностей о взятии под административный надзор ранее судимых, о направлении в ЛТП² лиц, злоупотребляющих алкоголем. Аналогичные собрания с повесткой дня: «Об укреплении режима

¹ Так в документе.

² Лечебно-трудовой профилакторий.

проживания и производственной дисциплины» проведены в спецкомендатурах этих районов.

В целях предупреждения пьянства среди условно-осужденных (освобожденных) на заседаниях комиссий по борьбе с пьянством заслушивались руководители предприятий, на которых работают указанные лица, склонные к употреблению спиртных напитков.

Особое внимание обращается на повышение эффективности профилактики пьянства среди несовершеннолетних. Все подростки, склонные к употреблению спиртных напитков, взяты на учет инспекторами по делам несовершеннолетних, за ними закреплены шефы, наставники из числа работников ОВД, производственников и педагогов.

Ежегодно в областном центре осуществляются специальные операции, предусматривающие повышение эффективности противоалкогольных мероприятий контроля за соблюдением правил торговли спиртными напитками, обеспечение своевременного изъятия из общественных мест и с улиц лиц, находящихся в нетрезвом состоянии. В результате реализации запланированных мероприятий количество задержанных в 1980 году за появление в пьяном виде в общественных местах, по сравнению с 1979 годом в Кировском районе возросло на 0,8 % (с 18 422 до 18 564 человек), в I квартале 1981 года на 4 % (с 4 361 до 4 537 человек). Количество лиц, побывавших в медицинском вытрезвителе при Кировском РОВД, в 1980 году увеличилось на 1,7 % (с 7 566 до 7 693 человек), а в I квартале текущего года уменьшилось с аналогичным периодом прошедшего года на 15,7 % (с 2 146 до 1 810 человек).

В Ленинском районе в 1980 году доставлено в РОВД за появление в общественных местах в нетрезвом состоянии 9 375 человек или 4,5 % меньше, чем в 1979 году. Количество лиц, содержащихся в медвытрезвителе, сократилось на 6,6 % (с 6 691 до 6 248 человек). В I квартале этого года подбор пьяных снизился на 6,1 % (с 2 836 до 2 663 человек). Однако количество лиц, содержащихся в медвытрезвителе, увеличилось на 14,9 % (с 1 489 до 1 711 человек).

В Трусовском районе РОВД в 1980 году доставлено 8 947 человек, что на 9,4 % больше, чем в 1979 году. Увеличилось количество лиц, побывавших на вытрезвлении, на 0,9 % (с 4 363 до 4 404 чело-

век). В I квартале 1981 года также наблюдается увеличение числа помещенных в медвытрезвитель на 85,5 % (с 983 до 1 150 человек).

В Советском районе в РОВД было доставлено и привлечено к административной ответственности 7 153 человека, т. е. на 12,3 % выше уровня 1979 года. В 1980 году в областном центре поставлено на учет 324 злостных пьяниц, направлено в ЛТП 387 человек.

Улучшилось взаимодействие административных органов со специальными комиссиями, созданными при исполкомах Советов народных депутатов на промышленных предприятиях, в учреждениях, многие из которых ведут эффективную работу по предупреждению пьянства и алкоголизма.

Хорошо поставлена работа Советов профилактики правонарушений в Ленинском районе, особенно на заводе «Прогресс», судовой верфи им. Кирова, заводе «Стекловолокно». В Кировском районе следует отметить целенаправленную работу Советов профилактики Трикотажного комбината, морского рыбного порта, трамвайно-троллейбусного управления. В Трусовском районе — завода резиновой обуви, завода X-ой годовщины Октябрьской революции, в Советском районе — завода им. Карла Маркса.

Эти и другие меры способствовали тому, что в областном центре преступность в 1980 году по сравнению с 1979 годом по линии уголовного розыска сократилась на 0,6 %, по категории наиболее опасных преступлений снизилась на 2,4 %. Уличная преступность уменьшилась в целом по городу на 6 %, сократилось количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними на 3,6 %.

В I квартале 1981 года преступность по линии уголовного розыска по сравнению с тем же периодом прошлого года сократилась на 2,4 %. По сравнению с I кварталом 1979 года заметно снизились количество преступлений, совершенных несовершеннолетними на 27,5 %. Снизилась также рецидивная¹ преступность на 0,8 %. Улучшилась общая раскрываемость на 0,1 % (с 95,0 до 95,1 %), в том числе по наиболее опасным преступлениям на 1 % (с 92,8 до 93,8 %).

Удельный вес преступлений, совершенных в состоянии опьянения по городу, снизился на 0,6 %.

Однако в целом состояние борьбы с пьянством в районах города Астрахани нельзя признать удовлетворительным, пьянство еще

¹ Так в документе.

остаётся широко распространённым явлением. Достаточно сказать, что только за I квартал этого года за появление в состоянии опьянения в общественных местах областного центра задерживалось более [здесь пропущено] тыс. человек, поставлено на учёт в райотделах 476 человек, требующих активного лечения, в ЛТП направлено 144 человека.

Обстановка настоятельно требует дополнительного всемерного расширения сети наркологических учреждений, имеющихся в районах города, не могут обеспечить своевременного и качественного излечения от алкоголизма всех нуждающихся. Между тем, вопросы создания новых наркологических кабинетов и других подобного рода учреждений решаются крайне медленно.

Управление внутренних дел ежеквартально анализирует состояние борьбы с преступностью на крупных предприятиях г. Астрахани. Анализы с предложениями направлялись в городской Комитет КПСС и горисполком, райисполкомы, где по ходатайству¹ органов внутренних дел заслушивались отдельные руководители предприятий, организаций и строков по вопросам борьбы с пьянством и алкоголизмом.

В 1980 году по сравнению с 1979 годом [увеличилось] количество лиц, привлечённых к административной ответственности, руководство и Советы профилактики должны проанализировать причины роста правонарушений и совместно с правоохранительными органами принять меры по усилению профилактической работы среди членов коллектива. В 1980 году органы внутренних дел проделали работу по активизации Советов профилактики на предприятиях и расширению их сети. В настоящее время в г. Астрахани насчитывается 148 Советов профилактики. Практика показывает, что одними административными мерами задачу ликвидации пьянства решить невозможно, необходимо активное участие в этой работе общественных организаций, администрации и учреждений.

Однако на многих предприятиях нередко ещё случаи неприятия мер к пьяницам, оставления без реагирования сообщений из милиции о случаях нарушения работающими на них лицами алкогольного законодательства.

¹ Так в документе.

Так в 1980 году на 76 наиболее крупных предприятий города органами внутренних дел было направлено свыше 5 тыс. сообщений и представлений по фактам антиобщественного поведения отдельных членов трудовых коллективов, но ответы были получены только на 40 % из них. К таким предприятиям относится в первую очередь: станкостроительный завод, Первомайский завод, завод ЖБК-1, речной порт, завод техоснастки и др.

Определенная профилактическая работа проводилась по выявлению и пресечению фактов управления автотранспортом¹ в нетрезвом состоянии. В автохозяйствах в обязательном порядке проводятся предрейсовые медицинские осмотры. Между медицинскими вытрезвителями и подразделениями ГАИ налажено постоянное взаимодействие и обмен информацией о водителях, доставленных на вытрезвление.

Необходимо дальнейшее упорядочение торговли спиртными напитками[,] имеются многочисленные факты продажи в магазинах водки подросткам, лицам в нетрезвом состоянии, нарушений установленных часов торговли спиртными напитками. Продолжается продажа крепких спиртных напитков в магазинах, находящихся в непосредственной близости от промышленных предприятий.

Отделы внутренних дел г. Астрахани продолжают осуществлять комплекс мер по выполнению постановлений Партии и правительства, требований МВД СССР и решений XXVI съезда КПСС, направленных на усиление борьбы с пьянством.

30.IV-81 г. Ст. инспектор штаба УВД А[страханской] О[бласти]
Капитан милиции: [подпись]

К. М. Маняхин

[ГА АО. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 1305. Л. 195–199].

4. Ситуация с алкоголизмом в Астраханской области на рубеже 1970–1980-х гг.

Проблема алкоголизма в Астраханской области появилась задолго до «майских» указов и постановлений 1985 г. Алкогольную проблему усугубляло наличие в Астраханской области предприятий по производству алкогольных напитков. Несмотря на выход

¹ Так в документе.

постановления 1972 г., в котором предусматривалось обеспечение сокращения производства крепких спиртных напитков и значительное увеличение выпуска виноградного вина и пива, на деле все было наоборот. Объем производства алкогольных и безалкогольных напитков на предприятиях г. Астрахани, подчиненных Минпищепрому РСФСР, представлен на следующей таблице.

Таблица 1. Производство алкогольных и безалкогольных напитков на предприятиях г. Астрахани [ГА АО. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 1305. С. 185]

Наименование	1972 г.	1975 г.	1980 г.
Водка и ликероводочные изделия (тыс. дал)	998	1 175	1 324
в том числе:			
крепостью 30 % и выше	936	1 035	1 208
крепостью до 30 %	62	140	116
Вино виноградное (тыс. дал)	832	433	385
Вино плодово-ягодное (тыс. дал)	-	171	207
Пиво (тыс. дал)	1 604	1 881	1 492
Безалкогольные напитки (тыс. дал)	940	948	973

Как видно из табл. 1, доля выпуска алкогольных напитков крепостью выше 30 % за десятилетие увеличилась, а выпуск виноградного вина и пива, наоборот, уменьшился, что нарушало существующие нормативные ограничения. За этот период только объем выпуска виноградного вина в 1980 г. по сравнению с 1972 г. уменьшился на 54 %, пива на 7 %, а производство вредных плодово-ягодных вин увеличилось на 21 %. Выпуск безалкогольных напитков в городе возрос незначительно, всего на 4 %, отмечался срыв планов по производству этих напитков в 1973 г. и в 1976 г. Удельный вес продажи алкогольных напитков в общем объеме товарооборота не уменьшился, а наоборот возрос с 16 % в 1975 г. до 18 % в 1980 г. В 1980 г. в городе было зарегистрировано 1 081 человек, у которых впервые был установлен диагноз заболевания алкоголизмом и алкогольным психозом, что было на 395 человек больше, чем в 1975 г., и на 641 человек больше, чем в 1972 г. На начало 1981 г. в г. Астрахани на учете состояло 8 322 человека, больных алкоголизмом и алкогольным психозом, что было на 5,6 % больше, чем в 1979 г. [ГА АО. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 1305. Л. 186–189].

Значительное количество различных правонарушений являлось прямым или косвенным следствием употребления спиртных напитков ее жителями. В справке за 1979 г., представленной в комиссию по борьбе с алкоголизмом, отмечалось, что в Астраханской области 56,6 % всех преступлений, зарегистрированных по линии уголовного розыска, было совершено в состоянии опьянения. Это было несколько ниже 1978 г., в котором было зарегистрировано 64,2 %. Удельный вес по многим тяжким преступлениям, таким как убийства, умышленные тяжкие и менее тяжкие телесные повреждения, изнасилования, хулиганство, совершенным в пьяном состоянии, составлял до 90–95 %. Пьянство особенно было распространено среди учащихся профессионально-технических училищ (ПТУ). 65 % учащихся ПТУ, совершивших преступления, находились в состоянии опьянения. Многим преступлениям способствовали предприятия торговли и общественного питания. Работники магазинов нередко продавали спиртные напитки несовершеннолетним, лицам, находящимся в нетрезвом состоянии, и в неустановленное время [ГА АО. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 1305. Л. 16–17, 19].

На рубеже 1970–1980-х гг. в Астраханской области работало 11 медицинских вытрезвителей, была создана наркологическая служба и открыто 9 наркологических отделений, 16 врачебных наркологических кабинетов для оказания амбулаторной помощи больным, страдающим алкоголизмом, с коечным фондом 345 мест, на 67 предприятиях города и области работали фельдшеры-наркологи с охватом 135 тыс. работающих. Широко была организована противоалкогольная пропаганда, которая проводилась в районных и многотиражных газетах промышленных предприятий, выходили «Окна сатиры» и тележурнал «Пьянству бой». Несмотря на принимаемые меры, количество лиц, доставленных в медицинские вытрезвители, в 1979 г. составило 28 300 человек, что дало увеличение на 13 %, а всего в этом же году в пьяном состоянии в органы милиции было доставлено 54 тыс. человек или каждый семнадцатый житель области, 569 человек были направлены в лечебно-трудовой профилакторий (ЛТП), а за 4,5 месяца 1980 г. было доставлено 11 215 человек в медвытрезвители и 210 человек в ЛТП [ГА АО. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 1305. Л. 56–57].

В представленном в Комиссию документе отмечалась важность работы органов здравоохранения Астраханской области по вопросам раннего выявления и организации лечения больных алкоголизмом. Областной отдел здравоохранения проводил работу по улучшению организации наркологической службы, выявлению, учету, динамическому наблюдению и лечению лиц, страдающих алкоголизмом. На конец 1979 г. в области было выявлено и поставлено на учет в милицию и в лечебные учреждения около 12 тыс. алкоголиков. Противоялкогольную терапию прошли 10 372 человека, из которых лечились в стационарах 2 322 человека, амбулаторно 3 999 человек, поддерживало лечение 4 501 человек, в ЛТП было направлено 569 человек. Особое внимание органами здравоохранения региона уделялось расширению и организации наркологических отделений при промышленных предприятиях и созданию врачебных, фельдшерских кабинетов, где лечение больных сочеталось с общественно-полезным трудом. Несмотря на проделанную работу, большой проблемой оставалась нехватка мест в наркологических отделениях, которые могли одновременно принять только 405 заболевших, а на учете их состояло около 10 тыс. человек. Областному отделу здравоохранения указывали на этот недостаток, а также на отсутствие работы по расширению наркологической сети при крупных промышленных предприятиях, хотя число заболевших алкоголизмом постоянно росло [ГА АО. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 1305. Л. 20–21].

Отдельно на Комиссии рассматривался вопрос по борьбе с пьянством и алкоголизмом на предприятиях речного порта. В документе, подготовленном и. о. начальника отдела по руководству медицинскими вытрезвителями при УВД Астраханского облисполкома А. Ф. Дьяковым, отмечался рост регулярно употреблявших алкогольные напитки в значительных количествах. Согласно справочным данным, если в 1978 г. за появление в пьяном состоянии на улицах города было задержано 112 человек, то в 1979 г. — 253 человека, что дало прирост более чем в два раза. Росло количество людей, побывавших в медицинских вытрезвителях. В 1978 г. их было 59 человек, а уже в 1979 г. это число также увеличилось более чем в два раза — до 125 человек. Не улучшилось положение и в 1980 г., только за первый квартал было доставлено в медицинские вытрезвители 31 человек, это было на 7 % больше, чем за

аналогичный период 1979 г. В этом документе также отмечалась важная роль органов здравоохранения по вопросам раннего выявления и организации лечения больных алкоголизмом. С 1976 г. в речном порту функционировал наркологический кабинет. Здесь на учете в 1979 г. состояло 86 человек, из них 68 были злостными пьяницами, но проходили лечение только 25 человек амбулаторно и в стационаре лежало 4 человека. В 1980 г. амбулаторное лечение прошли всего 10 человек, что было недостаточно. Отмечалась слабая эффективность лечения, из всех прошедших лечение только 4 человека не употребляли алкоголь в течении полугода, один человек — год, остальные начинали пить через 1,5–2 месяца после лечения. Поэтому автор справки отмечал «крайне слабую» борьбу с пьянством на предприятиях речного порта и призывал к «осуществлению более действенных мер по профилактике пьянства, усиления общественного и правового воздействия на пьяниц» [ГА АО. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 1305. Л. 43–45].

1. Заключение

Проходившие в стране в 1980-е гг. политические, экономические и социальные изменения нашли отражение в архивных документах. На протяжении десятилетий многие из них были недоступны, что существенно затрудняло работу исследователей. Особенно это касалось межведомственной переписки, справок, протоколов, документов делопроизводства, имевших гриф «секретно». Между тем именно в этих документах хранилась наиболее важная информация, способная пролить свет на многие исторические и политические события. Проанализированная в статье справка является ценным историческим источником по изучению особенностей проводимых регионами мер по борьбе с пьянством и алкоголизмом и помогает понять эффективность реализовывавшихся программ и мероприятий. Особую важность этот документ представляет для междисциплинарных исследований и исследователей повседневности. Публикация и введение в научный оборот таких документов позволяет глубже изучить тот или иной исторический период, понять проходившие политические и экономические процессы в стране, а также исследовать состояние сферы охраны здоровья человека.

Источники и литература

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

Заиграев 1997 — *Заиграев Г. Г.* Государственная политика как фактор алкоголизации населения // Социологические исследования. 1997. Т. 4. С. 109–116.

Постановление 1972 — Постановление Совета Министров СССР от 16 мая 1972 г. № 361 «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» [электронный ресурс] // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=uQhehw&base=ESU&n=10511#bINsZWU4CHl6fWBo> (дата обращения: 10.11.2024).

Постановление 1985 — Постановление Совмина СССР от 07.05.1985 г. № 410 «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения» [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/765707559> (дата обращения 10.11.2024).

Соколова 2020 — *Соколова Т. Л.* Антиалкогольная кампания в СССР в годы перестройки: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 158–163.

Указ 1972 — Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 августа 1972 г. «Об утверждении положения о комиссиях по борьбе с пьянством» [электронный ресурс] // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7881.htm (дата обращения 10.11.2024).

Указ 1985 — Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством» (от 16 мая 1985 г. № 2458-XI) [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/9007335> (дата обращения 10.11.2024).

Мотив помощника в калмыцких волшебных сказках на сюжет «Мачеха и падчерица»

Баира Басанговна Горяева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Горяева Б. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* Сказки об отношениях мачехи и падчерицы имеют широкое международное распространение и представлены несколькими сюжетными типами по указателю Аарне-Томпсона. Универсальный сюжет приобретает свои особенности на уровне мотивов. *Целью* является анализ мотива волшебного помощника в калмыцких сказках на сюжет «Мачеха и падчерица». *Методы.* Сравнительно-сопоставительное изучение мотива волшебного помощника на материале сказок разных народов представляет особенности его репрезентации в калмыцкой сказочной традиции. *Результаты.* Мотив волшебного помощника в рассмотренных сказках является сюжетообразующим. Чудесным помощником сиротки в калмыцких сказках предстает корова, выступающая как покровительница обреченной на сиротство и тяжелую жизнь. В. Я. Пропп отмечает, что в ряде сказочных вариантов эта корова — не что иное, как умершая родная мать девушки. В сказках мачеха принуждает сиротку пасти коров, дает ей трудные поручения. На материале разных устных традиций можно отметить, что чудесная корова помогает падчерице выполнять задачи мачехи. В калмыцких сказках не встречается мотив трудной задачи мачехи, но следует отметить, что чудесная корова, помимо функции помощника, приобретает еще и функцию дарителя после своей смерти, обеспечивая пропитанием и нарядами. В калмыцких сказках на рассматриваемый сюжет, кроме чудесной коровы, присутствует также даритель, который подвергает героиню испытанию. Старуха и женщина в рассмотренных сказках, по В. Я. Проппу, являются помощниками, благодаря которым происходит трансфигурация героини (Т). Согласно функциям действу-

ющих лиц В. Я. Проппа, женщина, налепившая на щеки солнце и луну, и старуха, на голове которой растут фрукты, также относятся к категории помощников, но с функциями дарителя, который испытывает героиню, прежде чем ее трансформировать (в приведенных текстах наделение красотой, нарядами и украшениями). Их можно, наряду с коровой, отнести к мифологическим помощникам. Следует отметить, что в калмыцких сказках на сюжет «Мачеха и падчерица» помощниками сиротки выступают также и люди: бездетные старики и сам супруг героини. Можно отметить как особенность, что в калмыцких сказках на сюжет «Мачеха и падчерица» мотив помощника реализуется на двух уровнях: мифологическом, когда помогает умершая мать и чудесные дарители, и профанном, когда бездетные старики и супруг героини приходят ей на помощь.

Ключевые слова: калмыки, волшебная сказка, мотив, помощник, мачеха, падчерица

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер государственной регистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Горяева Б. Б. Мотив помощника в калмыцких волшебных сказках на сюжет «Мачеха и падчерица» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 142–160. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-142-160

The Motif of the Assistant in Kalmyk Fairy Tales for the Plot “Stepmother and Stepdaughter”

*Baira B. Goryaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Goryaeva B. B., 2024

Abstract. Introduction. Fairy tales on the relationship between a stepmother and a stepdaughter are widely distributed internationally and are represented by several plot types of the Aarne-Thompson index. The uni-

versal plot acquires its own characteristics at the level of a motif. *Results.* The analysis of the texts of Kalmyk fairy tales on the plot of “Stepmother and stepdaughter” showed that the motif of the magical assistant is plot-forming. A cow appears as a wonderful helper of an orphan in Kalmyk fairy tales. The cow acts as the patroness of a girl doomed to orphan hood and a hard life. V. Y. Propp notes that in a number of fairy tale versions, this cow is nothing more than the girl’s deceased birth mother. In fairy tales, the stepmother forces the orphan to graze cows, gives her difficult assignments. Based on the material of various oral traditions, it can be noted that a wonderful cow helps a stepdaughter to perform the tasks of a stepmother. In Kalmyk fairy tales there is no motif of the difficult task of the stepmother, but it should be noted that the wonderful cow, in addition to the function of an assistant, also acquires the function of a donor after her death, providing food and outfits. In Kalmyk fairy tales in addition to the wonderful cow, there is also a donor who puts the heroine to the test. The old woman and the woman in the considered fairy tales, according to V. Ya. Propp, are assistants, thanks to whom the transfiguration of the heroine (T) takes place. According to the functions of the actors V. Ya. Propp, the woman who stuck the sun and moon on her cheeks, and the old woman on whose head fruits grow, also belong to the category of assistants, but with the functions of a donor who tests the heroine before transforming her (in the above texts, endowing with beauty, outfits and jewelry). Along with the cow, they can be attributed to mythological assistants. It should be noted that in Kalmyk fairy tales on the plot of “Stepmother and Stepdaughter”, the orphan’s assistants are also people: childless old people and the heroine’s husband himself. It can be noted as a feature that in Kalmyk fairy tales based on the plot “Stepmother and Stepdaughter”, the motif of the assistant is realized on two levels: mythological, when an animal and wonderful donors help, and profane, when childless old men and the heroine’s husband come to her aid.

Keywords: Kalmyks, folktale, plot, motif, path, thing, function

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”

For citation: Goryaeva B. B. The Motif of the Assistant in Kalmyk Fairy Tales for the Plot «Stepmother and Stepdaughter». *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2024; (4): 142–160. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-142-160

1. Введение

Сказки об отношениях мачехи и падчерицы имеют широкое международное распространение и представлены несколькими сюжетными типами по указателю Аарне – Томпсона: АТ 403 «Подмененная жена», АТ 480 «Мачеха и падчерица», АТ 510 «Золушка», АТ 511 «Чудесная королева». Сюжет АТ 511 устно бытует преимущественно в европейских странах, но известен и в других частях света — в Индии, Северной и Южной Америке (в Америке записывался на французском, английском и испанском языках) [Афанасьев 1984: 462]. Схожие тексты имеются в сборниках сказок многих народов [Афанасьев 1984: 120–124; Сказки народов Евразии 2018].

Сказки на сюжет «Мачеха и падчерица» рассматривались учеными на материале традиций разных народов. Р. М. Волковым выделено пять типов сюжета о мачехе и падчерице у восточных славян: «Кобыляча голова», «Морозко», «Золушка», «Буренушка», «Мачеха, преследующая падчерицу из зависти к ее красоте» [Волков 1924]. А. М. Смирнов-Кутаческий в своей кандидатской диссертации провел анализ обширного количества народных сказок о мачехе и падчерице с привлечением литературных источников [Смирнов-Кутаческий 1942]. Е. М. Мелетинский, рассматривая происхождение героя волшебной сказки, проанализировал образ гонимой падчерицы в свете общей проблемы взаимоотношений мачехи и сиротки [Мелетинский 2005: 136–179].

В «Сравнительном указателе сюжетов» восточнославянской сказки отмечено пять типов сказок о мачехе и падчерице: СУС 403 «Подмененная жена», СУС 409 «Мать-рысь», СУС 480 «Мачеха и падчерица», СУС 510 «Золушка», СУС 511 «Чудесная королева» [СУС 1979].

Е. И. Лутовинова, описав русские сказки о мачехе и падчерице, провела их классификацию. В результате выделено 9 сюжетных типов, по способу преодоления испытаний материал делится на две большие группы: первая — у героини помощника нет, вторая — помощник есть [Лутовинова 1991: 13]. Девять типов сюжетов о мачехе и падчерице по Е. И. Лутовиновой: «Кобылячья голова», «Морозко», «Испытание в лесной избушке», «На службе у колдуньи», «Гуси-лебеди», «Женская работа»,

«За огнем к Бабе-Яге», «Тербень-Тербень», «Двенадцать месяцев» [Лутовинова 1991: 8–13]. В представленную классификацию не вошли сюжеты «Золушка» и «Буренушка», выделенные Р. М. Волковым и отмеченные в сравнительном указателе восточнославянской сказки.

Н. В. Лозовская при рассмотрении семантической и структурной деривации в сюжетном типе сказки «Золушка» отмечает, что ее исходная инвариантная модель определяется на основе глубинной семантики, формализуемой оппозицией «мачеха — падчерица» [Лозовская 1991: 102].

Г. Р. Хусаиновой в сравнительном аспекте изучены сюжеты о мачехе и падчерице у восточных славян и тюрков. Анализ показал сходство сказок на уровне сюжетной линии и образной системы, выявил отличия, указывающие национальную специфику материала [Хусаинова 2006: 102].

И. Ф. Амроян отмечает, что сюжетный тип АТ 480 «Мачеха и падчерица» исключительно популярен не только в русской, но и в болгарской и чешской сказочных традициях. По наблюдению исследователя, на основе сюжета разворачиваются тексты, всегда имеющие двучастную структуру, опирающуюся на принцип противопоставления (зеркальный повтор) [Амроян 2008: 376].

В калмыцкой сказочной традиции сюжетный тип АТ 480 «Мачеха и падчерица» встречается только в контаминации с тематически сходным сюжетным типом АТ 403 «Подмененная жена». Имеется случай, когда вышеуказанная контаминация сюжетов дополняется сюжетом АТ 511 «Чудесная корова». Сказки о мачехе и падчерице в калмыцкой сказочной традиции, так же как и в славянской, тяготеют к двучастной структуре, в основе которой лежит принцип зеркального повтора — противопоставления двух типов героинь, их действий и поступков [Горяева 2011: 112].

Реализация сюжетов о мачехе и падчерице строится на мотиве помощника, именно с него начинается завязка действия. В данной статье нами впервые в калмыцкой фольклористике предпринята попытка анализа мотива волшебного помощника в калмыцких сказках на сюжет «Мачеха и падчерица», имеющий широкое международное распространение.

2. Материалы и методы исследования

Материалами для статьи стали зафиксированные на «ясном письме» (один текст) и в современной калмыцкой орфографии на кириллице (три текста) волшебные сказки из Научного архива Калмыцкого научного центра РАН (КалмНЦ РАН) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 1–4; НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 80. Л. 93–94; НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 4–8; НА Калм НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 95–100], а также сказка «Хөөт экин харт бээсн өнчн күүкн» («Девочка-сирота, жившая у мачехи»), опубликованная в сборнике [Хальмг фольклор 1941: 261–264].

Первая сказка зафиксирована на старокалмыцкой письменности «тодо бичиг» и хранится в коллекции В. Л. Котвича в Научном архиве КалмНЦ РАН; перевод сказки на русский язык осуществлен Т. Г. Басанговой и опубликован в сборнике «Сандаловый ларец» под названием «Дочь Сяяды» [Сандаловый ларец 2002: 176–177]; текст сказки, переложенный на современную калмыцкую орфографию, с параллельным переводом на русский включен в том «Калмыцкие волшебные сказки» Свода калмыцкого фольклора [Калмыцкие волшебные сказки 2020: 190–193]. В сказке «Сээдэн күүкн» («Дочь Сяяды») представлена контаминация сюжетных типов АТ 480 «Мачеха и падчерица» и АТ 403 «Подмененная жена» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 1–4].

Текст сказки «Бембг гидг көвүнэ туск тууль» («Сказка о юноше по имени Бембг») хранится в Научном архиве КалмНЦ РАН. Сказка частично соответствует сюжетному типу СУС 409 «Мать-рысь» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 80. Л. 93–94].

Сказка «Аль Бемб» из фонда Научного архива КалмНЦ РАН представляет контаминацию сюжетных типов АТ 510 «Золушка» и СУС 409 «Мать-рысь» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 4–8].

Текст сказки «Хойр күүкнэ туск тууль» («Сказка о двух девушках») находится в рукописном отделе Научного архива КалмНЦ РАН. Сказка начинается с разработки сюжета АТ 511 «Чудесная корова» и дополняется тематически сходными сюжетами «Мачеха и падчерица» и «Подмененная жена» [НА Калм НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 95–100].

Сказка «Хөөт экин харт бээсн өнчн күүкн» («Девочка-сирота, жившая у мачехи») представлена контаминацией сюжетных типов АТ 511 «Чудесная корова» и АТ 403 «Подмененная жена». Текст сказки опубликован в сборнике «Хальмг фольклор» («Калмыцкий фольклор») [Хальмг фольклор 1941: 261–264], переиздан в первом томе «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки») [Хальмг туульс 1961: 91–93] и с параллельным переводом на русский язык представлен в книге «Мачеха и падчерица» серии «Сказки народов Евразии» [Сказки народов Евразии 2018: 83–90].

Для сравнительно-типологического анализа привлекались тексты сказок разных традиций на сюжет «Мачеха и падчерица», представленные в сборнике «Сказки народов Евразии. Мачеха и падчерица» [Сказки народов Евразии 2018].

При рассмотрении мотива помощника на материале калмыцких волшебных сказок о мачехе и падчерице мы опирались на исследования В. Я. Проппа по генезису («истории») волшебной сказки [Пропп 2000], работу Е. М. Мелетинского по происхождению образа «низкого» героя волшебной сказки [Мелетинский 2005]. При анализе нами учтен также опыт изучения русских сказок о мачехе и падчерице А. М. Смирнова-Кутаческого [Смирнов-Кутаческий 1942], Е. И. Лутовиновой [Лутовинова 1991].

Актуальны для нашего исследования изучение восточнославянских и тюркских сюжетов о мачехе и падчерице [Хусаинова 2006], образов мифологических помощников башкирской волшебной сказки [Хусаинова 2014: 90–96], сказок о мачехе и падчерице сказочников Русского Севера [Добровольская 2019], а также народов Дагестана [Алиева, Мухамедова 2020].

3. Корова как волшебный помощник

В сказочной традиции калмыков сказки на сюжет «Мачеха и падчерица» представлены несколькими сюжетными типами. Чудесным помощником сиротки в этих сказках предстаёт корова.

Героиня сказки «Хөөт экин харт бээсн өнчн күүкн» («Девочка-сирота, жившая у мачехи») пасет трех коров. Девочка, которой не дают еды, проголодавшись, плачет и зовет свою умершую мать. Пестрая корова, сжалившись, подкармливает ее, испражняясь сладостями. Сиротка становится краше, ее облик описывается тради-

ционной формулой *герлднь аду манм, гегэнднь үүл бэрм* ‘в свете ее [красоты] можно стеречь табун, в сиянии ее можно рукодельничать’ [Хальмг туульс 1961: 91].

Мачеха требует ответить на вопрос, чем питается падчерица, что так хорошеет. Сиротка хранит молчание, но, когда ее избивают до полусмерти, она проговаривается и раскрывает свой секрет. Мачеха отправляет родную дочь пасти коров, но пеструха не кормит ее сладостями (*балта* ‘пряниками’), поэтому мачеха велит зарезать корову. Когда сиротка, плача, сообщает об этом корове, то в ответ слышит: «Ты не страдай из-за того, что меня убьют, когда меня зарежут, мои испражнения в толстой кишке отнеси на курган» (*Намаг алснд чи бичэ зовад бэ, намаг алжэ оркхла, мини холхата санһсиг толһа деер авч оч хай*) [Хальмг туульс 1961: 91]. Падчерица исполняет все сказанное помощницей, и на кургане вырастает дерево, на котором пряники (*балта*) и сладости (*шикр*) растут развесисто, как кораллы.

Т. Г. Басангова пишет, что в данном сюжете корова выступает как покровительница девушки, обреченной на сиротство и тяжелую жизнь [Басангова 2009: 69].

В. Я. Пропп, исследуя исторические корни волшебной сказки, отмечает, что в ряде сказочных вариантов эта корова — не что иное, как умершая родная мать девушки [Пропп 2000: 130].

Калмыцкий материал подтверждает вывод ученого. В сказке «Хойр күүкнэ туск тууль» («Сказка о двух девушках») красная корова говорит человеческим голосом падчерице, чтобы она готовила подойник, когда ее вымя нальется молоком, она даст мед, что лучше молока: *Намаг делврэд ирхлэ, сав тос. Би чамд үснэс даву бал-бурм һарһжэ өгнэв!* [НА Калм НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 96]. Корова в этом тексте не кто иной, как умершая родная мать героини, которая помогает своей дочери и кормит ее.

Сиротка, питаясь особой едой, становится краше. На вопрос женщины Шивегчин, которая стала ее хозяйкой, героиня отвечает честно, что ее кормит корова, и уже на следующее утро отправляется пасти коров родная дочь. Краснуха не кормит ее медом, поэтому зловредная женщина велит зарезать корову. Перед смертью корова успокаивает сиротку и говорит следующее: *Ода чи бичэ зов, чамд ода хотын дөңгэс ховцна дөң икэр кергтэ. Мини*

махнас бичә идич. Дөрвн шишм өвртәһим авч одад, тер өөдмин деер бул 'Ты не горюй, тебе сейчас помощь в одежде нужна больше, чем помощь в еде. Моего мяса не ешь. Мои четыре ножки и рога закопай на том пригорке' [НА Калм НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 96].

На русском материале В. Я. Проппом также отмечено, что в сказке «Буренушка» (Аф. 100) мачеха велит зарезать корову падчерицы, на что корова отвечает: «„А ты, красная девица, не ешь моего мяса“. Поев мяса коровы, девушка употребила бы в пищу кусок тела своей матери» [Пропп 2000: 130].

Героиню сказки «Буренушка» Марью-царевну кормит корова: «Царевна пошла в чистое поле, в праву ножку буренушке поклонилась — напилась-наелась, хорошо срядилась; за коровушкой-буренушкой целый день ходит, как барыня. День прошел, она опять поклонилась ей в праву ножку, разрядилась, пришла домой и краюшку хлеба назад принесла, на стол положила» [Афанасьев 1984: 122].

Сиротка в сказке «Крошечка-Хаврошечка» обращается «коровушка-матушка» к корове, которую пасет. Рябая помогает сиротке выполнять трудную работу: «к завтраму пять пудов напрядь, наткать, побелить, в трубы покатасть». Девочка в одно ухо коровы влезает, в другое вылезает и берет готовое [Афанасьев 1984: 121].

Согласно наблюдениям Г. Р. Хусаиновой, в украинской сказке падчерица смотрит в левое ухо вола — а там коноплю мнут, прядут, мотают, снуют, шьют, заглянула в правое — а там уже все готово. В башкирской сказке корова съела волокно и выплюнула падчерице белое полотно. В узбекской — падчерица накормила корову хлопком, а потом из ее вымени вытянула нитки и смотала их в клубок [Хусаинова 2006: 101]. В башкирских сказках на сюжет ATU 511 выполнить трудные задания падчерице помогает корова: рассортировать по зернышкам пуд проса и пуд пшеницы, выткать за ночь полотно. Корова же кормит своим молоком брошенных мачехой сирот. Чтобы оживить девочку, превращенную в камень, корова велит мальчику взять из своего хвоста три волосинки и сжечь их. Корова снабжает падчерицу красивой одеждой, в которой она идет на пир, где батыр выбирает себе девушку, которая становится его женой. Наряд падает с неба после того, как корова посмотрела на небо и промычала [Хусаинова 2014: 91].

В сказках мачеха принуждает сиротку пасти коров, дает ей трудные поручения. На материале разных устных традиций можно отметить, что чудесная корова помогает падчерице выполнять задачи мачехи. В калмыцких сказках не встречается мотив трудной задачи, но следует отметить, что чудесная корова, помимо функции помощника, приобретает еще и функцию дарителя после своей смерти.

В сказке «Хөөт экин харт бээсн өнчн күүкн» («Девочка-сирота, жившая у мачехи») падчерица не ест мяса коровы, а ее толстую кишку закапывает на возвышенности, из нее вырастают сладости [Хальмг туульс 1961: 91].

Согласно исследованию Г. Р. Хусаиновой, в русской и башкирской сказках на сюжетный тип АТ 511 «Чудесная корова» из захороненных останков коровы вырастает яблоня, но яблоки с нее может сорвать только падчерица, а в узбекской сказке останки коровы превращаются в нужные падчерице предметы одежды: коровья шкура — в златотканую шубу; копыта — «в сапожки, да такие красивые, словно лодочки»; кровь — в шелковое платье; кости — в кораллы, алмазы и жемчуга [Хусаинова 2006: 101].

В калмыцкой сказке «Аль Бемб» («Аль Бемб») из костей коровы вырастает золотая туфелька, которую находит ханский сын и объявляет, что женится на девушке, которой будет впору найденная обувь [НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 5].

В сказке «Өнчн бор хурһн» («Серый ягненок-сирота») синьцзянских калмыков (ойратов), проживающих на исторической родине в Азии, в нужный момент останки ягненка превращаются в красивую одежду для падчерицы. В данной сказке чудесным помощником является ягненок. Каждый день он срыгивает падчерице фрукты, питаясь которыми она преобразается. Когда по указу старухи-мачехи, которая притворилась больной, зарезали ягненка, падчерица собирает его кости и внутренности, складывает в кожаный мешок и относит в пещеру [Сказки народов Евразии 2018: 139–155].

В варианте сказки синьцзянских ойратов «Синяя корова» на рассматриваемый сюжет из костей и головы синей коровы появляются добротная одежда, нарядный головной убор, дорогие украшения, красивые и удобные сапожки. Вместо мачехи падчерице

вредит *бергн* — жена брата по отцовской стороне [Сказки народов Евразии 2018: 155].

На калмыцком материале можно отметить, что корова является помощницей падчерицы не только при жизни, но и после смерти, обеспечивая пропитанием и нарядами [Хальмг туульс 1961: 91]. Корова является тем животным, в которое превращается умершая мать. Следует отметить, что синыйзянский материал представляет еще и серого ягненка в качестве чудесного помощника сиротки [Сказки народов Евразии 2018: 139–145].

В башкирских волшебных сказках Г. Р. Хусаинова выделяет мифологических помощников: мифический конь, мертвец / череп, белобородый старик, чудесная супруга, змея, домашние животные (кошка, собака) и др. В числе мифологических помощников отмечается и корова, но у нее отмечается одна функция — помогать героине [Хусаинова 2014: 96].

В калмыцких волшебных сказках корова также является мифологическим помощником, причем не единственным.

4. Чудесная дарительница как помощник

В сказках на рассматриваемый сюжет, помимо чудесной коровы, присутствует также даритель, который подвергает героиню испытанию. В сказке «Сээдэн күүкн» («Дочь Сяяды») к дочери Сяяды посватался ханский сын, вскоре после этого женщина умерла. Ее дочь осталась на попечении Му, которая заставляла сиротку пасти коров. Однажды в степи к сиротке приходит старуха и просит посмотреть ей голову: *Сээдэн күүкн үкр хэрүлжэ йовтльн нег эмгн ирв. Тегэд келв: «Күүкн толһад мини нисл»* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 1]. Девочка не притрагивается к фруктам, росшим на голове старухи, вследствие чего награждается красотой и пожеланием счастливой жизни, которое обозначено как благопожелание-йорял. Родная дочь не выдерживает испытания старухи и наказывается уродством.

В сказке «Хойр күүкнэ туск тууль» («Сказка о двух девушках») после убийства помощницы-коровы сиротку Ценден в степи подзывает одна красивая женщина, опиравшаяся на белоснежную юрту, украшенную золотом, серебром, кораллами, жемчугом. Она просит девочку посмотреть у нее голову: *Чи мини толһа невчк хэлэжэһич*

[НА Калм НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 96]. Как только Ценден дотронулась до ее волос, та заснула. После пробуждения женщина благодарит девушку за то, что дала ей поспать и не польстилась на богатства: «*Чи сэн күүкн бээжч, намаг нөөрслүлснчн би ханжанау. Мини белг болтха!*» — *гиж келэд, торһн болн шеемг бишмүд умскэд, кеерүл шур-сүвс күзүнднь зүүлһэд, хойр халхднь сар, нар нааһад тэвдг болна* 'Ты хорошая девушка, оказывается, благодарю, что дала поспать мне. Пусть будет моим подарком! — сказав, шелковое и шерстяное платья подарила, на шею сиротки надела украшения из кораллов и жемчуга, на обе ее щеки налепила луну и солнце' [НА Калм НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 96].

Здесь следует отметить, что девушка старается покинуть жилище женщины, не побеспокоив ее сон. Но когда героиня уже добирается до двери, женщина все-таки просыпается.

В славянской традиции, по наблюдению И. Ф. Амроян, придя к реке, старуха ложится спать и просит падчерицу и родную дочь поискать у нее в голове вшей, причем их надо не просто давить, а обязательно есть. Только после этого она окончательно решает вопрос с наградой и просит разбудить ее тогда, когда в реке потечет вода соответствующего цвета [Амроян 2008: 378].

В сказке «Хойр күүкнэ туск тууль» («Сказка о двух девушках») женщина, одиноко живущая в богато обставленной юрте, тоже засыпает и, проснувшись, благодарит и вознаграждает героиню.

Старуха и женщина в упомянутых выше сказках, по В. Я. Проппу, являются помощниками, благодаря которым происходит трансфигурация героини (Т). Согласно функциям действующих лиц В. Я. Проппа, женщина, налепившая на щеки сиротке солнце и луну, и старуха, на голове которой растут фрукты, также относятся к категории помощников, но с функциями дарителя, который испытывает героиню, прежде чем ее трансформировать: в приведенных текстах трансформация выражается в наделении красотой, нарядами и украшениями. Этих действующих лиц в сказках можно, наряду с коровой, отнести к мифологическим помощникам.

В круг действий волшебного помощника героя, по В. Я. Проппу, также входят следующие функции: пространственное перемещение героя (R), ликвидация беды или недостачи (Л), спасение от пре-

следования (Сп), разрешение трудных задач (Р) [Пропп 2001: 73]. Им же установлены три категории помощников: 1) универсальные помощники, способные к выполнению (в известных видах) всех пяти функций помощника. Таким помощником оказался только конь; 2) частичные помощники, способные к выполнению нескольких функций, но которые по совокупности данных не выполняют всех пяти функций помощника. К этой группе относятся разные животные (кроме коня), духи, являющиеся из кольца, различные искусники и т. д.; 3) специфические помощники, исполняющие только одну функцию. К этой группе относятся только предметы. Так, клубочек служит для путеводительства, меч-самосек — для победы над врагом, гусли-самогуды — для решения задачи царевны и т. д. Отсюда видно, что волшебное средство есть не что иное, как частная форма волшебного помощника [Пропп 2001: 76].

6. Бездетные старики — помощники сиротки

Калмыцкий материал представляет образ гонимой падчерицы, которой помогает чудесная корова. Сиротка обретает красоту благодаря помощи умершей матери в образе животного (корова / ягненок), старухи, на голове которой растут фрукты, женщины, украшающей солнцем и луной; к ней сватается ханский сын. В рассмотренных сказочных вариантах падчерица преобразается (наряжается в красивые платья, обретает красоту в виде солнца и луны на щеках) благодаря тому, что она выдержала испытание старухи / женщины. Родная дочь мачехи не проходит испытание, приобретает уродливые пятна на лице, становится некрасивой, а мачеха подменяет падчерицу и отправляет к ханскому сыну свою дочь.

В сказке «Сээдэн күүкн» («Дочь Сяяды») женщина Мууда отправляет сиротку, которую забрала после смерти матери, за водой к морю с кожаным сосудом без дна. Затем идет за ней к морю, ударяет ее поварешкой и убивает. Дочь Сяяды превращается в сазана с золотой чешуей. Мууда отправляет вместо сиротки свою дочь. При этом она поучает дочь, как отвечать мужу на вопрос о том, что за наросты у нее на лице, и наказывает позже притвориться больной и потребовать бульон из сазана с золотой чешуей. Готовит сазана дочь Мууды в безлюдной юрте (*эжго гер*). Одна чешуйка попадает

на стык стенных решеток с дверью в юрте пастуха и превращается в дочь Сяяды. Бездетные старики удочеряют девочку. Когда ханский сын собирает девушек и невесток, чтобы сшить одежду, то приказывает доставить дочь пастуха. Девочку доставляют во дворец, сын хана просит ее рассказать сказку. Она рассказывает свою историю, ханский сын расправляется со своей женой, женится на дочери Сяяды, которую засватал [НА КалмНЦ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 2–4].

В сказке «Хойр күүкнэ туск тууль» («Сказка о двух девушках») злая женщина Шивегчин убивает добрую соседку Цаган, позже ее дочь Ценден, к которой посватался ханский сын. Тело девочки скинули на дно колодца в степи, луну, солнце, которые на двух ее щеках были, на щеки дочери Шивегчин наклеив, отправили в ханский дворец. Старик-верблюжатник достает из колодца шелковый девичий пояс и закапывает его на пригорке колодца. Назавтра в этом месте вырастает фруктовое дерево, с которого свешиваются красивые плоды. На это ханская невестка сказала, что дерево надо обстругать до тонкой веточки, полностью сжечь, иначе оно своими плодами будет людей травить. Старик выполняет поручение и приносит домой стружку от дерева, наутро превратившуюся в красивую девушку. Бездетные старики удочеряют сиротку. Хан-отец, чтобы узнать о дочери верблюжатника-темячи, притворился, что заболел и собрал всех девушек аймака послушать их сказки и отвлечься. Когда доставили дочь темячи, она рассказала как сказку от начала и до конца о себе и дочери Шивегчин, которая стала невесткой хана. Правда раскрылась, виновные наказаны, сиротка становится супругой ханского сына [НА Калм НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 96–100].

Во второй части сказки «Хөөт экин һарт бээсн өнчн күүкн» («Девочка-сирота, жившая у мачехи») действие тоже происходит по сюжетному типу «Подмененная жена». Мачеха топит падчерицу в озере, оно пересыхает, и из него появляется белый верблюжонок, из капли крови которого вырастает тополь. Из дерева ханша приказывает изготовить колыбель для еще нерожденного сына. Одна стружка дерева попадает за пазуху старика, в его юрте превращаясь в курительную трубку. Наутро пастух с женой видят вместо трубки тринадцатилетнюю девочку. Когда собирают девушек

со всего кочевья-нутука шить шубу, падчерица рассказывает свою историю как сказку, ханский сын узнает правду, наказывает мачеху и женится на сиротке [Хальмг туульс 1961: 91–93].

В данном тексте в эпизоде удочерения используются традиционные формулы сказки: *урн уга куунд урн болхар йовлав, садн уга куунд, садн болхар йовлав* ‘я пришла для бездетных стать ребенком, для тех, у кого нет родственников, стать родней’; *барун өвдг деерэн тэвэд, барун халхинь үмсэд, урэн кежэ авб* ‘на правое колено посадили, в правую щеку поцеловали, удочерили’ [Хальмг туульс 1961: 92].

Во всех трех вариантах сказки сиротка после цепи превращений удочеряется бездетными стариками. Свою историю героиня рассказывает как сказку в ханском дворце во время сбора всех девушек нутука.

Казахская народная сказка «Кок сиыр» («Синяя корова») схожа с выше приведенной калмыцкой сказкой «Хөөт экин харт бээсн өнчн күүкн» («Девочка-сирота, жившая у мачехи»). Утопленная мачехой падчерица превращается в тополь. Когда дерево рубят, листок попадает в юрту к бездетным старикам и превращается в пар, а затем — в красавицу. Благодаря своему соколу во время охоты, сын бая узнает свою жену. Правда торжествует, виновные наказаны [Сказки народов Евразии 2018: 82].

Отличие казахской сказки в том, что падчерица не рассказывает свою историю. Зато момент, когда героиня рассказывает свою историю как сказку, присутствует в лезгинской народной сказке «Бибихатун» («Бибихатун»). Падчерица после всех злоключений попадает на мел для чесания шерсти, устроенный сыном падишаха. По просьбе ханского сына она рассказывает сказку — историю о своих несчастьях. Сын падишаха узнает свою жену, а плешивую девушку с позором выгоняет [Сказки народов Евразии 2018: 82].

7. Ханский сын как спаситель героини

В калмыцкой сказке «Аль Бемб» сын хана находит золотую туфельку (выросла из костей коровы) и объявляет, что женится на девушке, которой будет впору найденная обувь. Падчерице туфелька пришлось по ноге, и ханский сын женится на ней. У них рождается сын. Далее следует разработка сюжета СУС 409 «Мать-рысь»: мачеха сталкивает падчерицу в озеро и подменяет ее своей родной

дочерью. Отец привозит сына к реке, мать выходит из воды покормить его. Ханский сын узнает свою жену, мачеха и ее дочь наказаны [НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 4–8].

Сказка «Бембг гидг көвүнэ туск тууль» («Сказка о юноше по имени Бембг») частично соответствует сюжетному типу СУС 409 «Мать-рысь». Шулмуска принимает облик жены героя, которую утопила в реке. Муж узнает о том, что из реки появляется женщина и зовет своего сына-младенца, чтобы покормить его грудью. Герой привозит на берег реки сына и видит, что женщиной, зовущей сына, является его жена, вызволяет ее, а шулмуску наказывает [НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 80. Л. 93–94].

В указанных текстах муж раскрывает правду и наказывает зловредную мачеху — в первой сказке и шулмуску — во второй.

В башкирской народной сказке «Угэй кыз» («Неродная дочь») мачеха угнетает падчерицу, приказывает зарезать корову, а в день приезда жениха превращает неродную дочь в птичку и подменяет своей дочерью. Муж ловит птицу, и она принимает облик настоящей жены. Когда у падчерицы рождается сын, мачеха превращает ее в лебедя. Свекровь каждый день приносит птице сына на кормление. Муж узнает об этом, ловит птицу, она навсегда принимает человеческий облик [Сказки народов Евразии 2018: 26–32].

Активная роль мужа в поисках своей жены представлена также в бурятской сказке «Алтай шагай, Мунгэн шагай» («Алтай шагай и Мунгэн шагай»). Выданная замуж вместо дочери хана батрачка всячески пытается уничтожить настоящую суженую героя, которая является к нему, обратившись овцой, коровой, конем. Далее ее попытки обратить на себя внимание, превратившись в огниво и кремь, кизил, золотого соловья, не венчаются успехом. Обман раскрывается усилиями главного героя, которому удастся выследить свою нареченную жену в своем доме. Самозванку возвращают обратно хану [Сказки народов Евразии 2018: 40–57].

Следует отметить, что в калмыцких сказках на сюжет «Мачеха и падчерица» помощниками сиротки выступают также и люди: бездетные старики и сам супруг героини.

8. Заключение

В калмыцкой сказочной традиции сказки на сюжет «Мачеха и падчерица» строятся на мотиве помощника. На материале разных

устных традиций можно отметить, что чудесная корова помогает падчерице выполнять задачи мачехи. В калмыцких сказках не встречается мотив трудной задачи мачехи, но чудесная корова, помимо функции помощника, приобретает еще и функцию дарителя. В калмыцких сказках корова является помощницей падчерицы не только при жизни, но и после смерти, обеспечивая пропитанием и нарядами. В образе коровы со своей дочерью общается ее умершая мать. Синьзянский материал представляет, кроме коровы, еще и серого ягненка в качестве чудесного помощника сиротки.

В сказках на рассматриваемый сюжет, кроме чудесной коровы, присутствует также даритель, который подвергает героиню испытанию. Согласно функциям действующих лиц, выделенным В. Я. Проппом, женщина, наклепавшая на щеки солнце и луну, и старуха, на голове которой растут фрукты, также относятся к категории помощников, но с функциями дарителя, который испытывает героиню, прежде чем ее трансформировать (в приведенных текстах наделение красотой, нарядами и украшениями). Их можно, наряду с коровой, отнести к мифологическим помощникам.

Отмечаются также в рассмотренных сказках в качестве помощников бездетные старики и сам супруг героини. Первые удочеряют сиротку, которая после расправы над ней в ряду превращений обретает человеческий облик. Супруг падчерицы предпринимает активные действия в сказках на сюжетный тип «Мать-рысь», находит и возвращает свою жену.

Таким образом, можно отметить как особенность, что в калмыцких сказках на сюжет «Мачеха и падчерица» мотив помощника реализуется на двух уровнях: мифологическом, когда помогают животное и чудесные дарители, и профанном, когда бездетные старики и супруг героини приходят ей на помощь.

Источники

- Афанасьев 1984 — *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки / изд. подг. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. В 3-х тт. Т. 1. М.: Наука, 1984. 511 с.
- Калмыцкие волшебные сказки 2020 — Калмыцкие волшебные сказки / вступит. ст. Б. Б. Горяевой; сост., указатели Б. Б. Горяевой, Д. В. Убушиевой; перевод, примеч., коммент., словарь Б. Б. Горяевой, Т. А. Михалевой, Д. В. Убушиевой; отв. ред. А. А. Бурюкин,

- В. Л. Кляус, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: КалмНЦ РАН, 2020. 584 с.
- НА КалмНЦ РАН — Научный архив КалмНЦ РАН.
- Сандаловый ларец 2002 — Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / сост., пер., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 240 с.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. 1-гч боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев, ред. У. Очиров. Элиста: Калм. кн. гос. изд-во, 1961. 220 с.
- Хальмг фольклор 1941 — Хальмг фольклор / Барт белдснь Лежнэ Церн, Шалвра Нэрэ. Элст: Калмгосиздат, 1941. 466 х.
- Сказки народов Евразии 2018 — Сказки народов Евразии. «Мачеха и падчерица» / сост., автор предисл. Е. Э. Хабунова. Элиста: Джангар, 2018. 200 с.

Литература

- Алиева, Мухамедова 2020 — *Алиева Ф. А., Мухамедова Ф. Х.* Об особенностях сюжетосложения цикла волшебных сказок «О мачехе и падчерице» в фольклоре народов Дагестана // *Litera*. 2020. № 1. С. 1–8.
- Амроян 2008 — *Амроян И. Ф.* Сюжет «Мачеха и падчерица» (АТ 480) в славянских национальных традициях (на материале русских, болгарских и чешских сказок) // *Международные Ломидзевские чтения «Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития»*. Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Москва, 28–30 ноября 2005 г.). М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 376–386.
- Басангова 2009 — *Басангова Т. Г.* Животные в калмыцком фольклоре / отв. ред. Д. В. Сокаева. Элиста: КалмГУ, 2019. 192 с.
- Волков 1924 — *Волков Р. М.* Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки: Сказка великорусская, украинская и белорусская. Одесса: Госиздат Украины, 1924. Т. 1. 227 с.
- Горяева 2011 — *Горяева Б. Б.* Сюжет «Мачеха и падчерица» (АТ 480) в калмыцкой сказочной традиции // *Научная мысль Кавказа*. 2011. № 1. Ч. 2. С. 110–112.
- Добровольская 2019 — *Добровольская В. Е.* Русские сказки сюжетного типа СУС 480 («Мачеха и падчерица») в репертуаре сказочников Русского Севера // *Рябининские чтения–2019: мат-лы VIII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера* (г. Петрозаводск, 23–28 сентября 2019 г.). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2019. С. 370–372.
- Лозовская 1991 — *Лозовская Н. В.* Семантическая и структурная дери-

- вация в сюжетном типе сказки «Золушка» // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике. Тез. докл. науч.-теоретич. конф. (г. Пермь, 5–19 окт. 1991 г.). Пермь: Перм. ун-т, 1991. С. 101–102.
- Лутовинова 1991 — *Лутовинова Е. И.* Русские сказки о мачехе и падчерице (АТ 480): (Опыт описания и классификации): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991. 19 с.
- Мелетинский 2005 — *Мелетинский Е. М.* Герой волшебной сказки. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2005. 237 с.
- Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
- Пропп 2001 — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.
- Смирнов-Кутаческий 1942 — *Смирнов-Кутаческий А. М.* Из истории народной сказки. Народная сказка о мачехе и падчерице / подг. текста К. В. Быстровой; прим. К. В. Быстровой и М. В. Строганова; вступит. заметка М. В. Строганова [электронный ресурс] // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31831 (дата обращения: 15.09.2024).
- СУС 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Хусаинова 2006 — *Хусаинова Г. Р.* Восточнославянские и тюркские сюжеты о мачехе и падчерице // Традиционная культура. 2006. № 2. С. 99–103.
- Хусаинова 2014 — *Хусаинова Г. Р.* Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология. Уфа: Гилем, 2014. 209 с.

Сказки «Сиддиту Кюр» в переводе Ильи Сургучёва

Александр Алексеевич Фокин¹

¹ Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417А, ул. Ленина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор
 0000-0002-0328-3101. E-mail: dm21225602[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Фокин А. А., 2024

Аннотация. Вступительная статья, предвещающая публикацию переводов с монгольского языка 8, 12 и 13-й повестей «Сиддиту Кюр», нацелена не только на привлечение внимания к имени писателя И. Д. Сургучёва, его деятельности как востоковеда и переводчика, но и к истории переводческих, исследовательских практик в одном из старейших университетов нашей страны — Санкт-Петербургском университете. Переводы сказок предложены в авторской редакции переводчика с параллельным комментарием перевода отдельных фрагментов фольклорных источников с калмыцкого языка. В статье предлагается краткий биографический экскурс в период становления И. Д. Сургучёва-востоковеда, указываются имена ученых и педагогов, оказавших на него непосредственное влияние, приводятся их основные научные и учебно-методические труды, оставившие наиболее глубокий след в мировоззрении писателя. Исходя из анализа рукописи И. Д. Сургучёва, других источников его наследия, обосновывается его оценка «Сиддиту Кюр» в художественном и научном планах.

Ключевые слова: И. Сургучёв, «Сиддиту Кюр», фольклор, монгольский язык, калмыцкий язык, востоковедение

Для цитирования: Фокин А. А. Сказки «Сиддиту Кюр» в переводе Ильи Сургучёва // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 161–181. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-161-181

Tales of «Sidditu Kyur» Translated by Ilya Surguchev

*Aleksandr A. Fokin*¹

¹ Stavropol State Pedagogical Institute (417A, Lenin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-0328-3101. E-mail: dm21225602[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Fokin A. A., 2024

Abstract. The introductory article preceding the publication of translations from Mongolian of the 8th, 12th and 13th stories of “Sidditu Kyur” is aimed not only at drawing attention to the name of the writer Ilya Surguchev, his activities as orientalist and translator, but also to the history of the translation and the research practices at one of the oldest universities in our country — St. Petersburg University. The translations of fairy tales are offered in the author’s version of the translator with a parallel commentary on the translation of individual fragments of folklore sources from the Kalmyk language. The article offers a brief biographical excursion into the period of formation of Ilya Surguchev as orientalist, indicates the names of scientists and teachers who directly influenced him, cites their main scientific and educational-methodical works, which left the deepest mark on the writer’s worldview. Based on the analysis of Ilya Surguchev’s manuscript and other sources of his legacy, his assessment of “Sidditu Kyur” in artistic and scientific terms is substantiated.

Keywords: I. Surguchev, “Sidditu Kyur”, folklore, Mongolian language, Kalmyk language, oriental studies

For citation: Fokin A. A. Tales of “Sidditu Kyur” Translated by Ilya Surguchev. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2024; (4): 161–181. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-161-181

1. Введение

Калмыцкая тема в произведениях Ильи Дмитриевича Сургучёва (1881–1956) уже становилась предметом ряда исследований [Фокин 2005; Фокин 2006; Ханинова 2006; Нутрихин, Фокин 2008; Нутрихин, Фокин 2010; Фокин 2013]. Однако обращение к истокам ее появления, выявленным благодаря обнаруженным архив-

ным документам и открывшимся фактам творческой биографии писателя, предполагает их новое прочтение, с учетом интертекстуальных связей с фольклором и литературой, общими для народов монгольской языковой семьи.

Мировоззрение И. Д. Сургучёва с самого детства формировалось под влиянием православия. Он получил духовное образование, сначала закончив Ставропольское духовное училище, а затем Ставропольскую духовную семинарию. Безусловно, этот путь был предопределен традиционными ценностями семейного воспитания, авторитетом родителей, благодаря которым формировалось понимание того, что воцерковление позволит постичь идеи надмирного, почувствовать и понять суть высших начал и определять ими свои шаги в жизни. Духовное образование, пожалуй, главный источник творчества И. Д. Сургучёва-писателя, позволивший стать ему воистину одним из православных маяков русской литературы первой половины XX в.

2. Формирование И. Д. Сургучёва-востоковеда

Духовными наставниками И. Д. Сургучёва в семинарии были в большинстве своем известные в России и за ее пределами люди: Николай Платонович Малиновский, по книге которого «Православное догматическое богословие» [Малиновский 1895–1909] и по сей день учатся семинаристы, церковный писатель и библиист Дмитрий Петрович Афанасьев, композитор и «король регентов» Василий Дмитриевич Бенецкий и др. Во многом благодаря влиянию семинарских педагогов И. Д. Сургучёв всегда оставался верным сыном своей духовной школы, поборником литургического православия и в жизни, и в творчестве: «Я веровал и верую так, как веровали наши православные отцы и деды, — и больше ничего не хочу знать!..» [Клименко 2017: 415].

Тем не менее иные знания, а именно рост интереса к Востоку среди русского духовенства и культурной элиты конца XIX – начала XX вв., обусловили несправедливый интерес И. Д. Сургучёва к восточной философии и литературе, китайскому и монгольскому языкам. По окончании семинарии в августе 1901 г. Илья Сургучёв был зачислен в число студентов на китайско-маньчжуро-монгольский разряд факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета.

Вот как вспоминает И. Д. Сургучёв свою первую встречу с Виктором Романовичем Розеном, известным русским востоковедом, академиком Петербургской Академии наук, служившим с 1893 г. деканом факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета:

— Вы чего это к нам на факультет? Имейте в виду, что это — самый трудный факультет мира. Почти никто не выдерживает. Все уходят. Предупреждаю вас об этом, чтобы вы зря не теряли времени. Потом все равно сбежите или на юридический, или на филологический.

Это первое, что с какой-то непонятной враждебностью сообщил мне барон Розен. Я молчал.

— Что вас прельщает? Служба по дипломатическому ведомству?

Я хотел сказать, что меня прельщает прочесть в подлиннике Конфуция и Мен-Цзы или, по-монгольски, катехизис «Тонилхуйн-Чимек», о таинственности которого я много слышал у себя в губернии от калмыцких лам Большедербетовского улуса, но каким-то отдаленным чутьем я понял, что это приведет в недоумение веселого профессорского генерала и что разговор о службе, карьере, большом жаловании ему будет понятнее и ближе, и я ответил:

— Да, хочу служить по дипломатическому ведомству [Сургучёв 2016: 115–116].

Действительно, факультет был трудный, он считался первым в Европе, а количественно, по воспоминаниям современников, — самым маленьким в университете: «Уж очень труден для грызни камень его наук. На всех шести отделениях факультета студентов человек пятьдесят» [Сургучёв 2016: 115]. Отделение монголоведения располагалось тогда на третьем, самом верхнем этаже здания университета, было немногочисленно относительно находившихся ниже шумных, суетливых аудиторий юридического факультета. Предстояло изучить китайский язык и историю китайской литературы, курс истории Китая, маньчжурский язык и историю маньчжурской литературы, монгольский язык и историю монгольской литературы, освоить калмыцкое наречие, общие курсы истории Востока и истории восточной части Средней Азии, курсы по русскому государственному праву, международному праву, политиче-

ской экономии, а также французский язык [ЦГИА. Ф. 14. Оп. 22. Д. 69. Л. 167]. Тихая размеренно-спокойная атмосфера восточного факультета была для Ильи Сургучёва родной. Она чем-то напоминала провинциальный город, в сравнении с шумной столицей, учебу в семинарии, где через многократные повторения священных песнопений и писаний осваивались древние языки — древнегреческий, латынь, старославянский.

И. Д. Сургучёв с легкостью овладевал языками. Переводил на монгольский и китайский русские народные песни, а потом, как скороговорки, повторял их, чтобы упражняться в устной речи, или пел. Уже ко второму курсу в подлиннике читал доступные в России философские труды и произведения литературы. «Эти вертикальные строки, — вспоминал он, — то иероглифов, то клинообразных надписей сначала тянули к себе грамматически, а потом из них начинали просачиваться какие-то странные и таинственные духовные испарения, действовавшие на ум и сердце. Это было очаровательно и захватывающе» [Сургучёв 2010: 290–291].

Чаще других из преподавателей университета в дневниках и других мемуарных записях И. Д. Сургучёва упоминаются Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский, один из известнейших русских литературоведов и лингвистов, основоположник психологического направления в филологической науке, и Куэ (Гуй) Фан — преподаватель китайского языка и его диалектов, автор учебника «Первоначальный учебник китайского разговорного языка с указанием интонации и ударения» [Куэ-Фан 1904], служивший сотрудником китайского посольства в Санкт-Петербурге и лектором на кафедре китайской словесности университета.

И. Д. Сургучёв вспоминал, как почтенный Куэ Фан вежливо и снисходительно отвечал на вопрос студентов о том, почему Китай противится введению европейской культуры:

Я очень, очень прошу простить мое грубое мнение, но мне смеет казаться, что у вас, в Европе, культуры теперь нет. У вас есть телеграфы, телефоны, автомобили, железные дороги — но у вас нет почитания старших, у вас нет культа предков. Мы предпочитаем возить рис на верблюдах: он так же вкусен, как и привезенный на паровозе. И потом: письма, идущие месяц, «вкуснее», чем

письма, покрывающие то же расстояние в один день. Уверяю вас, простите меня, пожалуйста, многоуважаемые господа студенты [Сургучёв 2016: 173].

Как вспоминал Н. К. Клименко, из пятидесяти поступивших на восточное отделение студентов закончили курс в 1908 г. только два, и одним из них был Илья Сургучёв. И ему, выпускнику университета с дипломом I степени, было предложено место на кафедре, а также в главном интендантском управлении военного министерства, о чем свидетельствует секретная записка на имя ректора университета от 8 ноября 1908 г. [ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 38941. Л. 2–2об.]. И все же стать ученым-синологом или дипломатом И. Д. Сургучёву не довелось. Тем не менее он гордился своей редкой специальностью. Иногда любил козырнуть познаниями в области восточной философии и литературы. Обращаясь к теме Востока, в своих произведениях старался показать глубину своих знаний, непрязный интерес к культуре Китая, даже подчеркивал ее превосходство над европейской:

Как мы далеки от мира и как чужды и странны ему! Эта запрещенность и отрешенность от подлинного, божеского, творческого мира — страшна и непонятна. Если какая-нибудь нежданная бомба разорвала бы мой дом и все разлетелось бы вдребезги — мне было бы жаль одного: перевода, который, вот уж двадцать лет, я делаю с китайского языка. Я когда-то выучился ему в петербургском университете. Перевожу китайский роман, которого никто в Европе не знает и который так же очарователен и свеж, как вот эта струйка ветра, прилетевшая, быть может, из Рима. Кто написал этот роман — неизвестно: китайские беллетристы никогда не открывают своих имен. Они не гонятся ни за деньгами, ни за славой, — и разве это мы, суетливые европейцы, можем понять? Не можем понять. Это бескорыстие для нас непостижимо, как непостижима субстанция ветра. Человек написал роман, тайком, как ребенка, подкинул его в типографию и канул в воду. Постижимо? Непостижимо [Сургучёв 2016: 172].

В дневниках писателя есть еще одно важное для понимания глубины постижения Востока воспоминание о годах учебы в университете: «Во время каникул я обыкновенно жил среди калмыков в Большедербетовском улусе, Ставропольской губернии. Однажды

я там, у одного гелюна, очень милого, умного и большого чахоткой, нашел три сказки, в конце учебы впервые мною переведенные и опубликованные. Там описывалась красота женщины: „Была темная ночь и вот красавица вышла на крыльцо своего дома. И когда посмотрела налево, то сразу стали видны сандаловые леса, а когда посмотрела направо, — то все девушки и женщины той стороны проснулись и принялись за работы, сказав: «Встало солнце»“» [Сургучёв 2024: 134].

Публикацию упоминаемых переводов сказок обнаружить пока не удалось. Однако в личном деле студента факультета Восточных языков Ильи Сургучёва, хранящемся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, чудом сохранилась рукопись его перевода с монгольского языка 8, 12 и 13-й повестей «Сиддиту Кюр», с параллельным комментарием перевода этих же повестей с калмыцкого языка [ЦГИА. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1546. Л. 3–37об.]. Датируется эта рукопись 18 января 1907 г. [ЦГИА. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1546].

3. Сказки «Сиддиту Кюр» в переводе И. Д. Сургучева

Перевод сказок с монгольского языка выполнен И. Д. Сургучёвым по «Монгольской хрестоматии» О. М. Ковалевского [Ковалевский 1836], а при сопоставительном комментировании использовано литографское издание «Сиддиту Кюр» на старокалмыцком языке К. Ф. Голстунским [Голстунский 1864].

Разночтения в монгольском и калмыцком вариантах отдельных фраз, фрагментов выделены в тексте курсивом, а их перевод с калмыцкого языка дан в примечаниях.

Илья СУРГУЧЁВ

Сказки «Сиддиту Кюр»

Подготовка текста и публикация: Александр Фокин

Повесть о художнике Ананде и о плотнике Ананде

В глубокой древности в народе по имени *Хуттал Тогусуксон Хусель*¹ был хан по имени *Хамуги Багулукчи*². После его смерти на

¹ В калм. тексте государство называется Бюкюн Кюсэчи.

² В калм. тексте хана звали Бюкюни Гэйгулукчи

ханский престол вступил сын его по имени Хамуги Тэтхукчи¹. Среди его народа были художник, называвшийся Анандой, и плотник, называвшийся Анандой².

Вследствие того, что между ними обоими происходила крупная взаимная вражда, то художник Ананда, отправившись в одно (прекрасное) время к хану, доложил ему: «Я сегодня возвратился из местопребывания отца твоего. Хан, отец твой³, возродился среди тэнгриев⁴. Когда он сказал мне идти к нему, то я, по приказанию, отправился. Невообразима сила и могущество его! Вот это — письмо, данное (присланное) тебе отцом твоим!». И с этими словами подал (письмо).

Когда он (хан) посмотрел содержание его, то вот что было сказано сыну Хамуги Тэтхукчи⁵: «После того как я переменял жизнь, я возродился среди тэнгриев и живу теперь в полном довольстве. Вследствие того, что здесь необходимо⁶ построить монастырь, а так как плотника здесь не достать, то пришли плотника моего, Ананду. Художник знает способ посылания на верх».

Когда он подал хану-сыну поддельное письмо, говорившее это, хан, прочитав его, сказал: «Если мой отец существует таким образом, то (это) очень хорошо», — и приказал плотнику прийти⁷. Когда тот явился, то хан сказал следующее: «Хан, отец мой, пребывает в царстве тэнгриев. Так как (ему) необходимо выстроить (там) монастырь, то он сказал (мне): «Пришли ко мне плотника»».

И, когда (хан) показал письмо, то тот (плотник), посмотрев, подумал: «Этого быть не может. Враждебно настроен ко мне только Ананда-художник. Теперь к этому сделаем одну хитрость»⁸.

¹ В калм.: «После смерти его ханом, охраняя и благодетельствуя подданных, сделался сын его по имени Бюкюни Тэдкегчи».

² В калм. тексте их обоих зовут Гюнак.

³ В калм.: «хан, отец Вашей Светлости».

⁴ Тэнгри — небесный дух; верховное божество неба тюркских и монгольских народов.

⁵ В калм. письмо таково: «Посылаю сыну моему Бюкюни Тэдкегчи...».

⁶ В калм.: здесь необходимо.

⁷ В калм.: «Приказал слуге привести плотника, и тот слуга привел плотника».

⁸ В калм.: «Этого письма не было. Оно подложно злой мыслью художника Гюнака. Поэтому необходимо сделать одну хитрость».

И сказал хану Хамуги Тэтхукчи: «А каким образом надлежит отправиться в царство тэнгриев?» Тот ответил: «Сейчас спросим у художника Ананды».

И когда привели того, спросил, то художник ответил следующее: «*Полив дрова маслом кунжута и посреди них посадив (плотника), и при прочтении разных молитв, когда разгорится огонь, пошли (его) верхом на лошади, (образовавшейся) из дыма*»¹.

Плотник Ананда ответил: «Пусть делается так! Для моего отхождения есть около моего дома засеянное место (поле). Отправлюсь с середины его!». И после взаимного соглашения, дал обещание отправиться, семь раз переночевав после этого (дня).

Вернувшись в свой дом, плотник сказал так своей жене: «Ананда-художник, руководствуясь гневной мыслью, устроил это, и я дал обещание отправиться по истечении семи ночей. Поэтому пустим в ход одну хитрость!». И тотчас прорыл дыру из пола дома до пашни (поля) и закрыл плоским камнем отверстие ее, покрыв землей.

После того, как прошло семь ночей, хан издал такой приказ: «*Наступило (время) послать плотника Ананду в царство тэнгриев. Все подданные, приходите, взяв по одной вязанке топлива и масло кунжута!*»².

После того, как все пришли и навалили на пашне плотника много дров, и, посредине его поместив плотника *с подарками*³, разложили огонь, *издавая различные звуки и голоса*⁴. Когда сделался большой огонь и дым, плотник, забрав свои подарки, ранее вырытой ямой вышел в свой дом. Художник, очень радуясь, показывал на небо своим пальцем, говоря: «*Плотник отошел внутри этого дыма*»⁵. После

¹ В калм.: «Взяв плотника со всеми орудьями (его ремесла) и обложив его дровами, намазанными маслом кунжута, распевая всякими радостными голосами, положить под дрова огонь. Посадив его на лошадь из дыма, пошли».

² В калм. приказ изложен иначе: «Сегодня нужно оправить плотника Гюнака к отцу моему. Все подданные! Приходите, взяв топливо! Приходите, взяв масло кунжута!».

³ В калм.: «с инструментами».

⁴ В калм.: «сопровождая музыкой и песнопениями».

⁵ В калм.: «Когда облака дыма поднимались к небу, то художник Гюнак, глядя на небо и вытягивая палец вверх, говорил: «Он отошел туда в середине дыма».

этого большое собрание разошлось, и все говорили между собой: «Сегодня плотник, умирая, отошел в царство тэнгриев, к хану».

После этого плотник в продолжении одного месяца, не будучи видимым в доме, каждый день мылся молоком и сидел исключительно во тьме. Затем, надевши белую одежду из белой шелковой ткани, подал Хамуг'и Тэтхукчи опять подложное письмо¹: «Будучи здоров и спокоен, ты хорошо (делаешь), что возвышаешь по закону ханского предка. Для постройки здесь храма плотничьи работы исполнены хорошо². Теперь там должно почтить его (предка), доставив (ему) радость. А так как теперь в этом монастыре необходим художник, то пришли немедленно оттуда Ананду, художника. Способ посылания вверх оставить прежним».

Захватив письмо, в котором было сказано так, он явился к хану. Хан, видя его, воскликнул: «Он пришел из царства тэнгриев! Хан, отец мой, пребывает, следовательно, в спокойствии!». Когда плотник, представив подложное письмо, подробно рассказал, как он достиг царства тэнгриев, тогда хан, весьма радуясь, щедро наградил его за это всяким добром. «А теперь в том монастыре немедленно нужен художник³», — и хан приказал привести художника Ананду.

Художник, явившись, лишь только увидел, что тело плотника Ананды сделалось белым, одето в белую одежду и увито разными драгоценностями, подумал: «Что это? Он не умер и пришел?».

Подавая письмо хана-отца, хан изложил (ему) причину, ради которой нужно отправиться в царство тэнгриев. Художник подумал так: «Если я теперь отправлюсь истинным путем, то достигну (царства тэнгриев). Ведь этого же плотника я видел своими собственными глазами и сжигал на огне, держа его своей собственной рукой. Теперь невозможно не отправиться». Подумав о времени⁴ для совер-

¹ В калм.: «написав также подложное письмо, подал сыну Бюкюни Гэйгулукчи слова того письма».

² В калм.: «Плотник Гюнак в моей работе все сделал старательно. Выдайте ему большую награду».

³ В калм.: «А теперь в том монастыре необходимо расписывать храм».

⁴ Мне кажется, что в данном месте слова «урида» и «хойту» употреблены для обозначения понятия времени, а не для обозначения дороги, ранее пройденной плотником, а позже — живописцем, как рекомендует понимать проф. Ковалевский (Хрестоматия, т. 1, стр. 382).

шения пути, он дал обещание отправиться спустя семь ночей. Когда он спросил о способе отправки, то ему сказали: «По-старому».

Спустя семь ночей все пришли, взяв с собой дрова и масло кунжута, и навалили большую кучу их *среди пашни*¹. Что касается художника, то его посадили на верх, снабдив (его) *подарками*², *подносимыми хану*³, письмом и прочим. Подхватывался огонь со всех сторон, *начали издавать звуки и голоса*⁴. Художник, не вытерпев, издавал жалобные стоны (крики), прыгал, но, не будучи услышан за звуками и голосами, сгорел.

Повесть о хане Илагуксан Ойоту

В некоторое время существовало *государство одного благоденствующего народа по имени Цэцэк утчйэр Чимэксэн*⁵. Оно было наполнено внутри сандаловыми деревьями, деревьями бессмертия, виноградными и различными другими, пашнями, дававшими хлеб разных сортов, медленными текучими реками, и по середине (всего) такого был дворец, называвшийся *Алтан Тягультян*⁶, окруженный снаружи городами. В нем жил хан по имени *Илагуксан Ойоту*⁷.

Среди народа этого хана жил человек, именовавшийся светлым мудрецом. Однажды тот хан отдал такой приказ ему через своего слугу: «Если ты справедливо называешься светлым мудрецом, то укради *талисман моего материального духа*⁸. Если ты сумеешь действительно взять его, то я дам (талисман) щедрый подороже. А в случае, если не сумеешь, то я, отняв твой дом и землю, вырву (тебе) глаза».

Хотя тот и не признал справедливым (это требование), но дал обещание совершить воровство в пятнадцатую ночь и ушел.

¹ В калм.: «посреди пашни художника».

² В калм.: «принадлежностями (его ремесла)».

³ В калм.: «сказали: „Повидайся с ханом Бюкюн Гойгулукчи“».

⁴ В калм.: «завучала музыка и песнопения».

⁵ В калм.: «государство, весьма процветающее, по имени Цэцэк йэр Чимэксэн».

⁶ В калм.: «Алтату».

⁷ В калм.: «Эркэшиксэн Нилха Ойоту».

⁸ В калм.: «сумей украсть драгоценность, камень моей жизни и счастья».

После этого хан, прикрепив камень к столбу, не открывал дверей и оберегал его, приказав особым караульным стеречь всевозможными способами, по очереди. После этого Г. О. (так в тексте. — А. Ф.) вечером пятнадцатой ночи отправился, *взяв вкусной водки из очень густого риса*¹, и угостил ею сторожей, ездивших на ханских лошадях. Он напоил их пьяными, говоря: «Теперь я не в состоянии взять камень», убеждал не слушать хана. Затем, взяв сухую брюшину, шапку из соломы и три камня, находящихся в воде, и, когда в полночь добрался до дворца, *то привратники, сидя на лошадях, спали*². Сняв их, по одному, с лошадей, он посадил их верхом на стену.

Затем, когда он *проник внутрь*³, то на кухне, не снимая одежды и склонившись к горевшему огню, спали служанки. На голову (служанке), находившейся близ того огня, он надел соломенную шляпу. А в руку (служанки), находившейся около той, он всунул круглые камни. Затем, войдя в спальню, он на голову спавшего хана надел сухую брюшину. Все люди, окружавшие то место, где на столбе находился сияющий талисман, летали (спали). Связав их волосы, сняв со столба тот камень и прыгнув с лестницы⁴, он убежал. В это время понесся отовсюду крик: «Вор пришел!», «Не тяни меня за косу!», «Не тяни меня», и все, скатившись, в одном месте сидели. Что же касается хана, то он кричал: «Голова моя стала суше, чем камень!». А когда кричали: «Служанки, зажгите огонь!», то одна служанка, вследствие того, что раздувала огонь и он попал ей на соломенную шляпу, подожгла (себе) голову. Когда же другая служанка ударила ее рукавом, то камни выскочив, нанесли ей три раны. Вместо того, чтобы бежать за вором, они начали ругаться. После этого, когда закричали: «Всадники! Вор вышел! Догоняйте его скорее!», но всадники, сидевшие верхом на стене, вследствие опьянения водкой, ничего в ответ не сделали.

¹ В калм.: «взяв весьма крепкой виноградной водки и подсев близко к сторожам».

² В калм.: «верховые» и добавлено: «спали, храпя очень сильно».

³ В калм.: «когда он вошел в дом, то близ двери, склонившись в изнеможении к очагу, сняв свою одежду и сидя с зажженным огнем, слева — еще (люди). Осторожно человеку с огнем он надел на голову шапку из травы, и в рукав (человека, лежавшего около него), он вложил три камня из воды».

⁴ В калм.: «спустился по лестнице».

После этого тот, взяв камень и пришедши в свой дом, переночевал, а на следующий день, захватив талисман, явился к хану, который находился в раздраженном состоянии. Г. О. сказал ему следующее: «Хан! Не гневайся! Бери назад камень!». Хан ответил: «Сделай из камня что-нибудь нужное (тебе). Что же касается другого средства в эту ночь, то неужели ты не мог поступить правильно? Вследствие того, что ты надел на мою голову брюшину, я испугался, думая, что голова моя высохла (облысела). Вследствие такого безобразия, *забрать теперь этого человека в суд, отрубить ему голову¹!*».

Когда хан издал такой приказ, Г. О. подумал: «Что теперь делать? Хан хорошего мне не сделает», — и, подняв талисман, разбил его о камень. Хан тогда, истекши кровью из носа, умер².

Повесть о сыне брамина

В некоторое старинное время в одном отдаленном народе жил сын брамина. Он продал за штуки сукна свою пашню и, пока, навьючив (их) на ослика, отправился в другую страну, *то на пути³* (увидел, как) много ребят, поймав мышь и привязав (ее) за шею ниткой, погружают (ее) в воду, волочат и мучают другими способами.

В это время, пожалев ее и не будучи в состоянии вытерпеть, он сказал: «Ах, ребятки! Это великий грех! Пустите ее!».

Дети ответили ему следующее: «Мы поймали ее, нуждаясь в ней (для забавы)». А какой ты, братец, забавник. Он, сказав: «Если так, то я заплачу вам», — дал одну штуку своего сукна и, взяв мышь, *отпустил (ее)⁴*.

Когда он опять пошел, то на распутье (увидел, как) много ребят, поймав детеныша обезьяны, играют (с ним), а так как он не мог (играть), то бьют его палкой, заставляя вертеться. Сжалившись, он

¹ В калм: «Взявши тебя в судебное место, необходимо наказать».

² В калм.: «Из уст славного хана Амугулаюг Эдлекчи вышли слова: «Легкомысленно (поступил)». Слова из уст хана вышли без предопределения, оставив (труп) и ответив. Из сказок мудрого трупа эта сказка двенадцатая».

³ В калм.: «Когда он достиг перекрестка какой-то дороги».

⁴ В калм.: «пустил ее в отверстие строения».

сказал: «Оставьте!». Но так как (ребята) не оставили (забавы), то он дал опять штуку сукна и, купив обезьяну, взял ее и пустил в лес.

Когда тот (увидел, как) при устье одного ручья много ребят, поймав медвежонка, мучают его, езда (на нем) верхом *и проч.*¹, тогда, сжалившись и не вытерпев, дал одну штуку своего сукна и, взяв медвежонка, пустил (его) в лес.

Тогда тот человек, оставшись без сукна, погоняя ослика и следуя за ним, думал так: «Я отправился торговать, а так как (теперь) у меня нет имущества, то что же делать? Забравшись в ханский дворец, украду-ка я что-нибудь!».

Привязав своего ослика в загон, он проникнул украдкой в ханский дворец и, ставив из дворцовых хранилищ *много шелковых материй и лент*², в то время, как подходил к дверям, встретился с женой хана. Она закричала: «*Ай! Во дворец проник вор! Кто это?*»³. Люди, сбежавшись задержали (его). Хан постановил следующее: «Положить этого вора в деревянный ящик и, *оковавши железом, бросить в воду!*»⁴.

Сделав таким образом, бросили в воду. Подхваченный этой водой, он остановился на острове и умирал, так как дыхание (у него) спиралось. В это время снаружи кто-то скреб и, когда сделалась маленькая дырка, он *посмотрел*⁵, и увидел, что это — мышь, когда-то за (его) сукно опущенная на волю. Мышь сказала следующее: «Не кручинься! *Я приду, взяв (с собой) других двух друзей*»⁶. Получив таким образом приток воздуха, он не умер. А мышь, отправившись к обезьяне, рассказала о происшествии. Тогда обезьяна, пришла и *сломила крышку ящика*⁷, а затем явился медведь и, сломав ящик, вытащил его на доске. Втроем они питали его древесными плодами и проч. Питаясь, и не будучи в состоянии переправиться через воду, тот человек пребывал там. Раз ночью медведь показал

¹ В калм. кроме этого еще: «били его по голове».

² В калм.: «кипу шелка».

³ В калм.: «Ай, этот человек украл (что-то) из дворца».

⁴ В калм.: «... укрепить железными гвоздями и бросить в большую реку».

⁵ В калм.: «заставил себя посмотреть».

⁶ В калм.: «Я пойду и скажу двум другим друзьям: „Приходите!“».

⁷ В калм.: «вытащила большую часть гвоздей ящика».

обезьяне, что на равнине по ту сторону воды есть очень большое сияние, и когда послал (ее), то она нашла там сокровище (чиндамани) величиной с птичье яйцо. Взяв его, она отдала сыну брамина. Вследствие того, что он выразил желание достичь противоположной стороны этой реки, он переправился через воду и заснул, произнося пожелание: «Пусть посреди той долины будет *дворец*¹, окруженный строениями, конюшнями; пусть растут различные деревья; пусть протекают святые источники. А что касается внутренних (дворца), то пусть он будет *наполнен необходимым имуществом*»².

Когда он открыл глаза, то было так. Однажды, в то время, как он наслаждался там, *проезжал (мимо) великий купец, начальник каравана*³, и, будучи удивлен, говорил: «Что же это такое? В то время, как раньше здесь была пустая степь, теперь это такое удивление!».

Когда он пришел к этому брамину, он сел, тот рассказал ему об обстоятельствах (которые с ним приключились) и средстве (благодаря которому он приобрел все то, что увидел купец) и лишь тогда показал чиндамани, то начальник каравана сказал следующее: «У тебя все сполна есть. Ты ведь удовлетворен им. Я отдам тебе все это бессчетное навьюченное и оседланное, а ты дай мне то чиндамани»⁴.

После этого он отдал купцу чиндамани, удовлетворяющее желание. Когда же брамин лег (спать) на шелковом ковре, то *лишь только он проснулся на следующее утро*⁵, как ничего (уже) не было: ни имущества, ни дома, и он по-прежнему сидел на траве, находящейся на полуострове, (на котором он был) раньше. Он был огорчен, и тогда три друга, пришедши, спросили: «Что случилось?». А когда он рассказал о причине, то (они сказали): «*Ты неосторожный человек! Каким образом ты отдал чиндамани*»⁶. Теперь мы троим пойдем и попытаемся обратно взять его», — и

¹ В калм.: «дом, наполненный разными украшениями».

² В калм. тексте это пожелание названо «обширным».

³ В калм.: «проезжало мимо много купцов».

⁴ В калм. добавлено: «Тот ответил: «Ладно», — и отдал».

⁵ В калм.: «(почувствовал), что подстилка сделалась жесткой».

⁶ В калм.: «Ты поступил легкомысленно, бесхарактерно. Куда ушел человек, взявший чиндамани?..».

ушли¹. Когда пришли туда, то тот главный купец жил исполненный силы, могущества и всякого имущества².

Медведь и обезьяна не пролезли в отверстие ворот. Когда послали мышь узнать, где находится чиндамани, то она, проникнув через отверстие ворот, (увидела), что *главный купец спал внутри дома, наполненного великолепными украшениями*³. В почетном месте того дома, во середину много насыпанного риса, была воткнута стрела. На конце стрелы было привязано чиндамани.

Вследствие того, что у основания ссыпанного риса находились две большие кошки, она не могла подойти и, возвратившись к двум друзьям, сказала (им) причину. Медведь сказал: «Теперь средства нет, возвратимся!». Обезьяна сказала *следующее*⁴: «Если так, то у меня есть одно средство. Ты, мышь, иди в этот вечер и раскуси косу купца. Если ты так сделаешь, то в завтрашний вечер пробежишь прямо перед подушками кошек. Если так, то мы украдем чиндамани». Когда она раскусила таким образом косу, то, когда на следующее утро главный купец проснулся и поднял вверх голову, то все волосы упали. Когда голова сделалась легкой, (у него) зародилось сомнение и он сказал: «В эту ночь мышь отгрызла мне косу. Для сохранения оставшихся волос нужно привязать за ножку моего стола пару кошек».

В этот вечер медведь и обезьяна ожидали у ворот. Когда мышь была (снова) послана, чтобы украсть чиндамани, то, пришедши, она обрадовалась, так как у основания риса не было кошек. Когда она прыгнула, чтобы взять чиндамани, то, не допрыгнув до острия стрелы, возвратилась ни с чем. Медведь сказал: «теперь средства нет, возвратимся!». Но обезьяна сказала: «Есть одно средство. Снова отправившись, если не сумеешь взобраться на стрелу, то разгребь (если разгребешь) рис, в котором находится основание стрелы, тогда стрела упадет и упадет чиндамани. Тогда возвращайся».

Мышь, сделав так, выбросила чиндамани во двор, а когда из двора дошла до ворот, то не могла взять (поднять) его вверх. *Вы-*

¹ В калм.: «отправились в погоню».

² В калм.: «исполненный имущества, счастья и благополучия».

³ В калм.: «Внутри роскошно убранного дома сидел князь купцов».

⁴ В калм.: «Не хорошо мне возвращаться!»

*шедши наружу*¹, она сказала: «Я донесла (его) в середину отверстия, но не могла через это (отверстие) вынести (его) наружу». Медведь сказал: «Обезьяна, мы оба не поместимся в дыре. Средства теперь нет, возвратимся!». Обезьяна ответила: «У меня есть средство!». И, привязав мышь за хвост ниткой, (распорядилась): «Теперь ты, мышь, *старательно обхвати своими лапами чиндамани*², а я потяну за нитку. Когда потянули таким приемом, то (действительно) подняли мышь вместе с чиндамани. Мышь устала. Обезьяна, сев верхом на медведя, вложила мышь в свое ухо, а сама взяла в рот чиндамани, и быстро поехали.

Во время пути, когда переправлялись через воду, *глубиной по колено*³, медведю взбрели в голову такие мысли: «Вследствие того, что я несу на спине и обезьяну, и мышь, и чиндамани, то (значит) я обладаю большою силой». Когда же он сказал: «Я не имею силы (устал)». То мышь, уставши, спала, а обезьяна подумала: «Если сказать (ему) ответ, то, пожалуй, потеряешь чиндамани». И в то время, как не отвечала, медведь, рассердившись, что (никто) из двоих не отвечает, *сказал*⁴: «Я опрокину вас в воду». Но только обезьяна ответила: «Не опрокидывай!», — как чиндамани, находившееся во рту, упало в воду.

Вышедши на берег после этого, она журила медведя: «*Ты существо, обладающее дурными качествами*»⁵. А когда мышь, услышав ссору, спросила: «Что случилось?» и ей ответили: «Вот это», она сказала: «*Как же теперь быть?*»⁶. Медведь и обезьяна сказали ей с сожалением: «достать чиндамани из воды невозможно, возвратимся!». Мышь ответила: «А я (все-таки) попробую взять (его) одним способом. *Вы вдвоем сядьте там!*»⁷. И начала бегать по берегу речки взад и вперед, издавая звуки «чист-чист». Тогда существа, находящиеся в воде, выйдя, спросили: «Эй, мышь, зачем

¹ В калм.: «Возвратившись в усталости».

² В калм.: «захвати камень четырьмя лапами».

³ В калм.: «глубиной по бедро».

⁴ В калм.: «За то, что вы не отвечаете!»

⁵ В калм.: «Ты, медведь, ничего не понимаешь».

⁶ В калм.: «Теперь успокойтесь».

⁷ В калм.: «Вы оба будьте на берегу».

ты это делаешь?». Мышь ответила: «Разве вы не слышали? Идет *войско*¹, не задерживаемое ни землей, ни водой». «Но если так, то что хорошее можно предпринять против этой неприятности?» — спросили существа. «Другого, — сказала мышь, — средства нет: (нужно) построить *стену*² между водой и землей, тогда будет хорошо». Все существа, находящиеся в воде, тотчас же согласились и начали носить камни и грязь. Мышь же строила в два ряда стену, и вот, когда сделала (уже) ее вышиной в одну четверть, какая-то большая лягушка приползла, притащив чиндамани, и сказала: «Среди камней нет камня тяжелее этого». Тотчас же мышь позвала обезьяну и сказала: «Чиндамани здесь!». Обезьяна, очень обрадовавшись, похвалила ее: «Умная мышь!» — и, взяв чиндамани в рот, положила мышь к себе в ухо, села верхом на медведя, и (все) отравились (в путь).

Когда они пришли, то сын брамина умирал с голоду. А когда обезьяна подала ему чиндамани, он сказал: «Друзья мои! Вы оказали (мне) большое благодеяние». И, войдя к воде, произнес по-прежнему молитву с пожеланием, и явился дом лучше ханского дворца, невообразимо многочисленный народ, различного рода деревья с фруктовыми плодами, сад, испещренный различными вечными цветами, различного рода голосистые птицы распевали песни, вкусные плоды³. Когда он (снова) был одарен всяким имуществом, то еще раз попросил у чиндамани: «Если ты, чиндамани, истинно, то, так как у меня не жены, то соблаговоли сделать моей супругой дочь Эсрук из царства тенгриев». Лишь только он это сказал, (как сейчас же) пришла дочь тенгрия с неисчислимыми подругами. Проживая с нею во взаимной радости, он имел от нее, соответственно мысли (желанию), сто сыновей⁴.

¹ В калм.: «многочисленный враг».

² В калм.: «крепкое здание». И кроме того добавлены слова мыши: «Вы все, обитающие в воде существа, несите камни, а я выстрою здание».

³ В калм. добавлено: «Зиме даже имени не было. Блаженство было полное и совершенное. Какое бы пожелание он ни выразил чиндамани, все исполняется».

⁴ В калм. добавлено: «Когда мудрый труп окончил сказку, то славный хан Амугулаюг Эдлекчи так сказал: «Этот человек счастлив благодаря своей великой доброте!» и улетел на небо от святого учителя Наганжуны.

Из поучений учителя Наганжуны: «Сын хан! Ты не порочен ни в ко-

4. Выводы

В кратком предисловии к переводам их автор указывает, что «Сиддиту Кюр» представляет собой интерес двоякого рода: художественный и научный. Опираясь, безусловно, на труды и лекции Д. Н. Овсяннико-Куликовского, переводчик видит художественную ценность этих сказок, как вообще всяких народных сказок, «в стихийном, в теориях литературы именуемом почему-то бессознательным, народном творчестве, которое творит, не заботясь ни о будущем своих творений, ни о сборниках, ни о рецензиях. Плоды этого творчества сначала устно, а потом и письменно хранятся в недрах самого народа, передаваясь из поколения в поколение» [ЦГИА. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1546. Л. 1–1об.]. Ценность «Сиддиту Кюр» в научном отношении он усматривает в их распространении, «первоначально как результат индийского творчества в Азии — буддизмом, в Европе — аравитянами и персами, и отражении их сюжетов и мотивов в эпосе других народов, которым они становятся известны, в частности, в эпосе русском» [ЦГИА. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1546. Л. 2].

И. Д. Сургучёв отмечает, что «Сиддиту Кюр» как рукописное произведение стало известно благодаря российскому переводчику и филологу Густаву фон Бергманну, который в 1804 г. опубликовал его в монгольской редакции. В России первым три сказки напечатал один из основателей отечественного научного монголоведения профессор О. М. Ковалевский. Переводчик упоминает также научную дискуссию по поводу «Сиддиту Кюр» между немецким филологом Б. Юльгом и российским монголоведом, профессором Санкт-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. При этом автор предисловия подчеркивает, что его перевод сказок «Сиддиту Кюр» является «посильным разрешением филологической задачи, и только» [ЦГИА. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1546. Л. 2–2об.].

Соглашаясь с писателем, сегодня можно добавить, уже без реверанса в сторону художественной, историко-литературной и теоретико-литературной ценности и значимости «Сиддиту Кюр», что
стях, ни в сердце. Ни один из сыновей Узамбидита не сделался истинно счастливым. В следствие того, что ты 13 раз носил на спине мудрый труп, то в этой жизни ты получишь силу и наслаждение, и ты будешь один, с которым никто другой не сравнится».

«Из сказок мудрого трупа эта сказка тринадцатая».

и данный перевод И. Д. Сургучёва, пусть и студенческий, учебный перевод, также имеет свою ценность и историческую, и филологическую, и педагогическую.

Источники

- Голстунский 1864 — *Голстунский К. Ф.* Убаши хун-тайджийн туджи, народная калмыцкая поэма Джангара и Сидиту-кюрийн-тули, изданные на калмыцком языке. СПб.: Литогр. Иконникова, 1864. С. 8–74.
- Ковалевский 1836 — *Ковалевский О. М.* Монгольская хрестоматия. Т. 1. Казань: Тип. Казанского университета, 1836. С. 72–78.
- Куэ-Фан 1904 — *Куэ-Фан.* Первоначальный учебник китайского разговорного языка, с указанием интонации и ударения. СПб.: [б. и.], 1904. 48 с.
- Малиновский 1895–1909 — Православное догматическое богословие / [Соч.] Свящ. Н. П. Малиновского, инспектора Ставропол. духов. семинарии. Ч. 1–2. Харьков: тип. Губ. правл., 1895–1909.
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Литература

- Клименко 2017 — *Клименко Н. К.* Последняя встреча (ко второй годовщине смерти И. Д. Сургучёва) // Сургучёв И. Европейские силуэты / сост. А. Г. Власенко и А. А. Фокин; ред. М. Г. Талалай. СПб.: Полиграф, 2017. С. 412–421.
- Нутрихин, Фокин 2008 — *Нутрихин Р. В., Фокин А. А.* Восточный интертекст в архитектурном и литературном тексте города Ставрополя // V Сургучёвские чтения: «Ставропольский текст» в литературе, истории и науке: Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. А. Фокина. Ставрополь: Ставропольск. гос. ун-т, 2008. С. 164–169.
- Нутрихин, Фокин 2010 — *Нутрихин Р. В., Фокин А. А.* Мистический свет Азии в творчестве Ильи Сургучёва // Теегин герл (= Свет в степи). 2010. № 4. С. 9–17.
- Сургучёв 2016 — *Сургучёв И. Д.* Парижский дневник. 1940–1945 / подгот. текстов, составл., предисл., общ. ред.: А. А. Фокин. Ставрополь: ТоварищЪ, 2016. 310 с.
- Сургучёв 2010 — *Сургучёв И. Д.* Студенческие годы (воспоминания) // VII Сургучёвские чтения: Культура провинции: локальный и глобальный контекст: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. А. Фокина. Ставрополь: Ставропольск. гос. ун-т, 2010. С. 290–299.
- Сургучёв 2024 — *Сургучёв И. Д.* Константинопольский дневник / под-

- гот. текста, коммент. и публ.: А. Фокин // Сибирские огни. 2024. № 8. С. 124–147.
- Фокин 2005 — *Фокин А. А.* Традиции Востока в творчестве И. Д. Сургучёва: калмыцкая тема в пьесе «Реки вавилонские» // Юг России: взаимодействие народов и культур: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. Элиста: Джангар, 2005. С. 120–128.
- Фокин 2006 — *Фокин А. А.* Традиции Востока в творчестве И. Д. Сургучёва // Изменяющаяся Россия — изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI века: сб. науч. трудов. Саратов: СГУ, 2006. С. 133–139.
- Фокин 2013 — *Фокин А. А.* Традиции Востока в пьесе И. Д. Сургучёва «Реки вавилонские» // Диалог культур: национальное и инонациональное в литературе: Мат-лы Всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конф. (г. Элиста, 15 апреля 2013 г.) / отв. ред. Р. М. Ханинова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. С. 60–64.
- Ханинова 2006 — *Ханинова Р. М.* Сновидение как сгущенная смысловая модель в повести Ильи Сургучёва «Черная тетрадь» // III Сургучёвские чтения: Творчество И. Д. Сургучёва в контексте русской литературы XX века: Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (г. Ставрополь, 17–20 октября 2006 г.). Ставрополь: Ставро. кн. изд-во, 2006. С. 143–152.

Картины природного мира в романе И. К. Калашникова «Жестокий век»

*Зоя Александровна Серебрякова¹,
Арюна Владимировна Ринчинова²*

¹ Восточно-Сибирский государственный институт культуры (д. 1, ул. Терешковой, 670031 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор
 0000-0002-7104-8322. E-mail: serebryakovaza[at]mail.ru

² Восточно-Сибирский государственный институт культуры (д. 1, ул. Терешковой, 670031 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент
 0009-0002-1896-4126. E-mail: arrinch[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

©Серебрякова З. А., Ринчинова А. В., 2024

Аннотация. Статья посвящена исследованию картин природы земель монгольских племен XII–XIII вв. в романе писателя И. К. Калашникова «Жестокий век», который явился достижением в масштабах общесоюзной литературы 70-х гг. прошлого века и по-прежнему пользуется любовью читателей. В статье прослеживается связь пейзажа с состоянием внутреннего мира героев, выявляются его характерные черты и основные функции. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью всестороннего анализа художественного мастерства одного из крупнейших отечественных прозаиков второй половины XX в. Исаея Калашникова. Основное внимание большинства литературоведов и критиков привлекает фигура главного героя романа Чингис-хана и разные аспекты отображения автором описываемого им исторического периода. Что касается рассмотрения картин природного мира, то они специально не изучались. Научная новизна исследования состоит в выявлении особенностей созданных автором картин природного мира, причин их достоверности (в том числе любви писателя к родной природе, понимания им менталитета бурят, ощущения общности судьбы этого народа и русских старожилов Бурятии), роли природных реалий в раскрытии характеров героев, анализе мастерства автора и значимо-

сти пейзажа в произведении. В результате доказаны достоверность этих картин, многоликость образов природных реалий, показано художественное мастерство писателя в их отображении, а также роль образов природы в раскрытии внутреннего мира персонажей, органичная включенность пейзажа в целостную картину мира романа.

Ключевые слова: роман, И. К. Калашников, природа, пейзаж, персонаж, монгольские земли, Бурятия

Для цитирования: Серебрякова З. А., Ринчинова А. В. Картины природного мира в романе И. Калашникова «Жестокий век» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 182–195.

DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-182-195

Pictures of the Natural World in I K Kalashnikov's Novel "The Cruel Age"

Zoya A. Serebryakova¹, Aryuna V. Rinchinova²

¹ East Siberia State Institute of Culture (1, Tereshkova St., 670031 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-7104-8322. E-mail: serebryakovaza[at]mail.ru

² East Siberia State Institute of Culture (1, Tereshkova St., 670031 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0009-0002-1896-4126. E-mail: arrinch[at]mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the pictures of the nature of the lands of the Mongolian tribes of the 12th-13th centuries in the novel by the writer I. K. Kalashnikov "The Cruel Age", which was not only an achievement on the scale of all-Union literature of the 1970s, but still enjoys the love of readers. The article traces the connection between the landscape and the state of the characters' inner world, identifying its characteristic features and main functions. The relevance of the research topic is due to the need for a comprehensive analysis of the artistic mastery of one of the largest domestic prose writers of the second half of the 20th century Isay Kalashnikov. The main attention of most literary scholars and critics is drawn to the figure of the main character of the novel, Genghis Khan, and various aspects of the author's depiction of the historical period he describes. As for the consideration of the pictures of the natural world, they have not been specifically studied, which determines

the relevance of the topic. The scientific novelty of the research lies in identifying the features of the pictures of the natural world created by the author, the reasons for their reliability (including the writer's love for his native nature, his understanding of the Buryat mentality, the sense of the common fate of this people and the Russian old-timers of Buryatia), the role of natural realities in revealing the characters' nature, the analysis of the author's skill and the significance of the landscape in the work. As a result, the authenticity of these paintings, the diversity of the images of the natural realities are proven, the writer's artistic skill in displaying them is shown, as well as the role of the nature images in revealing the inner world of the characters, the organic inclusion of the landscape in the holistic picture of the world of the novel.

Keywords: novel, I. K. Kalashnikov, nature, landscape, character, Mongolian lands, Buryatia

For citation: Serebryakova Z. A., Rinchinova A. V. Pictures of the Natural World in I. Kalashnikov's Novel "The Cruel Age". *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2024; (4): 182–195. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-182-195

1. Введение

Самым широко известным творением русского писателя из Бурятии И. К. Калашникова и безусловным достижением отечественной большой прозы является роман «Жестокий век», о котором восторженно отзывались такие признанные писатели-современники автора, как Ю. В. Бондарев, Н. Е. Шундик, А. М. Борщаговский, Н. К. Доризо и др.

Многие аспекты этого романа (концепция личности, образ центрального героя, специфика исторического периода и др.) изучены литературоведением. Мастерство романиста в полной мере проявилось и в создании пейзажа, который, однако, не получил пока достаточно обстоятельного рассмотрения. В связи с этим целью настоящей статьи является анализ картин природного мира земель монгольских племен XII–XIII вв. в данном произведении.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, показать тесную связь И. К. Калашникова с его малой родиной и одним из монгольских этносов, титульным народом Республики Бурятия; во-вторых, проанализировать основные функции пейзажа в романе «Жестокий век»; в-третьих, показать мастерство писателя в создании образов природы, выявить их место в целостной картине мира данного произведения.

2. Место романа «Жестокий век» в творчестве автора и общесоюзной литературе

Все творчество народного писателя Бурятии Исая Калашникова, вершиной которого является исторический роман «Жестокий век» (1978), связано с республикой. Названное повествование — одно из лучших произведений не только региональной большой прозы. Его с полным основанием можно считать достижением в масштабах общесоюзной литературы. Коренные трансформации в укладе жизни нашей страны нисколько не повлияли на высокую оценку романа профессиональным сообществом и читателями. Авторы академического издания, вышедшего в постсоветский период, предсказали ему «большую и долгую жизнь» [История бурятской литературы 1997: 152]. «Жестокий век» по-прежнему активно читают и любят в Монголии.

Несмотря на некоторую географическую дистанцию между локацией других произведений писателя и романа «Жестокий век», а также многие века, разделяющие описываемые в них события, их объединяет один из критериев подлинной художественности — достоверность.

Для обоснования данного утверждения обратимся к анализу созданных писателем в названном романе образов природы обширных земель многочисленных, враждующих между собой монгольских племен XII–XIII вв.

3. Образы природы в романе «Жестокий век»

3.1. Примеры психологического параллелизма

В создании многих образов природы используется принцип психологического параллелизма. Раньше других на страницах повествования появляются двое: молодой воин Чиледу (о социальном статусе которого говорит уже факт отсутствия рядом с ним друзей и родственников на протяжении долгого опасного пути и то, что волы и повозка выпрошены им у хозяина) и просватанная им невеста Оэлун, едущие в кочевье жениха по выжженной зноем бескрайней ковыльной степи. Девушка чувствует опасения спутника по его настороженности, зорким взглядам, которыми он окидывает серо-желтую равнину, приготовленную для обороны оружия. Не располагают к спокойствию такие детали, как понуро идущие в

упряжке волы, сухой шелест ковыля, не покидающая сердце Оэлун тоска, слова жениха о возможной опасности.

Тревога Чиледу не была напрасной: на них напал Есугей из враждебного сородичам Чиледу и известного своей агрессивностью племени, будущий отец главного героя романа Тэмуджина-Чингис-хана, похитил Оэлун и ограбил ее жениха. Здесь пейзаж выступает не только в функции описания места действия, но и передает психологическое состояние героев.

Рассматривая роль сравнений в романе И. К. Калашникова, Д. Г. Филонов на основании суждения нойонов, сравнивших поведение Чиледу в данном конфликте с бегством дикой козы от рыси и суслика от коршуна, делает вывод о его трусости как черте характера [Филонов 2018: 41].

Однако мнения нойонов, желающих лишь унижить Чиледу, недостаточно для такого заключения. Напротив, дальнейшее поведение показывает его мужество, доброту и великодушие. Доминирующая идея писателя в трактовке данного образа состоит в показе всей тяжести доли бесправного, неимущего пастуха чужих стад, сумевшего, тем не менее, во многом преодолеть превратности судьбы и даже помогать окружающим.

Отчаяние Чиледу, безуспешно пытавшегося найти хоть чью-нибудь помощь в попытке вернуть невесту, отражается в тональности пейзажа: проливной дождь и гонимые ветром взлохмаченные тучи. Мотив гонимости (ведь название первой книги романа — «Гонимые») усиливается такой художественной деталью, как уподобление героем собственной судьбы песчинке: «Что может песчинка, гонимая ветром?..». Хотя он и грезит о мести, ощущение безнадежности доминирует в мыслях этого персонажа [Калашников 1985: 35]. Много позже Чиледу сравнивает жизнь бесправных бедняков с гонимым ветром перекасти-полем [Калашников 1985: 179]. Очевидна символичность использованных тропов.

Примером сравнения с составляющими природного мира, помогающего автору ярко и лаконично передать переживания персонажей, является следующий: впервые получив поддержку со стороны сильного соратника — Тогорила, юный Тэмуджин «вбирал в себя его слова, как иссохшая земля капли росы» [Калашников 1985: 99].

Приведенные нами художественные детали пейзажа являются частью природного мира, проистекающими «в конечном счете из общей эстетической ситуации произведения». Точное место в его сюжете определяет их символическое значение [Тюпа 1982: 12].

Аналогично состояние природы при описании бегства хана Тогорила от наступавших врагов: гроза, ливень и черное небо как бы предвещают последующее предательство подданных, покинувших его с горсткой нукеров.

В обоих фрагментах героям противостоят могучие природные стихии, и само огромное степное пространство выступает, по мнению С. И. Гармаевой, как стихия [Гармаева 1997: 98]. Как видим, в приведенных примерах пейзаж органично вписан в концепцию мира, создаваемую прозаиком.

3.2. Многогранность образов степи, леса и гор

Степь в романе И. К. Калашникова предстает во множестве ипостасей. Иногда она может казаться пустой и безжизненной, особенно в восприятии одинокого или переживающего душевное смятение человека. Тогда он ощущает свою несоизмеримость по сравнению с безграничной, бытующей вечно, исполненной величия степью. Такое чувство испытывает накануне своей гибели Есугей.

Побратима, а потом недруга главного героя, мечтающего о вольности племен, Джамуху, в очередной раз разбитого Тэмуджином, угнетают холод и немота пустынной степи, и троп немоты усиливает переживаемое им состояние безнадежности.

Тогорил, вновь поневоле участвующий в противоборстве Джамухи и Тэмуджина, не замечая своих соратников, полностью во власти своих печальных мыслей. Он, похожий на старого ворона, смотрит вдаль, на голубые сопки, плывущие в мареве, и они кажутся ему караваном льдин. Важную роль в данном случае выполняет последняя метафора, подчеркивающая холод одиночества, испытываемого ханом.

В других картинах степи писатель убедительно передает то, что в точной характеристике Г. Д. Гачева творчества других литераторов названо «невидимые силовые линии», «вихревое движение и устремленность» природных сил [Гачев 1988: 69–70].

По мнению М. Д. Данчиновой, в качестве таких линий, названных этим автором связующими, в анализируемом романе выступают, кроме святых мест, также дождь, тепло нагретой земли и горы [Данчинова 1996: 128].

Такой элемент поэтики, как горы, так же вариативен, как и степь. Это и сопки, окружающие курени, где проходит детство персонажей, и прогретые солнцем косогоры, устланные мягкой хвоей, сквозь которую желтеют маслята, и крутые берега водоемов, и пригорки, скрывающие их от незнакомцев и недругов.

Величественна картина заката в кочевьях миролюбивых хоритуматов: «Освещенными оставались только вершины гор... небо было сначала золотисто-розовым, краски медленно выгорали, розовый цвет густел, вскоре он превратился в малиновый, а потом и в красный... Из-за гор выползала луна. Белый свет залил тихие леса...» [Калашников 1985: 367].

Собственная жизнь кажется главному герою подобной скалистой круче, на которую он пытается взобраться и с которой, когда уже близка вершина, все время срывается, а собранный им огромный улус видится горой песка. «Подымется буря — бугорка не останется» [Калашников 1985: 483].

Примером силовых линий, протянувшихся между землей и небом, а также подобных вихрю очертаний увалов является описание места одной из битв: «... насколько хватало глаз тянулись пологие увалы. Зеленовато-серые вблизи, увалы, отдаваясь, словно бы наливались голубизной, словно вбирали в себя синь безоблачного неба» [Калашников 1985: 414].

Прохладная синь гор на горизонте и крутые берега водоемов — элементы дорогого сердцу кочевника пейзажа, предстоящего перед избежавшим неминуемой гибели Тэмуджином: солнечный, звонкий день ранней осени, вызолоченные ее теплым светом невесомые паутинки, «зеленый лес, сбегая с крутых отрогов, становился... прозрачнее, тут, у берега реки, сосны стояли далеко друг от друга, сквозь ветви просвечивала литая бронза стволов» [Калашников 1985: 320].

Чистоту и прозрачность родников, рек и озер далекой родины, прохладу гор, ветерок бескрайних родных просторов герои романа многократно вспоминают, обозревая природный мир иных земель и стран.

Писатель описывает место событий, которым суждено было повлиять на историю многих народов, — улус, в котором родился Тэмуджин, через динамику восприятия Оэлун, которой в недалеком будущем предстоит стать его матерью. Вначале это взгляд пленницы, непривычной к горам и лесам, угнетающим ее, отчего мир кажется ей «темным, мрачным, таящим в себе немую угрозу» [Калашников 1985: 26].

Неадаптированность к непривычным условиям показывают и животные, например, конь Чиледу, для которого трудна и неудобна петляющая в чаще тропа, и, жалея скакуна, всадник, пренебрегая осторожностью, часто выезжает на открытые долины.

Оставшись гонимой недругами Есугея многодетной вдовой, Оэлун полюбила лес, потому что поняла: люди могут быть опаснее. Красота окрестностей родника помогает ей на короткое время забыть свои горести.

3.3. Примеры персонификации пейзажа

Однако образы природы в романе И. К. Калашникова не только динамичны, связаны «с движением, пластикой тел людей и животных», обусловленными зрительными впечатлениями кочевого народа [Гачев 1989: 71]. Они персонифицированы. Особенно это касается образов героев, которые играют значимую роль в развитии сюжета и структуре произведения.

Ярко передается настроение излечившегося от раны Есугея, которому удалось завоевать расположение недоверчивой Оэлун, и теперь мечтающего о власти над соплеменниками. Его надеждам, с одной стороны, созвучны песня жаворонка, нежная зелень весенней травы, многочисленные цветы и радость детворы, с другой — психологическому состоянию этого властолюбивого человека вполне отвечает образ половодья на Ононе, также включающий мотив вихревого движения: «река была мутна, бурлива, шапки пены плясали на волнах, закручивались в ямки водоворотов, выхлестывались на песчаную отмель» [Калашников 1985: 47].

Как будто одни и те же просторы открываются перед взорами достигшего могущества Тэмуджина и двух его самых давних и верных друзей, Джэлмэ и Боорчу. Они видят родные прозрачно-лиловые дали, синие горы, глубокую голубизну неба, пасущиеся ста-

да, резвящихся жеребят, проносящиеся, словно тени от облаков, стайки дзеренов. Все трое понимают, что благодаря Тэмуджину и его воинству мирно курятся дымки очагов, и степняки уже не опасаются, видя всадников.

Давно заметив, что друзья отделились от него, Тэмуджин тщетно пытался вернуть их расположение совместной поездкой по родным местам, но холодность Джэлмэ и Боорчу по отношению к нему не исчезла. Тэмуджин чувствует осуждение ими его неукротимого стремления завоевывать все новые пространства, губительного для населяющих их народов, и покорителя многих стран уже не радует картина цветущей степи, тем более что обнаруживается: его собственный народ отнюдь не благоденствует, и в первой же встреченной ими юрте для высоких гостей не нашлось ничего, кроме самой скудной пищи, а все пять сыновей хозяев сложили головы в далеких краях.

Здесь тональность образов природы контрастирует не только с картиной жизни пастухов, но и с принципиальным несогласием самых близких друзей с жестокостью завоевательной политики Чингис-хана и ненасытностью его амбиций.

В романе немало и мастерски нарисованных миниатюр, показывающих знакомые персонажам реалии с неожиданного ракурса: «солнце клонилось к закату, тени от сопок и юрт легли на степь длинными полосами, в синем небе висело облачко с золотым боком» [Калашников 1985: 113]. Именно такую картину видит неунывающий, добрый, искренний юный Тайчу-Кури, неожиданно встретивший девушку, ставшую впоследствии его судьбой.

Краткий миг радости хитрый, коварный, но вместе с тем чуткий к прекрасному Джамуха переживает на фоне мирной картиной заката: «Солнце уже село. И там, где оно село, край неба пылал золотисто-малиновым светом. Мелкая рябь озера тоже была малиновой» [Калашников 1985: 219].

3.4. Обусловленность достоверности пейзажа постижением менталитета монгольских народов

Приведенные выше фрагменты свидетельствуют о таких отмеченных Г. Д. Гачевым качествах мышления писателей — представителей кочевых культур, как стереоскопичность и

объемность [Гачев 1988: 37]. Свойственны они и творчеству И. К. Калашникова, не только следовавшего традициям русского реалистического романа, но и усвоившего многие черты менталитета бурятского народа. И. С. Болдонова и Т. Е. Санжиева подчеркивают «особую восприимчивость и чуткость» автора к сознанию другого народа, его «способность открыть для себя другой мир» [Болдонова, Санжиева 2012: 271]. Этот мир, особенно природный, был у писателя во многом общим с одним из монгольских народов, бурятским.

Старожильческое русское население, представителем которого был писатель, веками бытовало в одном культурном поле с аборигенными народами, в том числе с бурятами, мирно взаимодействуя с ними [Бураева 2023: 444].

Время жизни и творчества И. К. Калашникова пришлось на советский период, когда межэтнические отношения характеризовались, как и на других этапах истории региона, реальной, давно сложившейся дружбой народов, толерантностью и согласием между ними [Чимитова 2023: 441].

Одно из ярких впечатлений посетившего Бурятию Н. К. Доризо — то, что «на бурятской земле его считали своим, родным... он как бы олицетворял собой единение двух древних культур — русской и бурятской» [Доризо 1984: 244].

Образы природы в романе не только достоверны, но и органично вплетены в его художественную ткань, потому что автору была хорошо знакома описываемая им северная оконечность монгольского мира, где чередуются степные просторы, покрытые кустарниками и травами, которые, раскачиваясь на ветру, похожи на волны, исчезающие в синей дали, непроходимая тайга, горы, сопки, озера и долины Уды, Селенги, других впадающих в Байкал рек, а родился и рос он в старообрядческом селе Шаралдай, расположенном в похожем на более южные края уголке Бурятии.

С. С. Имихелова относит И. К. Калашникова к числу «писателей-выходцев из старообрядцев, бок о бок проживших рядом с бурятами не одно поколение» [Имихелова 2020: 28].

«Небо, степь, сопки — все насквозь пропитано терпким духом полыни... Такой я вспоминаю землю его детства», — писала М. Н. Ломунова [Ломунова 1985: 5].

Собирая материал для будущего романа, писатель бывал в Монголии, работал в архивах, посещал музейные и другие хранилища, общался с людьми, впитывал жизненные впечатления. Но родной была горячо любимая Бурятия, и среди его лучших друзей были бурятские коллеги, родную культуру которых он уважал и ценил. В отрыве от малой родины смягчить ностальгию ему помогали записи бурятских песен, которые он постоянно слушал.

При создании образов природы писатель обращался и к анти-тезе. Психологическому состоянию не знающего покоя в борьбе с многочисленными врагами главного героя созвучен типичный зимний пейзаж: пустые необозримые просторы, нетронутые сугробы, негреющее солнце, злые губительные вьюги. «День был серый. Низко над землей висели плотные облака, в открытых местах мела поземка. Снежные струйки текли по сугробам, врывались в лес и увязали в кустарниках» [Калашников 1985: 202].

По контрасту с этой суровой картиной путь по знакомым с детства местам заставляет Тэмуджина вспомнить счастливое детство на берегу озера: росу под босыми ногами, блестящую гладь воды, пологие волны, клочья белого тумана, плывущего от противоположного берега, вечерний костер, в который он кидает сосновые шишки. «Они ярко, с треском вспыхивали, чешуйки сначала чернели, круто заворачивались, потом раскалялись, и шишка становилась похожей на сказочный огненный цветок» [Калашников 1985: 202].

Светлые чувства, испытываемые центральным героем прежде при воспоминаниях о детстве, отмечает М. Н. Ломунова, не трогают его в зрелости, когда «все человеческое отходит от Тэмуджина» [Ломунова 1986: 59].

Несмотря на огромную власть, военную удачу, немалое число покоренных народов, он испытывает зависть к подросткам, у которых все впереди. Бремя забот, стремление к тотальному контролю, постоянное напряжение сказываются на его здоровье: «Что-то тихо заныло, заболело внутри... Тихая боль внутри росла, ширилась, захватывала его, мягко сдавливала горло» [Калашников 1985: 688]. Боязнь неизбежного для всех живущих конца и отчаяние подчеркиваются такими деталями пейзажа, как черные облака и тусклый свет одинокой звезды. В этот момент главный герой вновь вспоминает одно из ощущений детства — росу под

босыми ногами: «Он бы куда-нибудь пошел сейчас, совсем один, и чтобы под босыми ногами была мягкая, холодная от росы трава...» [Калашников 1985: 688].

По мере движения сюжета читателю открывается изменчивость, а также многоликость и многокрасочность хорошо знакомого и любимого автором степного ландшафта. Поэтому степь в романе предстает то укрытой глубокими снегами, охраняющими одинокую юрту от многочисленных недругов, то пронизываемой беспощадными ветрами, то седой, как ковыль и поднятая стремительными дзеренами и лошадьми пыль, то яркой от ургюя, желтых маков, других цветов на фоне свежей зелени. Разнообразны и звуки, которыми она наполнена: шелест крыльев, стрекот, свист, звон, клекот и т. д.

Такая эстетизация природы представляет собой не только адекватное художественное воспроизведение специфики эстетического восприятия народа-кочевника, но и выражение мироощущения и чувств самого автора, для которого воссозданная им природа — единственно близкая, знакомая с раннего детства, родная. Сходную с романом И. К. Калашникова интерпретацию реалий родной природы выявляют в творчестве современных татарских поэтов И. Г. Юзеева и И. В. Иксановой, А. Ф. и Ф. Г. Галимуллины [Галимуллина, Галимуллин 2022: 189].

Масштабность, интеллектуальная и эмоциональная глубина и художественная достоверность образов природы, их органичная вписанность в целостный природно-социальный мир романа убеждают в значимости вклада образов природы в такое ценнейшее качество романа, как его философичность, отмеченное такими исследователями его творчества, как В. В. Башкеева [Башкеева 2017: 49], А. М. Борщаговский [Борщаговский 1985: 767], С. И. Гармаева [Гармаева 1997: 125], М. Д. Данчинова [Данчинова 2007: 6], Н. К. Доризо [Доризо 1984: 243–244] и др.

Многие образы природных реалий побуждают читателя к постижению предназначения человека и человечества, предельных оснований, самой сути бытия, заключенных в нем смыслов.

4. Заключение

Картины природы, отображенные И. К. Калашниковым в романе «Жестокий век», отличаются, прежде всего, такими атрибуты подлинно-

го таланта и высокого мастерства, как достоверность и выразительность. Они обусловлены знанием писателем воссоздаваемых реалий, любовью к родной земле, тесными связями с титульным народом республики, веками живущим в гармонии с другими этносами. Пейзаж выполняет важные функции: он служит средством создания точного и лаконичного описания, конкретизирует место действия, помогает раскрыть эволюцию характера персонажей, полнее показать их внутренний мир, мотивы поведения, индивидуальность. Некоторые образы природы имеют символическое значение. Воссоздание таких природных реалий, как степь, лес и горы, вариативно. Образам природы присущи и динамизм, и графическая четкость, и объемность, и разнообразие ракурсов, и стереоскопичность. Они составляют органичную часть целостной картины мира произведения.

Литература

- Башкеева 2017 — *Башкеева В. В.* Исай Калашников. Литературная биография. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2017. 76 с.
- Борщаговский 1985 — *Борщаговский А.* Эпический дар // Калашников И. К. Жестокий век. Роман. Переиздание / предисл. М. Н. Ломуновой; послесл. А. Борщаговского. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1985. С. 762–767.
- Болдонова, Санжиева 2012 — *Болдонова И. С., Санжиева Т. Е.* Герменевтический историзм: художественный образ Чингисхана в современной бурятской литературе как фактор развития национального самосознания // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Культурология. 2012. Вып. 6. С. 268–273.
- Бураева 2023 — *Бураева О. В.* Взаимодействие культур русских, бурят и эвенков — основа добрососедских отношений в Бурятии // Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв. (к 100-летию Республики Бурятия): сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2023. С. 442–445.
- Гармаева 1997 — *Гармаева С. И.* Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 1997. 170 с.
- Галимуллина, Галимуллин 2022 — *Галимуллина А. Ф., Галимуллин Ф. Г.* Национальные и культурные коды в творчестве современных татарских поэтов // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 174–190. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-174-190
- Гачев 1988 — *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. 448 с.
- Гачев 1989 — *Гачев Д.* Чингиз Айтматов (в свете мировой культуры). Фрунзе: Адабият, 1989. 483 с.

- Данчинова 1996 — *Данчинова Д.* Художественное пространство и время («Жестокий век» И. Калашникова) // Интегративные связи филологии. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 1996. С. 126–137.
- Данчинова 2007 — *Данчинова М. Д.* Категории пространства и времени в художественной картине мира в прозе В. Митыпова, романе И. Калашникова «Жестокий век», лирике Б. Дугарова, Г. Раднаевой. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2007. 116 с.
- Доризо 1984 — *Доризо Н. К.* Я прохожу по строчечному фронту. М.: Современник, 1984, 319 с.
- Имixelова 2020 — *Имixelова С. С.* Мозаика национальной жизни: о литературном процессе в Бурятии (2010-е годы). Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2020. 216 с.
- История бурятской литературы 1997 — История бурятской литературы. Т. III. Современная бурятская литература (1956–1995). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1997. 298 с.
- Калашников 1985 — *Калашников И. К.* Жестокий век. Роман. Переиздание / предисл. М. Н. Ломуновой; послесл. А. Борщаговского. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1985. 768 с.
- Ломунова 1985 — *Ломунова М.* Исai Калашников и его книги // Калашников И. К. Жестокий век. Роман. Переиздание / предисл. М. Н. Ломуновой; послесл. А. Борщаговского. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1985. С. 5–8.
- Ломунова 1986 — *Ломунова М. Н.* Исai Калашников. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1986. 88 с.
- Тюпа 1982 — *Тюпа В. И.* Эстетический феномен — произведение — текст // Типологический анализ литературного произведения. Кемерово: Кемеровск. гос. ун-т, 1982. С. 3–19.
- Филонов 2018 — *Филонов Д. Г.* Роль сравнений в романе «Жестокий век» И. К. Калашникова // Актуальные проблемы литературоведения, языкознания и культуры Восточной Сибири, Монголии и Китая: сб. науч. ст. / отв. ред. Цыремпилова И. С., Серебрякова З. А. Улан-Удэ: ФГБОУ ВО ВСГИК, 2018. С. 38–43.
- Чимитова 2023 — *Чимитова И. З.* О характере межнациональных отношений в Бурятии XX века // Трансграничные Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв. (к 100-летию Республики Бурятия): сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2023. С. 439–442.

Ресурсообеспеченность преподавателей российских университетов в условиях реализации менеджеристской политики

Виталий Владимирович Ковалев¹, Александр Викторович Дятлов²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-8439-3117. E-mail: vitkovalev[at]yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0001-5914-4744. E-mail: avdyatlov[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Ковалев В. В., Дятлов А. В., 2024

Аннотация. В статье анализируется ресурсообеспеченность преподавателей российских университетов в условиях реализации менеджеристской политики. Менеджеризм требует от преподавательского сообщества активной профессиональной деятельности по самому широкому спектру занятости. Это обусловлено утверждением ценностей межвузовской конкуренции, реализуемой посредством инструментов коммерциализации науки и образования. В данном конкурентном противодействии решающее значение имеет объем ресурсов, которыми располагают преподаватели университетов. Проведенное нами эмпирическое исследование показало, что у преподавательского сообщества нет такого количества и качества ресурсов, чтобы преподаватели успешно могли осуществлять все затребованные эффективными контрактами виды профессиональной деятельности. Поскольку «профессиональная не успешность» в менеджеризме приравнивается к банкротству, то для ее предотвращения в вузах выбираются стратегии, которые сводятся к снижению стандартов качества образовательной и научной работы. Максимально негативным проявлением такой стратегии выступает имитация профессиональной деятельности, которая в соответствии с позицией большинства

респондентов определяет на данном этапе основные интеракции социальных акторов в сфере науки. В более широком контексте отрицательные эффекты менеджеристской политики проявляются, во-первых, в снижении ресурсного потенциала преподавателей, так как любые формы имитации разрушают или мешают формированию профессиональной культуры, во-вторых, в ухудшении условий подготовки кадров для национальной экономики, поскольку существует прямая связь между качеством преподавательского сообщества и качеством профессионального обучения. Все это уже в обозримой перспективе будет содействовать дальнейшему усилению асимметрии между центром и российскими регионами.

Ключевые слова: ресурсы, ресурсообеспеченность, менеджеризм, менеджеристская политика, высшее образование, преподаватели, имитация

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственной субсидии, проект «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации: 122022700133-9).

Для цитирования: Ковалев В. В., Дятлов А. В. Ресурсообеспеченность преподавателей российских университетов в условиях реализации менеджеристской политики // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 196–217. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-196-217

Resource Availability of Russian University Teachers in the Context of the Implementation of Managerialism Policy

Vitaly V. Kovalev¹, Alexander V. Dyatlov²

¹ Kalmyk Scientific Centre of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Leading Research Associate

 0000-0002-8439-3117. E-mail: vitkovalev[at]yandex.ru

² Kalmyk Scientific Centre of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Leading Research Associate

 0000-0001-5914-4744. E-mail: avdyatlov[at]yandex.ru

Abstract. The article analyses the resource availability of the Russian university teachers in the conditions of managerialism policy implementation. Managerialism requires from the teaching community active professional activity on the widest range of employment. It is conditioned by the assertion of the values of inter-university competition, implemented through the tools of commercialization of science and education. In this competitive opposition, the amount of the resources available to university teachers is crucial. Our empirical research has shown that the teaching community does not have such quantity and quality of the resources that teachers are equally successful in carrying out all types of professional activities. Since ‘professional failure’ in managerialism is equated with bankruptcy, in order to prevent it, universities choose strategies that reduce the quality standards of scientific and educational work. The maximum negative manifestation of this strategy is the imitation of professional activity, which, in accordance with the position of the majority of respondents, determines at this stage the main interactions of social actors in the field of science. In a broader context, the negative effects of managerialist policy are manifested, firstly, in the reduction of the resource potential of the teachers, since any forms of imitation destroy or prevent the formation of the professional culture, and secondly, in the deterioration of the conditions of the personnel training for the national economy, since there is a direct link between the quality of the teaching community and the quality of the professional training. All this already in the near future will contribute to further strengthening of the asymmetry between the Centre and Russian regions.

Keywords: resources, resource endowment, managerialism, managerialist policy, higher education, teachers, imitation

Acknowledgement. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700133-9 “Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental Changes”

For citation: Kovalev V. V., Dyatlov A. V. Resource Availability of Russian University Teachers in the Context of the Implementation of Managerialism Policy. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2024; (4): 196–217. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-196-217

1. Введение

Современная образовательная политика, реализуемая государством, обязывает преподавателя выполнять самый разнообразный

спектр профессиональных действий. В них включаются все традиционные виды деятельности, связанные с профессиональным обучением. Помимо этого, актуализируются формы занятости, ранее возлагавшиеся исключительно на руководство. Появляются и новые обязанности, которые до менеджеристской эпохи рассматривались как комплементарные. Под последними, прежде всего, имеется в виду социализация обучающихся, которой в советские годы занимались управленческие структуры образовательной организации, и научная деятельность, которая всегда была в вузах, но исключительно в статусе добровольного выбора, что влекло за собой сокращение нагрузки по учебной работе и, соответственно, компенсировалось внутренними перераспределениями обязанностей.

Благодаря видовому разнообразию профессиональной работы социальный слой преподавателей никогда не отличался признаками социальной гомогенности. Он всегда был разнородным. Но его гетерогенность складывалась на началах самоорганизации. Преподаватели во многом сами решали, какие акценты следует выбрать из репертуара профессиональных компетенций, затребованных в пространстве вузовской занятости. Это позволяло быть максимально эффективными и сосредотачиваться именно на том, где сотрудник мог проявить себя максимально продуктивно. Так появлялись великие ученые, заслуженные педагоги, успешные организаторы. Конечно, основная масса преподавательского корпуса преподавала свои учебные курсы, не стремясь к великим свершениям. Но это не мешало ей подготавливать высококвалифицированных инженеров, учителей, военных, врачей и т. п. Это был необходимый минимум, который обеспечивался за счет личных способностей и достаточных условий для успешной образовательной деятельности, которые поддерживались в академической среде.

Со времени реализации менеджеристской политики профессиональная ситуация радикально изменилась. С 2006 г. по 2010 г. государство принимает ряд нормативно-правовых актов, которыми были утверждены квазирыночные правила конкурентности и коммерциализации, превратившие университеты в псевдокорпоративные структуры на рынке образовательных услуг. На основе этих правил преподавателям фактически вменили в обязанность

выполнять все виды профессиональной деятельности, которые ранее распределялись в соответствии с принципом целесообразности. Отныне преподаватель должен быть и ученым, и педагогом, и менеджером. И везде добиваться значимых успехов. Подобная унификация задается требованиями внутривузовской и межвузовской конкуренции, которая по формальным индикаторам измеряется через индивидуальные и университетские рейтинги [Юрасова 2017].

Главный исследовательский вопрос состоит в том, насколько обеспечены ресурсами преподаватели, чтобы соответствовать возложенному на них широкому спектру обязанностей. Также необходимо оценить в качестве вероятной перспективы переход на имитационные формы работы, с чем ожидаемо связывается ухудшение социальной полезности результатов профессиональной деятельности. Есть основания предполагать, что снижение качества может коснуться работы всего преподавательского сообщества, даже в тех сферах, где ранее оно демонстрировало устойчивую и безусловную успешность. Руководствуясь сказанным, цель статьи определена как установление взаимосвязи между слабой ресурсной обеспеченностью преподавателей для достижения целей менеджеристской политики и дальнейшим ухудшением качества их ресурсов вследствие роста имитационной деятельности.

2. Материалы и методы

Теоретико-методологические основы статьи выстроены на базе ресурсного подхода Э. Гидденса как значимого компонента его теории структуризации [Гидденс 2005]. Структуризация с точки зрения Э. Гидденса есть перманентный процесс поддержки социальной устойчивости через регулярные социальные практики, наиболее масштабные среди которых социолог называет социальными институтами. Высшее образование вполне может рассматриваться в виде такого института, а преподаватели — как его основной социальный актор, профессиональная деятельность которых ведет к созданию устойчивых социальных практик. Успешность / неуспешность этих практик зависят от ряда факторов: социальных ожиданий, материальных, технических, информационных ресурсов (внешние факторы) и ценностей, мотивов, интересов

(внутренние факторы). Как видно, ресурсообеспеченность играет здесь огромную роль. Как полагает Э. Гидденс, этот аспект — один из наиболее главных в воспроизводстве социального неравенства, включая асимметрию региональных пространств. Под не успешностью социальных практик в институте высшего образования понимается усиление региональной асимметрии из-за снижения ресурсной обеспеченности преподавателей вследствие реализации менеджеристской политики, всецело определяющей внешние и внутренние факторы функционирования социального института высшего образования. Мы выдвигаем гипотезу, в соответствии с которой менеджеризм приводит к ухудшению ресурсного потенциала преподавателей в региональных университетах.

Для проверки данной гипотезы проведен массовый опрос по теме «Профессиональная культура преподавателей в условиях менеджеристского управления». Объект исследования — преподаватели вузов юга России. Территориально выборка разделена на два южно-российских кластера: Восток (Калмыкия и Астраханская область) и Северный Кавказ (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края). Опрашивались преподаватели Калмыцкого государственного университета (N=137), Астраханского государственного университета (N=105), Донского государственного технического университета (N=138), Ростовского государственного медицинского университета (N=59), Северо-Кавказского федерального университета (N=218), Пятигорского государственного университета (N=113). Еще один вуз из Краснодара (N=49) участвовал в опросе на началах полной анонимности. Общая выборка составила 819 преподавателей. Исследование проводилось на платформе Google Forms с последующим переводом и обработкой всей базы данных в программе SPSS-27. Время проведения опроса: сентябрь 2024 г.

3. Авторский категориальный аппарат: ресурс, ресурсообеспеченность, менеджеризм

Любая профессиональная деятельность должна быть подкреплена ресурсами. Этот тезис следует от сложившегося в научной традиции понимания данного термина. Ресурс — понятие междисциплинарное. Поэтому сложилось несколько научных традиций,

в рамках которых даются интерпретации, позволяющие решать сугубо отраслевые задачи [Щеглов 2020:1–8]. Широкий диапазон проистекает от смыслового первоисточника, французского слова «ressource», означающего покрытие потребностей. Сообразно этому в научном и общественном дискурсах используются многочисленные словосочетания в виде таких конструкций, как «природные ресурсы», «административные ресурсы», «политические ресурсы», «ресурсы личности» и т. п. [Шипова, Крылова 2021: 195–197]. Интерпретаций данной категории существует множество, однако общим смысловым элементом, объединяющим его в межпредметном консенсусе, выступает толкование ресурса как возможности действовать определенным образом, или решать некоторого рода задачи, или соотносить свои действия с осознаваемыми возможностями. Ресурс отождествляется с потенциалом, использование которого способно поддерживать социальную деятельность в желаемом направлении и в определенном качестве.

В рамках социологии под ресурсом принято понимать потенциальную возможность выполнять действия, предписанные социальным статусом [Клементьева 2012: 326–334]. Если перекладывать это определение на социальную группу «преподаватели», то очевидно, что логический объем термина «ресурс» следует соизмерять с профессиональными целями, мотивами, интересами, интеллектуальным уровнем и креативными характеристиками преподавательского сообщества, как внутренними факторами, и информационной средой, техническим оснащением, профессиональной нагрузкой, так и факторами внешними. Отсюда можно вывести типологию ресурсов, которыми располагают преподаватели. Во-первых, это хорошо описанные в научной литературе личностные ресурсы [Балацкий 2007:124–133; Дорохина 2014: 19–27; Ильясов 2013: 13–25]. К ним относится мотивация, согласованность внутренних целей профессиональной деятельности с внешними целевыми установками, способность выполнять определенный род действий (с позиции формального интеллекта и готовности к инновационным решениям). Во-вторых, это так называемые организационные ресурсы, которые обеспечиваются для своих сотрудников образовательным заведением. В отношении преподавателей уместно сказать об обеспечении информационными материалами,

аудиториями, оргтехникой, оптимальным объемом времени, достойным материальным вознаграждением.

Надо полагать, что способность преподавателя к продуктивной деятельности, к достижению поставленных перед ним целей всецело зависит от наличия перечисленных выше ресурсов. Это состояние мы будем называть ресурсообеспеченностью. Иными словами, преподавательская деятельность может считаться обеспеченной в должной мере ресурсами лишь в том случае, если она подкреплена таким объемом потенциальных возможностей, который каждым актором признается минимально необходимым для достижения личных целей и целей образовательной организации, в которой они реализуют свои профессиональные обязанности.

Данный аспект также можно назвать главной эмпирической проблемой настоящего исследования. В постановочной части статьи мы говорили о том, что в связи с применением менеджеристской модели управления трансформировалась и природа занятости преподавателя. От преподавателя теперь ждут демонстрации способностей по всем аспектам своей работы. Он должен быть и ученым, и педагогом, и менеджером. Для того чтобы такие разные формы деятельности в конечном итоге оказались успешными, необходим самый разнообразный спектр ресурсов. Иначе говоря, преподавателю следует обладать потенциальными возможностями эффективно действовать в разных профессиональных ипостасях. Так ли это на самом деле, можно установить, лишь проведя эмпирическое исследование. Умозрительное конструирование социальной реальности в таких вопросах неуместно [Тузиков, Зинурова 2024: 52–59].

Как мы уже писали во введении, управленческая ситуация в настоящее время изменилась. Соответственно изменились и требования к профессиональной деятельности преподавателей. Поэтому полноценный анализ ресурсообеспеченности можно оценить только в контексте целей и ценностей менеджеристской политики в системе высшего образования.

Менеджеризм является особой разновидностью управленческой идеологии, которая в качестве своей базовой ценности позиционирует идею эффективности. Он возник во второй трети XX в. в корпоративном бизнесе и приоритетно был ориентирован на по-

вышение мотивации у сотрудников, не заинтересованных в конечных результатах своего труда. Эту проблему преодолевали за счет дифференциации должностного задания на количественно измеряемые показатели или сокращенно КРІ. Сотрудник получал что-то вроде индивидуального плана на текущий промежуток времени: минуту, час, рабочий день, квартал, полугодие, год. Его выполнение в установленном объеме свидетельствовало о достижении управленческой эффективности.

В сфере нерыночных отношений данная модель стала применяться с середины 1980-х гг. в Великобритании под названием государственный менеджеризм [Аристова 2012; Гончарова 2014; Охошин 2014]. Повышение мотивации сотрудников государственных учреждений, включая поддерживаемые из бюджета университеты, также оставалось одной из главных целей. Однако спектр целевых ориентаций государственного менеджеризма оказался намного шире по сравнению с его применением в рыночных корпоративных структурах. Общим было лишь неизменное толкование принципов эффективности как распределения финансовых потоков в сторону работников, выполняющих предписанный объем плановых заданий (КРІ), и перекрытия финансирования тем, кто с исполнением плановых показателей не справляется. Это получило название оптимизации расходов, а также стало основанием для широко распространенного процесса изменения управленческих структур и штатного расписания. Достижение количественных показателей позиционируется как дифференциация на отдельные измеряемые единицы приоритетных целей развития. Их выполнение — это ожидаемая эффективность, перевыполнение — основание для дополнительного премирования [Романов 2023:100–105].

В данном описании имеется то, что можно было бы представить в виде технократизма, т. е. технологического или формального обеспечения организационных целей. Если бы новая государственная политика пошла только по этому сценарию, то для нее не потребовалось бы подыскивать новую лексическую единицу. Но то, что понимается под государственным менеджеризмом, значительно шире, чем менеджеризм корпоративный. Последний уже был частью рынка, так как его идеология эффективности согласовывалась в конечных расчетах с идеей максимизации прибыли. Если менед-

жеристские практики обеспечивали рост прибыли, значит они были безусловно эффективные. Однако что понимать под эффективностью в некоммерческих социальных институтах? Выход был найден предельно простой: нужно коммерциализировать профессиональную деятельность преподавателей и выстроить ее на началах конкуренции. Там же, где создать конкурентный рынок с исчисляемыми финансовыми результатами не получится, нужно изобрести квазирынок, на котором роль сублимированных денег будут играть результаты, оцениваемые по количественным показателям.

Менеджеризм в образовательных организациях проявляется в виде принципиально новой цели — прямой монетизации науки и образования. Она столь же важна, как и три традиционные цели: научные инновации, профессиональное обучение и социализация обучающихся. Во многих нормативных документах, регулирующих на началах менеджеризма высшее образование, финансовые цели обозначаются как приоритетные. Но и то, что названо целями традиционными — образование, наука, воспитание, также встроено в квазирыночные институты. Их интеграция обеспечивается за счет инструмента рейтингования результатов. За любой вид профессиональной деятельности начисляются баллы, которые затем трансформируются в денежные премии по заранее установленным расценкам. Этот монетарный принцип нацелен на повышение мотивации как руководства вузов, так и отдельных работников [Казанцев 2023: 96–103].

Последний аспект нуждается в дополнительном пояснении. Баллы фактически выступают в роли квазиденег. Там, где невозможна прямая монетизация (например, профессиональное обучение, мероприятия по воспитанию студентов, фундаментальная наука), применяется принцип опосредованного финансирования. В связи с этим все профессиональные интеракции преподавателей по своей сути имеют квазирыночный характер. Преподаватель превращается в своего рода сдельщика, который принимает на себя заданное KPI количество обязательств. Ему требуется заработать как можно больше баллов. И профессиональная специализация на ученых, воспитателей и лекторов, которая была актуальна ранее, сейчас признается отжившей и неэффективной. Чтобы быть

успешным (заработать много баллов), нужно много работать по всем направлениям [Осипов 2023: 16–23].

От этой позиции мы можем вернуться к вопросу о ресурсах. Совершенно очевидно, что менеджеристская политика побуждает преподавателей к активизации своих профессиональных усилий, причем желательно тех, которые можно легко трансформировать в баллы. Там, где такой возможности нет, работа воспринимается бесперспективной. Заданные эффективными контрактами виды работ и без того являются ресурсоемкими. Тратить ресурсы на монетарно бессмысленные действия в новой управленческой реальности нерационально. Впрочем, текущий преподавательский активизм и без того впечатляет своей масштабностью. Достаточно посмотреть рейтинговый прейскурант в эффективных контрактах, чтобы неизбежно задаться вопросом о способности преподавательского сообщества выполнять столь широкий фронт работ, не снижая традиционно выработанного стандарта качества [Курбатова 2023: 22]. Наша гипотеза состоит в том, менеджеристская политика обязывает преподавателей совершать те виды действий и в таком объеме, для которых они не располагают ресурсами. Чтобы быть эффективными, преподаватели снижают стандарты качества, имитируя социальную полезность своей профессиональной деятельности. Постепенно имитация становится общим поведенческим паттерном, как условие сохранения себя в профессии.

4. Реальная ресурсообеспеченность преподавателей российских университетов

Итак, нам следует оценить обеспеченность преподавателей должным объемом ресурсов, а также оценить вероятность снижения их ресурсной базы из-за формирования устойчивого поведенческого стереотипа выполнять профессиональные обязанности имитационно.

Узкие рамки статьи не позволяют использовать всю базу данных, поэтому мы ограничимся лишь наиболее важными аспектами проблематики. Начнем с вопроса о целях профессиональной деятельности. Он напрямую с ресурсами не связан, но позволяет понять иерархию менеджеристских целей (материальный заработок и карьера) и традиционных целей в структуре ценностей преподавательского сообщества.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Выберите ведущие цели Вашей профессиональной деятельности»
(не более трех вариантов ответа), %

Выберите ведущие цели Вашей профессиональной деятельности	Ваша ученая степень?						
	Доктор наук		Кандидат наук		Без ученой степени		
	Калмыкия и Астрахан- ская область	Северный Кавказ	Калмыкия и Астрахан- ская область	Северный Кавказ	Калмыкия и Астрахан- ская область	Северный Кавказ	Всего
Научная деятельность	96,7	81,1	75,8	68,5	62,8	50,3	65,4
Образовательная деятель- ность	90,0	98,1	95,5	96,1	91,0	89,8	94,0
Материальный заработок	20,0	24,5	23,6	25,1	28,2	22,8	24,1
Воспитание обучающихся	23,3	18,9	43,9	46,0	50,0	46,7	44,0
Карьерный рост	3,3	1,9	4,5	8,0	17,9	21,8	10,7

Полученные распределения по целям показывают, что менеджерские цели — материальный заработок и карьерный рост — не стали значимым выбором для респондентов. Это может свидетельствовать о сохранении традиционной системы ценностей, в которой работа преподавателя позиционируется в большей степени как призвание, чем в виде источника материального заработка и, тем более, карьеры. Карьерный рост, как актуальная цель, отображается в значимых выборах только в группе «без ученой степени», где основная масса респондентов — молодежь. Их ожидания сделать карьеру объяснимы, но даже в этой когорте карьерный рост и материальный заработок существенно уступают по популярности трем традиционным целям. Есть вероятность и несколько иного объяснения. Респонденты хорошо понимают, что в системе об-

разования больших денег не заработать. Поэтому приоритетные векторы ценностных ориентаций должны быть выстроены в иных направлениях. Но, как бы мы не объясняли, любая интерпретация подрывает менеджеристские установки на то, будто в новых управленческих условиях каждая интеракция способна быть монетизирована. Можно констатировать, что за двадцать лет реформ цели менеджери́зма не стали доминантными для преподавателей.

Обратимся теперь к ресурсам. Чтобы сузить предметный спектр, четко определимся с видами ресурсов и формами профессиональной деятельности. Оптимально, по нашему мнению, остановиться на трех ресурсах: мотивационном, интеллектуальном и темпоральном. Профессиональную деятельность выберем только одну — научную. Она шире, чем остальные, представлена в эффективных контрактах.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Есть ли у Вас внутренняя и устойчивая потребность заниматься научной деятельностью» (не более двух вариантов ответа), %

Есть ли у Вас внутренняя и устойчивая потребность заниматься научной деятельностью?	Ваша ученая степень?						
	Доктор наук		Кандидат наук		Без ученой степени		
	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	
Да, совмещение научной и образовательной деятельности улучшает качество моей преподавательской работы	86,7	74,1	37,2	37,1	37,2	39,5	42,4
Занимаюсь наукой время от времени, в основном для повышения показателей преподавательского рейтинга	3,3	20,4	50,6	42,9	39,7	36,4	38,5

Нет, я считаю неправильным навязывать каждому преподавателю обязательное участие в научной деятельности	10,0	9,3	22,4	28,7	34,6	31,3	26,4
---	------	-----	------	------	------	------	------

Нетрудно заметить, что мотивация на занятия научной деятельностью полноценно присутствует только в академической группе «доктора наук». Две трети неостепененных преподавателей и примерно столько же кандидатов наук интереса к научной работе не проявляют. Региональная разница имеется, но ее репрезентативность вызывает сомнения, так как всего было опрошено 92 доктора наук и любой нетипичный выбор способен вызвать слишком большое отклонение от медианного значения. Но общая тенденция прослеживается четко: больше половины преподавателей, у которых нет степени доктора наук, к научной деятельности проявляют индифферентность. Однако, напомним, что в менеджеристской управленческой модели быть успешными учеными требуется от всего преподавательского сообщества. Возникает закономерный вопрос: насколько это сообразуется с отсутствием устойчивой потребности быть тем, кем ты быть не хочешь?

Данный вопрос можно трансформировать в наличие способностей к научной деятельности, который переводит наше внимание на выявление интеллектуального ресурса. Переменная по указанному аспекту сформулирована по правилам экспертного опроса.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Все ли преподаватели способны продуктивно заниматься наукой» (не более трех вариантов ответа), %

Все ли преподаватели способны продуктивно заниматься наукой?	Ваша ученая степень?					
	Доктор наук		Кандидат наук		Без ученой степени	
	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ
						Всего

Нет, преподаватели нацелены на образовательную деятельность	58,6	57,4	52,2	49,0	46,8	48,2	49,9
Нет, в вузах социально значимой наукой занимаются немногие	24,1	35,2	42,7	39,4	27,3	27,9	35,2
Нет, преподавателей, способных внести вклад в науку, единицы	51,7	37,0	43,9	38,7	31,2	34,5	37,4
Да, вслед за развитием массового образования и наука стала массовой	0,0	1,9	3,2	2,3	5,2	11,2	4,7
Да, для достижения значимых научных результатов требуется премирование за публикации	17,2	11,1	14,6	11,9	20,8	14,7	13,3
Да, большинство преподавателей имеют достаточный уровень способностей, чтобы внести вклад в развитие науки	3,4	11,1	9,8	10,0	22,1	16,8	12,9

Напомним, что ориентация всего профессорско-преподавательского состава (ППС) на научную работу строится на убежденности, что создание значимого для социума научного продукта будет несложно монетизировать благодаря его продаже заинтересованным акторам на рынке научных услуг. Среди этих акторов могут быть государство, предприниматели, общественные организации и, вероятно, коллеги по работе. Последние, во всяком случае, точно имеют заинтересованность в приобретении лжеавторства, поскольку, как нетрудно заметить по результатам опроса, чтобы стать авторами, у многих в достаточном объеме нет интеллектуального ресурса. Однако администрация вузов, ориентированная на менеджерские ценности, побуждает к публикационной активности всех, порождая девиантные практики [Ташёва и др. 2022].

Немотивированные и неспособные к научной работе преподаватели легко готовы перейти к наукообразной или псевдонаучной деятельности. Более того, результаты своего «творчества» они могут разместить в любом из тех коммерческих журналов, которых

в избытке создано именно для достижения подобного рода целей. Но в этом ли состоит истинное призвание науки?

Научная работа — занятие крайне ресурсоемкое. Одним из важнейших условий для ее успешности выступает темпоральный ресурс.

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Достаточно ли у Вас рабочего времени для совмещения научной и образовательной работы» (не более двух вариантов ответа), %

Достаточно ли у Вас рабочего времени для совмещения научной и образовательной работы?	Ваша ученая степень?						
	Д о к т о р наук		Кандидат наук		Без ученой степени		
	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Всего
Да, у меня на работе в основном созданы необходимые для этого условия	21,4	18,5	6,5	5,2	7,7	12,3	8,8
Да, если разумно использовать планирование всех видов работ	21,4	29,6	23,2	19,1	26,9	29,2	24,1
Нет, если не снизить учебную нагрузку, то научная деятельность будет формальной	53,6	57,4	56,8	56,6	50,0	37,4	51,5
Нет, нужно заниматься чем-то одним, для меня приоритет — образование	14,3	11,1	28,4	33,7	29,5	35,9	29,8

Результаты по последнему, темпоральному, ресурсу показывают, что основную причину игнорирования контрактных обязанностей по научной работе преподаватели видят в нехватке времени. Даже доктора наук жалуются на высокую аудиторную нагрузку. Отчасти с этим несложно согласиться. В доменеджеристскую эпоху ученые, вокруг которых формировались региональные научные

школы, редко посещали аудиторные занятия. Существовало негласное правило о разделении труда на создающих науку и обучающих профессии, о чем мы уже писали. Но станут ли немотивированные (по самопрезентации) и неспособные (по экспертной оценке) преподаватели усердно создавать социально значимые научные продукты, если им резко сократят объемы аудиторных занятий? Навряд ли. На самом деле, такая попытка уже предпринималась. Еще не так давно серьезно обсуждался вопрос о переводе студентов на онлайн-обучение. Как один из положительных эффектов ожидалось высвобождение времени для научного творчества. Также можно вспомнить, что в 2006–2010 гг. в образовательных программах большую часть учебных часов перевели на самостоятельное обучение. В конечном итоге было решено, что оба варианта реформатирования занятости преподавателей приведут к значительному снижению качества профессиональной подготовки. Однако крайне сомнительно, что качественная подготовка профессиональных кадров менее важна для общества, чем так называемая научная деятельность немотивированных и неспособных к науке преподавателей. Поэтому от обоих вышеназванных предложений в конечном итоге стали отказываться. Мода на онлайн-образование прошла, а аудиторную нагрузку выравнивали по объему часов с самостоятельной работой. Следовательно, рассчитывать на то, что в распоряжении преподавателей окажется достаточное количество времени для неспешного и вдумчивого занятия наукой, не стоит. Специфика массовых образовательных организаций, даже в системе высшего образования, не предполагает широкой вовлеченности преподавателей в науку. Массовые университеты содержательно выстраивались как организации, решающие не научные, а образовательные задачи. Уравновешивание двух целей неизбежно породит дилемму: либо жертвовать качеством обучения и с высокой вероятностью создавать псевдонаучные результаты, либо осуществлять профессиональное обучение, а науку оставить энтузиастам, для которых она станет делом всей жизни на основе самостоятельного выбора.

И тот, и другой выбор с менеджеристской политикой не совместим. Новая управленческая модель заставляет искать иные решения. Одним из вариантов стало применение адаптационных стратегий, что обеспечило преподавателям возможность преодоле-

вать выявленный дефицит ресурсов, препятствующий реализации предписанных видов профессиональной деятельности. В сфере науки наиболее востребованной стратегией оказалась имитация научной деятельности. Она складывается из лжеавторства, заочных конференций, псевдонаучных публикаций, перекрестного цитирования и т. п.

Здесь мы выходим на вторую часть нашей гипотезы о том, что имитации в науке принимают устойчивую форму, превращаясь из антиценностей в единственно возможную модель выживания в академической среде. Длительное время это не представляло собой больших трудностей. О квартилях в базах Scopus и WoS до определенного момента не говорили, категоризация журналов из списка ВАК появилась сравнительно недавно, заочные конференции по внутреннему содержанию мало отличались от очных, финансирование науки проводилось через многочисленных отечественных и зарубежных грантодателей, понятием «мусорные журналы» не оперировали, перекрестное цитирование не осуждалось и т. п. Достаточно было «гнать» научный вал в предельно возможных количествах. Тем более, что за это не только предоставлялось финансирование, но и гарантировалась возможность продолжать профессиональную деятельность. Следствием применения указанных адаптационных стратегий стало снижение качества. В первую очередь, в области научной работы.

Таблица 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Ведет ли стимулирование роста количественных показателей по научной работе к снижению ее качества» (только один вариант ответа), %

Ведет ли стимулирование роста количественных показателей по научной работе к снижению ее качества	Ваша ученая степень?				
	Доктор наук		Кандидат наук		Без ученой степени
	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Калмыкия и Астраханская область
					Северный Кавказ
					Всего

Да, реальная наука исчезает и заполняется имитацией	51,8	52,9	51,7	55,2	46,4	41,5	50,4
Нет, количество научных работ вырастает, а их качество, в основном, остается высоким	3,4	9,4	13,2	11,8	21,7	22,9	15,9
Если не использовать как инструмент финансового стимулирования	44,8	37,7	35,1	33,0	31,9	35,6	33,7

Как видим, наш опрос подтверждает сформулированные выше умозаключения. Большая часть респондентов выбрали заданное значение «реальная наука исчезает и заполняется имитацией», которое напрямую связывает стимулирование роста показателей с деформациями в сфере науки. Вторая половина респондентов уточняет, что разрушение науки проистекает именно от финансового поощрения. Особенно негативные коннотации в адрес количественных показателей и монетизации результатов научной работы заметны в группе «доктора наук», в которой свыше 90 % опрошенных выступают против любых форм стимулирования ученых на основе наукометрических данных. Конечно, в российских университетах наукой занимаются не только сотрудники, защитившие докторскую диссертацию. Но именно доктора наук в безусловном порядке могут быть экспертами по вопросам качества.

5. Заключение

Общий вывод по проведенному исследованию следующий. Гипотеза о том, что преподавателям не хватает ресурсов для успешной деятельности в условиях менеджеристской политики, подтвердилась. Эмпирически был проверен один вид профессиональной занятости — включенность в научную работу. На ее примере мы выявили значимую для заявленной проблемы особенность. В науку эффективные менеджеры стараются вовлекать преподавателей максимально широко. Их заинтересованность обусловлена тем, что от результатов научной деятельности ожидается наибольшая монетизация. Поэтому в этой сфере самая сильная конкуренция за источники заработка. Но именно здесь ресурсообеспеченность проявляется в наименьшей степени. В российских универси-

татах нет такого количества ученых, чтобы их продуктивная работа способствовала бы выполнению количественных показателей. Это подтверждено на примере мотивационного, интеллектуального и темпорального ресурсов. Однако специфика менеджеристского управления состоит в том, что невыполнение плановых заданий автоматически приравнивается к банкротству (прекращению государственного финансирования). Поэтому устойчивыми адаптационными стратегиями становится имитация научной работы.

Имитация не проходит для университетов бесследно. Она порождает, по меньшей мере, два рода негативных последствий.

Первые проявляются в краткосрочной перспективе и связаны со снижением качества образовательной, научной и воспитательной работы. Поскольку имитация — это не просто стратегия, а своеобразная идеология выживания, то постепенно она начинает создавать особый род антиценностей, которые легитимируют имитацию всех форм профессиональной деятельности как новую нормальность. Создание симулякров выступает общим правилом, а качество превращается в избыточную роскошь. Прямое следствие этого процесса — дальнейшее снижение мотивационного, интеллектуального, темпорального, а также других видов ресурсов. Привычка работать непрофессионально снижает качественный потенциал личных ресурсов преподавательского сообщества. В наибольшей степени уязвимыми от подобных деформаций становятся именно региональные вузы, прежде всего те, которые изначально имели меньший объем ресурсов. Менеджеризм объективно ведет к тому, что уровень профессионализма у преподавателей неизменно падает, заменяясь псевдопрофессионализмом. Это в еще большей степени усугубляет асимметрию возможностей между центром и регионами, крайне негативно сказываясь на ресурсном обеспечении учебных заведений.

Но есть и те негативные последствия, которые проявятся в долгосрочной перспективе. Переключение внимания руководства университетов с образовательного процесса на иные виды деятельности, например, научную, последовательно ведут к значительному снижению качества подготовки кадров для национальной экономики. Увлечение количественными показателями в обход прямой обязанности университетов готовить специалистов в

конечном итоге приведет к кадровому голоду на производстве и в общественном секторе. И проблема эта максимально актуальна именно для регионов, так как региональные вузы оказались в наибольшей степени уязвимыми к новым менеджеристским требованиям. Выявленные в высшем образовании деформации и патологии проявляются в них сильнее всего.

Литература

- Аристова 2012 — *Аристова Е. В.* Радикальные реформы высшего образования в Великобритании // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 1. С. 54–58.
- Балацкий 2007 — *Балацкий Е. В.* Теория жизненные ресурсов: модели и эмпирические оценки // Мониторинг. 2007. № 2 (82). С. 124–133.
- Гидденс 2005 — *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуры. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
- Гончарова 2014 — *Гончарова Д. С.* Реформа высшего образования и введение платы за обучение в Великобритании в 1998–2010 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 6 (32). С. 67–74.
- Дорохина 2014 — *Дорохина О. В.* Представление о личностных ресурсах и детерминантах их развития у студентов педагогического вуза // Семья и личность: проблемы взаимодействия, научный журнал. 2014. № 2. С. 19–27.
- Ильясов 2013 — *Ильясов Ф. Н.* Методология ресурсного подхода к анализу трудовых мотивов и установок // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 5 (117). С. 13–25.
- Казанцев 2023 — *Казанцев О. А.* «Менеджеризация» общего образования: к постановке проблемы // Caucasian Science Bridge. 2023. Т. 6. № 1. С. 96–103. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.9
- Клементьева 2012 — *Клементьева М. В.* Теоретико-методологический смысл понятия «ресурс развития» взрослого человека // Известия Тульского государственного университета. 2012. № 2. С. 326–336.
- Курбатова 2023 — *Курбатова М. В.* Управление по результатам в российском образовании: проблемы нормативного регулирования // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2023. № 3 (585). С. 8–26. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-3-8-26
- Осипов 2023 — *Осипов А. М.* Концепция бюропатологий: к пониманию менеджеризма как тупика управления и развития // Caucasian Science Bridge. 2023. Т. 6. № 4. С. 16–23. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.1.
- Охошин 2014 — *Охошин О. В.* Реформы в образовании в политики «нового лейборизма» Т. Блэра // Преподаватель XXI в. 2014. № 3–1. С. 32–39.

- Романов 2023 — *Романов Е. В.* Публикационная активность российских университетов: от «академического капитализма» к «академическому социализму» // Вопросы экономики. 2023. № 2. С. 100–115. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-2-100-115
- Ташёва и др. 2022 — *Ташёва А. И., Арпентьева М. Р., Гриднева С. В.* Диагностика и коррекция девиаций в вузе // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 89–101.
- Тузиков, Зинурова 2024 — *Тузиков А. Р., Зинурова Р. И.* Социальное управление или менеджеризм: конкуренция управленческих дискурсов в России // Управление устойчивым развитием. 2024. № 2. С. 52–59. DOI: 10.55421/2499992_2024_2_52
- Шипова, Крылова 2021 — *Шипова Н. С., Крылова М. А.* Социальное представление о феномене ресурса // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. № 4. С. 194–199. DOI: 10.34216/2073-1426-2021-27-4-194-199
- Щеглов 2020 — *Щеглов И. А.* Ресурс как категория философии социализации // Гуманитарный вестник. 2020. Вып. 2. С. 1–11. DOI: 10.18698/2306-8477-2020-2-652
- Юрасова 2017 — *Юрасова М. В.* Рейтинг как инструмент измерения успеха: «за» и «против» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 23 (2). С. 137–164.

О комфортности проживания населения Республики Калмыкия

Ирина Эрдниевна Чимбеева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0009-0008-6274-6664. E-mail: chimbeevai[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Чимбеева И. Э., 2024

Аннотация. Проблема комфортности проживания актуальна ввиду недостаточной разработанности темы в целом и конкретно в Республике Калмыкия. *Целью* данной статьи являются выявление и анализ факторов, оказывающих воздействие на качество жизни населения в разных зонах Республики Калмыкия. В работе анализируются данные социологического опроса, проведенного сотрудниками Калмыцкого научного центра РАН (N=923). *Результаты.* В результате рассмотрения факторов, влияющих на комфортность проживания в Республике Калмыкия, можно сделать выводы, подчеркивающие важность социально-экономических и экологических аспектов для качества жизни населения. Анализ данных социологического опроса выявил прямую зависимость уровня комфортности от совокупности различных факторов, среди которых ключевыми являются развитость инфраструктуры и доступность социальных услуг. Республика Калмыкия демонстрирует асимметрию в комфортности жизни между городским и сельскими условиями. Сельское население, в отличие от городского, страдает от недостатка инфраструктуры, медицинского обслуживания и доступа к образовательным учреждениям. Экологические аспекты также играют важную роль в оценке комфортности проживания. Городская среда требует внедрения строгих мер по контролю загрязнения воздуха и воды, создания зеленых зон и модернизации общественного транспорта. В сельских районах особое внимание следует уделить правильному обращению с отходами и сохранению природных водных ресурсов. Комплексная стратегия экологической безопасности может существенно улучшить качество жизни как в городах, так и в сельской местности.

Ключевые слова: Калмыкия, комфортное жилье, условия проживания, инфраструктура, экология, городские и сельские условия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации: 122022700133-9).

Для цитирования: Чимбеева И. Э. О проблеме комфортности проживания населения Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 218–240. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-218-240

On Living Comfort for the Population of the Republic of Kalmykia

*Irina E. Chimbeeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Centre of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0009-0008-6274-6664. E-mail: chimbeevai[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Chimbeeva I. E., 2024

Abstract. The problem of living comfort is relevant due to the lack of the elaboration of the topic in general and specifically in the Republic of Kalmykia. The *purpose* of this article is to identify and analyze the factors affecting the quality of life of the population in different areas of the Republic of Kalmykia. The paper analyzes the data of the sociological survey conducted by the staff of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (N=923). *Results.* As a result of consideration of the factors influencing the comfort of living in the Republic of Kalmykia, conclusions can be drawn that emphasize the importance of socio-economic and environmental aspects for the quality of life of the population. The analysis of the survey data revealed a direct dependence of the comfort level on a combination of various factors, among which the key ones are the infrastructure development and the accessibility of social services. The Republic of Kalmykia demonstrates an asymmetry in the comfort of life between urban and rural conditions. Rural populations, unlike urban populations, suffer from the lack of infrastructure,

medical care, and access to educational institutions. Environmental aspects also play an important role in assessing the comfort of living. The urban environment requires the introduction of strict measures to control air and water pollution, the creation of green areas and the modernization of public transport. In rural areas, special attention should be paid to proper waste management and conservation of natural water resources. A comprehensive environmental safety strategy can significantly improve the quality of life in both urban and rural areas.

Keywords: Kalmykia, comfortable housing, living conditions, infrastructure, ecology, urban and rural conditions

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700133-9 “Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental Changes”.

For citation: Chimbeeva I. E. On the problem of living comfort for the population of the Republic of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2024; (4): 196–240. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-196-240

1. Введение

Исследователи, основываясь на своих предметных областях и целях исследований, вкладывают в понятие «комфортность» разные значения. Комфортность городской среды — это многогранное понятие, охватывающее широкий спектр факторов, которые влияют на качество жизни населения. Как отмечается в одной из работ, посвященных проблемам оценки формирования благоприятной городской среды, «одной из наиболее сложных задач на пути к формированию достаточного уровня комфортности городской среды в настоящее время являются различия в подходах к оценке данного показателя. Комфортность представляет собой синтез всевозможных количественно-качественных показателей, что формирует проблему их сопоставимости и точности измерения» [Копытенкова и др. 2020: 552].

Так, ученые выделяют прямые связи комфортности среды обитания, связанной с уровнем удовлетворенности населения и создающей прямо или опосредованно благоприятные условия для него, с такими показателями социального статуса, как «плотность населения, миграционная привлекательность, уровень качества жизни, средний возраст населения и ожидаемая продолжитель-

ность жизни» [Мулик и др. 2019: 35–36], при этом отмечается «обратная связь преимущественно с комфортностью среды обитания и в меньшей степени с эстетичностью природной среды у таких показателей социального статуса, как разводимость, алкоголизация, брачность, добровольные аборты, общий уровень преступности населения, смертность от новообразований, смертность от самоубийств, смертность от убийств как общих проявлений действия внешних причин» [Мулик и др. 2019: 36]. Т. А. Трифонова и А. Н. Краснощеков отмечают, что понятие комфортности проживания, которое не имеет четкого определения, обычно «понимают как систему оценок условий жизнедеятельности, которая складывается на основе удовлетворения различных потребностей человека или группы населения», и понятие это связано с территорией, на которой формируется комплекс разнообразных климатических, социальных, производственных и других условий [Трифорова, Краснощеков 2013: 35]. Исследователи подчеркивают необходимость выработки четких ранжированных критериев для оценки комфортности проживания, которые обычно в общем определяют как климатическая, социальная и экологическая комфортность. По мнению этих ученых, оценка комфортности проживания населения на региональном уровне традиционно осуществляется с учетом трех основных групп факторов: природно-антропогенных, социальных и медико-экологических [Трифорова, Краснощеков 2013: 36]. Другие исследователи в качестве наиболее значимых показателей, влияющих на уровень комфорта проживания, выделяют экологические, градостроительные, ландшафтные и социальные факторы [Фомина и др. 2020: 143–145].

В междисциплинарных работах отмечается как зависимость показателей психологического и социального статуса населения от комфортности и эстетичности среды обитания, так и парадоксальная обратная связь между неблагоприятными условиями среды обитания и достаточно высокой социальной, поведенческой и экономической активностью, что связывается со «стремлением человека за счет повышенной поведенческой и экономической активности создать для себя более благоприятные условия жизни и тем самым компенсировать дефицит эстетичности и комфортности среды обитания» [Мулик и др. 2019: 35]. Ученые подчеркивают,

что «для создания объективной и достоверной информационной базы данных, характеризующей качество и комфортность городской среды, необходимо разработать методику, позволяющую провести количественную оценку», предложить четкий перечень показателей комфортности среды [[Копытенкова и др. 2020: 555](#)].

Согласно «Методике оценки качества городской среды проживания», утвержденной Приказом Министерства регионального развития РФ № 371 от 9 сентября 2013 г., целью градостроительной и жилищной политики является создание комфортной среды жизнедеятельности, способствующей удовлетворению жилищных потребностей и поддержанию высокого качества жизни, включая демографическую ситуацию и здоровье населения [[Приказ Минрегиона 2013](#)]. Учет различных аспектов, таких как экология, градостроительство, социальные условия и здоровье, позволяет создать более полное представление о жилой среде. Исследования показывают, что, помимо удовлетворения жилищных потребностей граждан, необходимо также акцентировать внимание на здоровье и демографической ситуации, которая напрямую зависит от жилищных условий.

Имеются научные труды по теме городской и сельской комфортности в России, однако по Республике Калмыкия, где природно-экологические условия являются довольно сложными, а также имеются определенные социально-экономические проблемы, оказывающие влияние на уровень жизни населения, исследований подобного характера не проводилось. Как подчеркивают ученые, анализ комфортности проживания проводится на материалах небольших территорий в силу различий в показателях, отличающих разные территории [[Трифенова, Краснощеков 2013: 35](#)]. Непонимание особенностей жизни в различных условиях может привести к недостаточной эффективности принимаемых решений и отсутствию реальной помощи людям на местах.

В данной статье предпринимается попытка осветить важные аспекты жизни населения Республики Калмыкия, сосредоточив внимание на проблеме асимметрии развития региона. Целью статьи является анализ понимания комфортности городским и сельским населением республики, оценки факторов, влияющих на комфортность проживания в городских и в сельских условиях.

2. Материалы и методы исследования

В работе используются данные проведенного сотрудниками Калмыцкого научного центра РАН социологического опроса жителей 13 районов Республики Калмыкия и г. Элисты [ПМА 2024]. Всего было опрошено 923 респондента, из них 581 человек — жители районов республики, 342 человека — городские жители. Из них 53,7 % — женщины, 46,3 % — мужчины. 62,7 % опрошенных имеют высшее образование, 34,3 % получили среднее специальное образование, а имеющих среднее и неполное среднее образование — 3 %. Наибольшая доля опрошенных работает в бюджетной сфере (62,2 %), далее следуют те, кто работает в коммерческих организациях или у индивидуальных предпринимателей (19,4 %). Незначительное число респондентов являются студентами (5,6 %) и предпринимателями (7,7 %). Меньше всего среди участников опроса оказалось безработных (5,1 %). В районах республики наиболее распространены домохозяйства, в которых проживают два или три человека (32,6 %), а также достаточно велика доля домохозяйств, насчитывающих четыре и более членов семьи (19,1 %). В городе же наиболее распространено проживание в одиночку (14,08 %) и вдвоем (11,5 %). Среди основных анализируемых вопросов в анкете были следующие: понятие «комфортная жизнь», вопросы по удовлетворенности обеспеченностью и состоянием объектов инфраструктуры и услуг, экологической среды.

3. Общая характеристика городской и сельской местности в Республике Калмыкия

Состояние инфраструктуры является одним из ключевых факторов, определяющих комфортность проживания в городах и сельских районах Республики Калмыкия. Проведем сравнительный анализ инфраструктурных компонентов, включая транспорт, доступность социальных услуг и жилищные условия, а также оценим их влияние на уровень жизни населения.

Городская инфраструктура в Калмыкии, особенно в столице — Элисте, характеризуется относительной развитостью. Здесь имеется сеть асфальтированных дорог, общественный транспорт и доступ к различным учреждениям, включая медицинские и образовательные. Однако наличие проблем с нехваткой качественного

общественного транспорта увеличивает время в пути для многих горожан. В итоге это приводит к значительным неудобствам, особенно в часы пик [Авеева 2024: 91].

В сельских районах картина значительно отличается. Здесь часто встречаются разбитые дороги, в большинстве случаев неасфальтированные, и полное отсутствие общественного транспорта, соединяющего села и районы, села и города. Местные сельские маршруты зачастую бывают нерегулярными и недостаточно удобными, что делает передвижение из одного населенного пункта в другой крайне затруднительным. Люди вынуждены полагаться на личные автомобили или такси, что может стать значительной финансовой нагрузкой для некоторых семей [Авеева 2024: 93].

Различия в уровне доступа к социальным услугам также ярко выражены. В городе имеется большой ряд учреждений здравоохранения, которые могут предоставить широкий спектр медицинских услуг. В сельской местности медицинская помощь зачастую ограничена небольшими медицинскими пунктами, которые имеют недостаточные ресурсы и / или кадры с недостаточной квалификацией для полноценного обслуживания [Чемидова 2020: 90]. Это приводит к замедлению получения медицинской помощи и как следствие к ухудшению здоровья населения. Важным условием является и доступ к образовательным учреждениям. В городе существует высокая концентрация школ и детских садов, тогда как в сельских районах школы часто недоукомплектованы, и доступ к качественному образованию ограничен.

Кроме того, состояние коммунальной инфраструктуры также создает комфортность проживания. В городе, как правило, присутствует стабильное водоснабжение, центральное отопление и электрические сети. Однако есть и значительные проблемы, такие как недостаток высококачественных услуг по вывозу мусора, оптимизации энергоресурсов, изношенные сети, как водопроводные, так и электрические. В сельских районах часто отсутствует система централизованного водоснабжения и отопления, что делает жизнь там менее комфортной и значительно увеличивает расходы на коммунальные услуги. Однако следует отметить, что все населенные пункты Республики Калмыкия газифицированы в отличие от других регионов России.

Жилищное обеспечение также играет значительную роль в создании комфортной среды. В городах предлагаются различные варианты жилья, от частных домов до многоэтажных строений. Однако проблема доступности жилья и его качества стоит остро [Бадмаева 2022: 13]. В сельских же районах наблюдается большая доступность жилья, но жилье не всегда соответствует современным стандартам и требует серьезного ремонта.

4. Факторы, влияющие на комфортность жизни в городе и в районах Республики Калмыкия

Экологические условия в Республике Калмыкия значительно влияют на уровень комфортности проживания, оказывая непосредственное воздействие на здоровье местного населения. Регион является одной из наиболее засушливых территорий России, здесь неблагоприятные климатические условия [Кулик и др. 2020]. «Состояние почв аридной зоны, отсутствие надежных водных ресурсов, учащение таких нежелательных явлений, как пыльные бури, суховеи, усугубляющие засушливость климата, вызывают сильнейшую обеспокоенность республиканского сообщества» [Намруева 2022: 102]. Дисбаланс водных ресурсов создает дополнительное давление на окружающую среду и сельскохозяйственные практики, делая экономическую активность и повседневную жизнь более зависимой от климатических условий. В результате население сталкивается с трудностями в обеспечении базовых нужд, что обуславливает необходимость активных мер по адаптации к изменяющимся климатическим условиям.

С учетом современных вызовов, возникающих в условиях урбанизации, становится ясно, что «в последние годы развитие и ускорение процесса урбанизации приводит к острым экологическим проблемам в мегаполисах» [Бамбышева и др. 2018]. Проблемы городской экологии требуют комплексного подхода и реализации широко направленных мер для минимизации их влияния на население. Сбалансированное решение экологических и инфраструктурных проблем как в городской, так и в сельской местности позволит улучшить комфортность проживания и обеспечить устойчивое развитие региона.

4. Анализ асимметрии между городскими и сельскими условиями

Изучение комфортности жизни в различных условиях Республики Калмыкия показывает значительную асимметрию между городскими и сельскими районами, которая проявляется не только в доступности основных услуг и в развитой инфраструктурной сети, но и в общем уровне удовлетворенности населения своим жизненным пространством.

В ходе исследования был выявлен ряд значимых различий в восприятии комфортности проживания между городскими и сельскими жителями Республики Калмыкия, а также анализ собранных данных демонстрирует, что уровень удовлетворенности жизнью существенно варьируется в зависимости от места жительства, что подчеркивает существующие социальные, экономические и инфраструктурные диспропорции (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос:

«Что вы подразумеваете под комфортными условиями для проживания?» (отметьте не более трех вариантов ответа)

Варианты ответов	Город, чел.	В %	Село, чел.	В %
Наличие стабильной работы или источника дохода	177	51,97	314	54,05
Возможность проживать в безопасном и чистом районе с развитой инфраструктурой (в том числе учреждения культуры, библиотеки)	81	23,80	181	31,15
Наличие комфортного жилья, отвечающего основным потребностям и предпочтениям	127	37,44	226	38,88
Возможность поддерживать здоровый образ жизни	61	17,95	109	18,77
Возможность заниматься любимым делом или хобби	49	14,64	87	14,96

Возможность путешествовать и открывать для себя новые места	74	21,70	131	22,54
Возможность получать качественное образование и профессиональное развитие	83	24,20	144	24,79
Наличие баланса между работой, личной жизнью и отдыхом	102	29,90	111	19,10
Проживание в одном населенном пункте разных поколений семьи	16	4,70	45	7,74
Наличие в своем населенном пункте близких родственников разных поколений	20	5,80	54	9,30

Так, понятие «комфортная жизнь» напрямую связана с «наличием стабильной работы или источника дохода», при этом отсутствует существенная разница между ответами жителей города (51,97 %) и районов (54,05 %). И сельские, и городские респонденты одинаково высоко оценивают данный ответ. По остальным позициям ответы распределились почти одинаково, но при этом нужно отметить, что семейные связи более сильны у сельских жителей, последние два ответа выбирали почти в два раза чаще сельские жители, нежели городские.

Городские жители, помимо вышеуказанного пункта, вкладывают в понятие «комфортная жизнь» и возможности поддерживать здоровый образ жизни (17,95 %), и качественные условия проживания (37,44 %), и баланс между работой и личной жизнью (29,9 %). Они ценят наличие безопасной среды проживания с развитой инфраструктурой (23,8 %) и возможностей для качественного образования и профессионального развития (24,2 %).

Для сельских жителей более значимо наличие комфортных условий проживания (38,88 %) и наличие качественного образования (24,79 %). Они также больше ориентируются на возможность проживать в безопасном и чистом районе с развитой инфраструктурой (31,15 %).

Распределение ответов на вопрос «Что для Вас является комфортным жильем?» приведены в табл. 2.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Что для Вас является комфортным жильем?» (городские условия)

Варианты ответов	Город, чел.	В %
Собственная квартира в центре города	103	30,12
Собственный дом с участком	86	25,15
Собственный таунхаус	68	19,88
Арендованное жилье со всеми условиями в центре города	85	24,85

Городские жители предпочитают комфортное проживание в центральной части города. Наибольшее число респондентов (30,12 %) выбрали вариант ответа «собственная квартира в центре города», что подчеркивает важность доступности инфраструктуры и удобств городской жизни, которая сконцентрирована, как правило, в центре города. Почти четверть респондентов выбрали аренду жилья со всеми условиями в центре города (24,85 %): городские жители, несмотря на то, что аренда жилья в г. Элисте является достаточно высокой, в особенности в центре города, предпочли бы снять жилье в центре города. Однако значительная часть опрошенных (25,15 %) склоняется к наличию собственного дома с участком, что указывает на стремление к большей приватности и пространству.

Что касается предпочтений сельских жителей, то, как и ожидалось, для них комфортное жилье именно то, которое является современным и обладает всеми удобствами (см. табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Что для Вас является комфортным жильем?» (сельские условия)

Варианты ответов	Село, чел.	В %
Собственное жилье в центре	38	6,54
Собственный дом с большим участком, но без удобств	84	14,46
Дом в тихом месте, но без удобств	60	10,33

Современный дом с удобствами	308	53,01
Большой дом с современными хозяйственными постройками, но без удобств	91	15,66

Как видно из табл. 3, жители села отдают предпочтение современному дому с удобствами (52,99 %). Следующим по популярности вариантом является большой дом с современными хозяйственными постройками (15,67 %) и с большим земельным участком (14,46 %), что отражает значимость ведения хозяйства и работы на земле.

Было интересно также, что жители республики вкладывают в комфортные условия (см. табл. 4). Городские жители уделяют больше внимание планировке и функционалу жилья (21,13 %), чистоте и порядку (26,44 %), а также наличию бытовых удобств (28,92 %) и близости к социальным объектам (21,24 %). Это обусловлено плотностью застройки, небольшими площадями и необходимостью эффективного использования пространства. Сельские жители высоко ценят возможность поддерживать бытовые удобства (52,54 %), тишину и спокойствие (41,71 %) и жизнь рядом с родственниками (31,09 %), а также просторное жилье (14,52 %). Эти факторы связаны с традиционным укладом жизни, большими земельными участками и желанием сохранить связь с природой и семьей. Оба типа населения придают большое значение чистоте и удобствам, но городские жители больше сосредоточены на эффективности использования пространства, тогда как сельские жители ценят тишину и близость к семье.

При этом отвечая на вопрос «По Вашему мнению, населенный пункт, в котором Вы проживаете, скорее комфортен или не комфортен для Вас и Вашей семьи?», городские жители (67 %) и сельские (65 %) отмечают, что им достаточно комфортно в населенном пункте, где они проживают (см. табл. 5). В табл. 6 приведены данные о проблемах, которые отмечают жители республики. В городах чаще всего отмечались проблемы с состоянием зеленых насаждений (не удовлетворены 16,7 % респондентов) и вокзалов (не удовлетворены 51,2 % респондентов). В сельской местности основное недовольство вызывало состояние школ (не удовлетворены 13,7 % респондентов) и медицинского обслуживания (не удов-

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что Вы подразумеваете под комфортными условиями для проживания?» (ранжированный список, город)

Варианты ответов	Городские жители, чел.									
	1	В %	2	В %	3	В %	4	В %	5	В %
Наличие большой площади	41	4,44	21	2,28	101	10,95	63	683	74	8,02
Планировка и функциональность квартиры / дома / земельного участка	28	3,03	12	13	35	3,79	53	5,75	195	21,13
Чистота и порядок в доме и на участке	20	2,17	3	0,33	19	2,06	35	3,79	244	26,44
Наличие необходимых бытовых удобств (горячая вода, отопление, канализация / септик, туалет)	22	2,38	3	0,33	12	1,3	18	1,95	267	28,92
Близость к школе / детскому саду, работе	20	2,17	7	0,76	43	4,66	59	6,39	196	21,24
Тишина и спокойствие в районе	22	2,38	0	0	33	3,57	57	6,17	212	22,96
Удобное и функциональное размещение мебели и техники	20	2,17	13	1,41	37	4,01	45	4,87	206	22,32
Проживание детей, внуков, бабушек и дедушек поблизости	24	2,6	17	1,84	66	7,15	57	6,17	158	17,12

Таблица 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что Вы подразумеваете под комфортными условиями для проживания?» (ранжированный список, село)

Варианты ответов	Сельские жители, чел.									
	1	В %	2	В %	3	В %	4	В %	5	В %
Наличие большой площади	74	8,02	37	4,01	185	20,04	114	12,35	134	14,52
Планировка и функциональность квартиры / дома / земельного участка	51	5,53	21	2,28	64	6,93	96	10,4	354	38,35
Чистота и порядок в доме и на участке	36	3,9	6	0,65	35	3,79	64	6,93	444	48,1
Наличие необходимых бытовых удобств (горячая вода, отопление, канализация / септик, туалет)	39	4,22	6	0,65	21	2,28	32	3,46	485	52,54
Близость к школе / детскому саду, работе	36	3,9	12	1,3	78	8,45	106	11,49	354	38,35
Тишина и спокойствие в районе села	40	4,33	0	0	60	6,5	104	11,27	385	41,71
Удобное и функциональное размещение мебели и техники	36	3,9	24	2,6	67	7,26	82	8,88	374	40,52
Проживание детей, внуков, бабушек и дедушек поблизости	44	4,77	30	3,25	121	13,11	104	11,27	287	31,09

Таблица 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, Вы скорее удовлетворены или скорее не удовлетворены обеспеченностью и состоянием объектов инфраструктуры в вашем населенном пункте?»»

Варианты ответов	Городские жители, чел.				Сельские жители, чел.			
	Удовлетворен(-а)	Скорее удовлетворен(-а)	Скорее не удовлетворен(-а)	Не удовлетворен(-а)	Удовлетворен(-а)	Скорее удовлетворен(-а)	Скорее не удовлетворен(-а)	Не удовлетворен(-а)
Зеленые насаждения	79	113	96	57	133	189	161	98
Здания, строения:	45	147	107	51	73	245	178	85
Дом культуры	110	95	75	66	185	160	125	111
Культурные объекты (хурулы, церкви, па- мятники и т.д.)	132	104	67	42	223	175	112	71
Библиотека	123	135	53	36	206	227	88	60
Школа	169	84	50	44	140	84	283	74
Детский сад	163	84	48	53	272	140	80	89
Больница	92	100	69	87	154	167	115	145

Аптека	128	76	50	90	216	129	84	152
Вокзал	71	47	55	174	119	80	91	291
Парикмахерская	109	82	59	97	185	136	98	162
Парк	121	95	75	53	206	160	126	89
Столовая / кафе	89	111	68	79	150	186	112	133
Детская площадка	106	127	73	39	181	213	122	65
Спортивная площадка	103	124	64	50	177	212	108	84
Магазины	130	122	50	46	215	205	84	77

летворены 26,8 % респондентов). Это может указывать на разные приоритеты и потребности в зависимости от места проживания.

Социальные учреждения, такие как дома культуры и библиотеки, получают более высокие оценки в городах (51,7 % и 75,5 % соответственно), что может говорить о лучшем уровне их развития и доступности в городских условиях.

Аналогичные тенденции наблюдаются и в сфере образования. В селе более половины респондентов (52,6 %) скорее не удовлетворены школьным образованием, что намного превышает аналогичный показатель в городе (14,6 %). Это указывает на более высокое качество школьного образования в городе. Это различие указывает на важность дополнительного развития образовательной инфраструктуры в сельской местности, поскольку доступ к качественному образованию является критически значимым для молодого поколения.

Экологическая составляющая для жителей республики также имеет большое значение (см. табл. 7). Что касается экологической ситуации в населенных пунктах, то в сельской местности больше людей не уверены в экологической безопасности — 29,95 % против 22,22 % — в городе. В городе и селах одинаково высока доля людей, желающих узнать больше информации о экологической безопасности (30,12 % в городе и 19,28 % в селе).

Таблица 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Безопасно ли Вам жить в вашем поселке с экологической точки зрения?»

Варианты ответов	Городские жители, чел.	Сельские жители, чел.
Да, я считаю, что жить в нашем поселке с экологической точки зрения безопасно	66	130
По моим наблюдениям, экологическая ситуация в поселке вполне безопасна для жизни	97	165
С точки зрения экологии, жить в нашем поселке не совсем безопасно	76	174
Я не уверен(-а) в экологической безопасности проживания в моем поселке. Я бы хотел(-а) узнать больше информации по этому вопросу	103	112

Несмотря на то, что большая часть респондентов оценивает качество среды проживания как не удовлетворительное, заметны положительные моменты: четверть опрошенных считает эту среду хорошей. Проблемы с качеством среды проживания существуют, в особенности в сельской местности (см. табл. 8 о наличии экологических проблем), но они отрицательно оцениваются меньшинством респондентов. В данной ситуации, возможно, имеет место проявление особенности социально-психологических характеристик, которая отмечалась рядом исследователей: в условиях недостаточно комфортной среды обитания у населения может иметь место проявление социальной, поведенческой и экономической активности, и «данный феномен обусловлен стремлением человека за счет повышенной поведенческой и экономической активности создать для себя более благоприятные условия жизни и тем самым компенсировать дефицит эстетичности и комфортности среды обитания» [Мулик и др. 2019: 35].

*Таблица 8. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какие экологические проблемы, по Вашему мнению,
существуют в вашем населенном пункте?»*

Варианты ответов	Сельские жители, чел.
Опустынивание земель	185
Ухудшение состояния почв	77
Неправильная утилизация отходов, что приводит к образованию свалок и загрязнению почвы	227
Деградация пастбищ	71
Другое	21

По данным проведенного нами опроса, наиболее острой проблемой в сельской местности республики, по мнению большинства респондентов, является неправильная утилизация отходов, которая приводит к образованию свалок и загрязнению почвы. Эту проблему отметили 227 респондентов, что составляет около 39 % от общего числа участников опроса. На втором месте находится проблема опустынивания земель. Ее упомянули 185 человек, что соответствует примерно 32 % опрошенных. Ухудшение состояния почв также вызывает беспокойство у значительной части населения: об этом за-

явили 77 человек (13,3 %). Проблему деградации пастбищ выделил 71 респондент, что составляет приблизительно 12 %.

Проблема загрязнения окружающей среды в Калмыкии чрезвычайно актуальна и требует комплексного решения. В этом аспекте для изучения проблемы комфортности условий проживания необходимо обратить внимание на рекомендации ученых, по мнению которых важнейшей задачей является разработка методики количественной оценки комфортности городской среды, введение в регламентирующие документы дополнений, «которые позволят однозначно трактовать термины „комфортность“, „качество“, „привлекательность“» среды, организация действенного контроля за качеством воды, воздуха, даже акустической нагрузки [Копытенкова и др. 2020: 555].

Стоит обратить внимание на то, как отвечают на вопрос «Насколько комфортно Вам добираться?». Сельские и городские жители чаще всего отмечают, что «комфортно» или «очень комфортно добираться до работы быстро и без проблем». При этом отвечая на вопрос «Какие виды транспорта Вы используете для поездки на работу?», жители районов в большинстве случаев отмечают «пешком» (56 %), в то время как жители города пользуются автобусом (34,3 %) или собственной машиной (42,6 %). Эти различия могут объясняться особенностями инфраструктуры и расстояний между домом и работой в разных типах населенных пунктов.

Результаты опроса наглядно продемонстрировали, что для жителей Республики Калмыкия ключевыми элементами комфортного проживания являются работа с достойной оплатой труда (57,3 %), доступ к качественному медицинскому обслуживанию (21,1 %) и образованию (15,5 %). Эти данные указывают на необходимость принятия комплексных мер, направленных на улучшение экономической ситуации, развитие социальной сферы и повышение доступности важных услуг. Решение этих вопросов может значительно повысить уровень комфортности проживания и способствовать снижению миграционного оттока.

Ниже приведенные таблицы 9, 10, 11 описывают мнения сельских жителей о комфортности проживания в их населенном пункте, предпочтениях между городом и селом, а также готовности переезда в город.

Таблица 9. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Считаете ли Вы, что в селе комфортно жить?»

Варианты ответов	В %
Да	44,58
Нет	22,89
Затрудняюсь ответить	32,53

Как видно из табл. 9, чуть менее половины (44,58 %) сельских жителей считают, что в селе жить комфортно. Однако значительная часть (22,89 %) придерживается противоположной точки зрения, а еще почти треть (32,53 %) затруднились с ответом. Это указывает на неоднозначную оценку уровня комфорта в сельской местности.

Таблица 10. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«По Вашему мнению, где лучше жить: в городе или в селе?»

Варианты ответов	В %
Лучше в городе	34,94
Лучше в селе	29,52
Затрудняюсь ответить	35,54

Ответы в табл. 10 демонстрируют, что мнения сельских жителей относительно того, где лучше жить, разделились практически поровну. Почти 36 % респондентов не смогли однозначно выразить свое мнение, затруднившись с выбором. Из тех, кто определился, 34,94 % предпочли бы жизнь в городе, а 29,52 % — в селе. Это свидетельствует о том, что многие сельчане видят преимущества как в городской, так и в сельской жизни.

Таблица 11. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Вы бы переехали в город, если бы у Вас было бы равноценное по площади жилье в городе?»

Варианты ответов	В %
Да, переехал(-а) бы	51,2
Нет, меня все устраивает	30,12
Затрудняюсь ответить	18,67

Данные табл. 10 показывают, что большинство (51,2 %) сельских жителей все-таки готовы переехать в город, если бы им предложили равноценное по площади жилье. Это подтверждает наличие интереса к городской жизни, хотя почти треть (30,12 %) до-

вольна текущими условиями и не планирует переезд. Еще 18,67 % респондентов пока не имеют определенного мнения на этот счет.

5. Заключение

Комфортность проживания в регионе является важнейшим аспектом, который влияет на качество жизни населения. Исследование показало, что комфортность проживания и качество жизни в Республике Калмыкия значительно различаются между городскими и сельскими районами. Хотя эти факторы важны для благополучия населения, они не являются решающими в вопросе предотвращения миграционного оттока. Миграционные процессы зависят от множества других причин, включая экономические возможности, образовательные перспективы, социальные связи и личные предпочтения.

Обработка полученных в результате социологического опроса данных и их анализ выявили прямую зависимость ощущения комфортности, прежде всего, от стабильной работы, высокой заработной платы. Но в то же время в понятие комфортности включаются развитость инфраструктуры и доступность социальных услуг. Анализ асимметрии между городскими и сельскими условиями жизни в Республике Калмыкия демонстрирует важные различия в восприятии комфортности. Городские жители делают акцент на инфраструктуре и досуге, в то время как сельские жители ценят пространство и близость к природе.

Оба типа населения выражают общую удовлетворенность своей жизнью, однако выявляются ключевые проблемы, требующие решения. Значительное недовольство состоянием социальных и образовательных учреждений в сельской местности подчеркивает необходимость развития инфраструктуры. Важно инвестировать в образовательные и медицинские услуги, что будет способствовать улучшению качества жизни и повышению уровня удовлетворенности населения.

Сравнение мнений сельских и городских жителей о комфортности проживания выявляет неоднозначные оценки и разнообразные предпочтения. Половина респондентов из районов выражает готовность к переезду в город, что подчеркивает их стремление к лучшим условиям жизни. Однако значительная часть все еще

предпочитает сохранять связь с родным селом, что свидетельствует о ценности и уникальности сельской жизни.

Полевые материалы автора

ПМА 2024 — Опрос жителей Республики Калмыкия по проблеме комфортности проживания на территории республики, N=923 (Республика Калмыкия, апрель-май, июль 2024 г.).

Литература

- Авеева 2024 — *Авеева Б. М.* Об удовлетворенности жителей Республики Калмыкия качеством транспортного обслуживания населения (по материалам социологического исследования) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2024. № 49. С. 86–94.
- Бадмаева 2022 — *Бадмаева К. В.* Современное состояние жилищного фонда Республики Калмыкия // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2022. № 45. С. 9–14.
- Бамбышева и др. 2018 — *Бамбышева М. С., Убушаев А. Н., Манджиева А. В.* Современные строительные материалы как критерий безопасности для здоровья человека // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 26 апреля 2018 г.). Ч. 1. Стерлитамак: Агентство международных исследований, 2018. С. 14–18.
- Копытенкова и др. 2020 — *Копытенкова О. И., Леванчук А. В., Рябец В. В.* Гигиенические аспекты оценки процесса формирования комфортной городской среды // Гигиена и санитария. 2020. № 6. С. 551–556.
- Крюков, Голубева 2020 — *Крюков В. А., Голубева Е. И.* Оценка вклада экологических и социальных факторов в комфортность проживания в Москве // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2020. № 4. С. 32–41.
- Кулик и др. 2020 — *Кулик К. Н., Петров В. И., Юферев В. Г., Ткаченко Н. А., Шинкаренко С. С.* Геоинформационный анализ опустынивания Северо-западного Прикаспия // Аридные экосистемы. 2020. № 2 (83). С. 16–24.
- Мулик и др. 2019 — *Мулик А. Б., Улесикова И. В., Мулик И. Г., Назаров Н. О., Шатыр Ю. А.* Комфортность и эстетичность среды обитания в становлении фенотипического и социального статуса человека // Экология человека. 2019. № 2. С. 31–38.
- Намруева 2022 — *Намруева Л. В.* Экологическая ситуация в современной Калмыкии: междисциплинарный анализ // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 102–114. DOI: 10.25178/nit.2022.2.7
- Приказ Минрегиона — Приказ Минрегиона России от 09.09.2013 № 371 «Об утверждении методики оценки качества городской среды прожи-

вания» [электронный ресурс] // URL: https://energy.midural.ru/images/Upload/2017/101/PR_MINReg_09.09.2013_371.pdf (дата обращения 26.11.2024).

Трифонов, Краснощеков 2013 — *Трифонова Т. А., Краснощеков А. Н.* Оценка комфортности проживания населения во Владимирской области // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2013. № 3. С. 35–41.

Фомина и др. 2020 — *Фомина Н. В., Луговской А. М., Кочуров Б. И.* Оценка комфортности проживания населения (на примере г. Балаково Саратовской области) // Юг России: экология, развитие. 2020. № 5 (55). С. 140–149.

Чемидова 2020 — *Чемидова Л. С.* Удовлетворенность инфраструктурой сельских поселений Калмыкии // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2020. № 1 (40). С. 86–91.

Медицинская помощь в сельской местности Республики Калмыкия: проблемы отраслевой асимметрии в регионе

Ноган Вячеславовна Бадмаева¹

¹Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0002-4799-5506. E-mail: noganabadmaeva[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бадмаева Н. В., 2024

Аннотация. В статье анализируются проблемы оказания медицинской помощи в сельской местности Республики Калмыкия. Цель статьи — изучить ключевые аспекты качества медицинского обслуживания на селе, включая доступность, условия ожидания, отношение медицинского персонала и уровень удовлетворенности пациентов. *Материалы и методы.* Для оценки численности медицинских работников проанализированы статистические данные, предоставленные Министерством здравоохранения Республики Калмыкия по запросу Калмыцкого научного центра РАН. Для изучения вопросов качества медицинской помощи в сельской местности проведен социологический опрос сельских жителей в 13 районах Республики Калмыкия. Всего в сельской местности в апреле, мае, июле 2024 г. опрошено 580 респондентов. Проведены также интервью с главами сельских муниципальных образований (N=20). *Результаты.* Проведенное исследование показало, что проблема доступности качественной медицинской помощи является одним из факторов региональной асимметрии, поскольку в городской местности проблема доступности медицинской помощи не является столь острой. Анализ статистической информации показал имеющуюся асимметрию в распределении врачей по возрастным группам во всех районах республики. Качество медицинской помощи в сельской местности остается одним из главных вызовов для российской системы здравоохранения. Проблемы, связанные с доступностью медицинских учреждений, нехваткой квалифицированного персонала и состояни-

ем инфраструктуры, продолжают оставаться актуальными и требуют незамедлительного решения. Решение этих проблем выступает фактором сокращения неравенства в отношении здоровья граждан, проживающих в разных типах поселений.

Ключевые слова: медицинская помощь, сельская местность, обеспеченность врачами, распределение медицинских работников, удовлетворенность пациентов качеством медицинской помощи, региональная асимметрия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации: 122022700133-9).

Для цитирования: Бадмаева Н. В. Медицинская помощь в сельской местности Республики Калмыкия: проблемы отраслевой асимметрии в регионе // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 241–271. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-241-271

Medical care in rural areas of the Republic of Kalmykia: problems of sectoral asymmetry in the region

*Nogan V. Badmaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Centre of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-4799-5506. E-mail: noganabadmaeva[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Badmaeva N. V., 2024

Abstract. The article analyzes the problems of medical care in rural areas of the Republic of Kalmykia. The *purpose* of the article is to study key aspects of the quality of medical care in rural areas, including accessibility, waiting conditions, the attitude of medical staff and the level of patient satisfaction. *Materials and methods.* To assess the number of medical workers, statistical data provided by the Ministry of Health of the Republic of Kalmykia at the request of the Kalmyk Scientific Center of the RAS were analyzed. To study the quality of medical care in rural

areas, a sociological survey of rural residents in 13 districts of the Republic of Kalmykia was conducted. A total of 580 respondents were interviewed in rural areas in April, May, and July 2024. The interviews with the heads of rural municipalities were also conducted (N=20). *Results.* The study showed that the problem of the access to qualified medical care is one of the factors of the regional asymmetry, since in urban areas the problem of the access to medical care is not so acute. The analysis of the statistical information showed the existing asymmetry in the distribution of the doctors by age groups in all regions of the republic. The quality of medical care in rural areas remains one of the main challenges for the Russian healthcare system. The problems related to the availability of the medical facilities, the lack of qualified personnel and the state of the infrastructure continue to be relevant and require immediate solutions. Solving these problems is a factor in reducing inequalities in the health of the citizens living in different types of settlements.

Keywords: medical care, rural area, availability of doctors, distribution of medical workers, patient satisfaction with the quality of medical care, regional asymmetry

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700133-9 with the heads of rural municipalities “Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental Changes”

For citation: Badmaeva N. V. Problems of Providing Medical Care in Rural Areas of the Republic of Kalmykia: Distribution of the Number of Medical Workers and Population Satisfaction with Medical Care. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2024; (4): 241–271 . (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-241-271

1. Введение

Качество оказываемой медицинской помощи в сельской местности является важной темой, требующей особого внимания. В условиях ограниченного доступа к медицинским учреждениям и специалистам жители сельских территорий каждый раз сталкиваются с вызовами, которые могут негативно сказываться на их здоровье и благополучии. Исследования показывают, что удовлетворенность пациентов медицинскими услугами в сельской местности часто ниже, чем в городской, что может быть связано с недостатком ресурсов, квалифицированного персонала и необходимой инфраструктуры [Коробкова 2015: 180].

Цель статьи — изучить ключевые аспекты качества медицинского обслуживания на селе, включая доступность, условия ожидания, отношение медицинского персонала и уровень удовлетворенности пациентов. Понимание этих факторов может способствовать принятию мер по улучшению качества медицинских услуг, а также повышению доверия населения к системе здравоохранения в целом.

2. Материалы и методы

Для оценки численности медицинских работников были проанализированы статистические данные, предоставленные Министерством здравоохранения Республики Калмыкия по запросу Калмыцкого научного центра РАН. Министерство здравоохранения Республики Калмыкия предоставила данные о численности медицинских работников в государственных медицинских учреждениях республики. Для изучения вопросов качества медицинской помощи в сельской местности был проведен в апреле, мае и июле 2024 г. социологический опрос сельских жителей в 13 районах Республики Калмыкия [ПМА 2024 а]. Всего в сельской местности было опрошено 580 респондентов. Из них 70,7 % — женщины, 29,3 % — мужчины, в возрасте 18–20 лет — 6,6 %, 21–30 лет — 11,9 %, 31–40 лет — 16,6 %, 41–50 лет — 26,5 %, 51–60 лет — 29,8 %, 61–70 лет — 8,6 %. Опрос был проведен в 13 районных центрах, 38 сельских муниципальных образованиях Республики Калмыкия. Были проведены и интервью с главами сельских муниципальных образований (СМО), N=20 [ПМА 2024 б].

3. Проблемы оказания медицинской помощи в сельской местности

Проблемы оказания медицинской помощи в сельской местности являются многогранными и требуют комплексного подхода для их решения.

История вопроса оказания медицинской помощи в сельской местности в России уходит корнями к Земской реформе 1864 г., которая привела к рождению земской медицины. Земская медицина — форма медико-санитарного обеспечения главным образом сельского населения, возникла в России после отмены крепостного права [Каспрук, Медведева 2016: 28]. До принятия данного по-

ложения врачебная помощь людям, живущим в селах и деревнях, практически не оказывалась или была низкоквалифицированной и не давала желаемого результата [Тарантин 2020: 305].

В советский период сельская медицина была достаточно хорошо развита, особое внимание уделялось организации и развитию районных больниц, но проблема нехватки кадров и низкого уровня оснащения оставалась актуальной [Молчанова 2019: 69]. После распада СССР ситуация усугубилась из-за сокращения финансирования и оттока специалистов в города. Масштабное сокращение государственного финансирования, стремительное развитие рынка платных медицинских услуг, рост неравенства в распределении ресурсов стали причинами снижения доступности медицинской помощи для жителей малых поселений [Козырева, Смирнов 2018: 36]. Сегодня основными вызовами являются недостаток кадров, удаленность населенных пунктов, устаревшая инфраструктура и недостаточное финансовое обеспечение.

Одной из основных проблем является ограниченный доступ к медицинским учреждениям. В отдаленных районах часто отсутствуют необходимые медицинские учреждения, а те, что есть, могут быть недостаточно оснащены для оказания качественной помощи.

Кроме того, нехватка квалифицированного медицинского персонала также является серьезной проблемой. Многие врачи и медсестры предпочитают работать в городах, где условия труда и заработная плата более привлекательны. Это приводит к тому, что в сельских районах часто не хватает специалистов, что негативно сказывается на качестве медицинского обслуживания.

Еще одной важной проблемой является недостаточная инфраструктура. Плохие дороги и отсутствие транспортных средств затрудняют доступ пациентов к медицинским учреждениям, особенно в экстренных ситуациях. Это может привести к задержкам в оказании помощи и ухудшению состояния здоровья пациентов.

Следует отметить, что уровень информированности населения о доступных медицинских услугах и профилактических мерах часто низок. Это может приводить к тому, что жители сельских районов не обращаются за медицинской помощью вовремя, что усугубляет их состояние.

4. Количество медицинских учреждений и численность медицинских работников по районам Республики Калмыкия

Рассмотрим статистику медицинских учреждений и численность врачей и средних медицинских работников по районам республики (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение медицинских учреждений по районам, 2019–2023 гг.

Наименование медицинского учреждения	2019	2020	2021	2022	2023
РЕСПУБЛИКА КАЛМЫКИЯ					
Всего медицинских организаций	32	31	31	31	30
в том числе входящих в состав:					
Врачебная амбулатория	8	8	8	8	8
Офис врача общей практики	33	33	31	31	31
ФАП, ФП	90	95	98	98	98
ГОРОВОДИКОВСКИЙ РАЙОН					
БУ РК «Городовиковская районная больница»	1	1	1	1	1
Врачебная амбулатория	3	3	3	3	3
Офис врача общей практики	0	0	0	0	0
ФАП, ФП	12	13	13	13	13
ИКИ-БУРУЛЬСКИЙ РАЙОН					
БУ РК «Ики-Бурульская районная больница»	1	1	1	1	1
Офис врача общей практики	4	4	4	4	4
ФАП, ФП	10	10	12	12	12
ЛАГАНСКИЙ РАЙОН					
БУ РК «Лаганская районная больница»	1	1	1	1	1
Офис врача общей практики	2	2	2	2	2
ФАП, ФП	3	3	3	3	3
КЕТЧЕНЕРОВСКИЙ РАЙОН					
БУ РК «Кетченеровская районная больница»	1	1	1	1	1

Офис врача общей практики	5	5	5	5	5
ФАП, ФП	6	6	6	6	6
МАЛОДЕРБЕТОВСКИЙ РАЙОН					
БУ РК «Малодербетовская районная больница»	1	1	1	1	1
Офис врача общей практики	1	1	1	1	1
ФАП, ФП	7	7	7	7	7
ОКТАБРЬСКИЙ РАЙОН					
БУ РК «Октябрьская районная больница»	1	1	1	1	1
Офис врача общей практики	3	3	3	3	3
ФАП, ФП	3	3	3	3	3
ПРИЮТНЕНСКИЙ РАЙОН					
БУ РК «Приютненская районная больница»	1	1	1	1	1
Офис врача общей практики	3	3	3	3	3
ФАП, ФП	5	6	6	6	6
САРПИНСКИЙ РАЙОН					
БУ РК «Сарпинская районная больница»	1	1	1	1	1
Врачебная амбулатория	2	2	2	2	2
Офис врача общей практики	2	2	2	2	2
ФАП, ФП	7	7	8	8	8
ЦЕЛИННЫЙ РАЙОН					
БУ РК «Городская поликлиника»	1	1	1	1	1
Офис врача общей практики	1	1	2	2	2
ФАП, ФП	8	10	10	10	10
ЧЕРНОЗЕМЕЛЬСКИЙ РАЙОН					
БУ РК «Черноземельская районная больница»	1	1	1	1	1
Врачебная амбулатория	1	1	1	1	1
Офис врача общей практики	2	2	2	2	2

ФАП, ФП	4	4	4	4	4
ЮСТИНСКИЙ РАЙОН					
БУ РК «Юстинская районная больница»	1	1	1	1	1
Офис врача общей практики	2	2	2	2	2
ФАП, ФП	7	7	7	7	7
ЯШАЛТИНСКИЙ РАЙОН					
БУ РК «Яшалтинская районная больница»	1	1	1	1	1
Врачебная амбулатория	2	2	2	2	2
Офис врача общей практики	2	2	2	2	2
ФАП, ФП	8	8	8	8	8
ЯШКУЛЬСКИЙ РАЙОН					
БУ РК «Яшкульская районная больница»	1	1	1	1	1
Офис врача общей практики	3	3	3	3	3
ФАП, ФП	9	9	9	9	9

Источник: [\[Исх. № 5290 от 06.08.2024\]](#).

Представленная таблица 1 описывает количество медицинских учреждений Республики Калмыкия в период с 2019 г. по 2023 г., включая различные типы учреждений: врачебные амбулатории (ВА), офисы врачей общей практики (ОВОП), фельдшерско-акушерские пункты (ФАП), фельдшерские пункты (ФП), а также больницы в разных районах республики. В рассматриваемый период общее число медицинских организаций в Республике Калмыкия снизилось с 32 в 2019 г. до 30 в 2023 г.

Количество врачебных амбулаторий остается стабильным на уровне 8 организаций на протяжении всех пяти лет. Офисы врача общей практики в городском округе г. Элисты показали небольшое снижение с 33 до 31 в 2021–2023 гг., что может свидетельствовать о реорганизации или оптимизации системы здравоохранения. Численность фельдшерско-акушерских пунктов увеличилась с 90 до 98 в 2021–2023 гг., что может указывать на усилия по улучшению доступности медицинской помощи в отдельных районах.

Рассмотрим распределение медицинских работников в республике по различным показателям (см. табл. 2).

Таблица 2. Распределение медицинских работников Республики Калмыкия по полу и возрасту в 2023 г.

Медицинские работники	до 36 лет	36–45 лет	46–50 лет	51–55 лет	56–59 лет	60–64 лет	Всего
Врачи (муж.)	81	53	18	16	18	17	245
Врачи (жен.)	254	235	43	46	50	76	834
Средний медицинский персонал (муж.)	95	28	8	3	0	3	141
Средний медицинский персонал (жен.)	476	600	246	227	202	237	2 175

Источник: [Исх. № 5290 от 06.08.2024].

Общая численность врачей в республике в 2023 г. составила 1 079 (245 мужчин и 834 женщин). Общее число средних медицинских работников — 2 316 (141 мужчина и 2 175 женщин). По данным статистики обеспеченность населения врачами, работающими в государственных и муниципальных медицинских организациях (человек на 10 тыс. населения), в Калмыкии в декабре 2023 г. составила 40,65 человек, при этом общероссийский показатель составлял в это период — 41,52 человека [Обеспеченность населения врачами...].

Обеспеченность населения средними медицинскими работниками, работающими в государственных и муниципальных медицинских организациях (человек на 10 тыс. населения), в Калмыкии в декабре 2023 г. составила 88,89 человек, что выше общероссийского показателя — 88,18 человек [Обеспеченность населения средними...].

В группе врачей наблюдается значительное количество женщин в возрасте до 36 лет (254), что может указывать на приток молодых специалистов в профессию. Среди средних медицинских работников женщин также значительно больше, особенно в возрастной категории до 36 лет (476). В возрастной группе 60–64 года количество

мужчин среди врачей (17) и средних медицинских работников (3) значительно меньше, чем женщин (76 и 237 соответственно).

Таким образом, распределение медицинских работников по полу и возрасту демонстрирует преобладание женщин среди медицинских работников, как среди врачей, так и среди средних медицинских работников. По данным Минздрава России, подавляющее большинство медицинских работников — женщины, среди врачей их — более 70 %, а среднего медицинского персонала — 95 % [Женская профессия:..]. Социологическое исследование среди женщин-врачей показало, что женщины-врачи «лучше понимают пациентов и способны сопереживать им в большей степени, чем мужчины», а преобладание женщин в структуре оказания первой медицинской помощи является гендернообоснованным [Ленина, Степанова 2017: 486].

Наблюдается также высокая доля молодых специалистов в возрасте до 36 лет, что может свидетельствовать о положительной динамике в привлечении новых кадров в медицинскую сферу.

Анализ численности медицинских работников (врачей и средних медицинских работников) по районам Республики Калмыкия показал, что по всем районам наблюдается значительное преобладание женщин как среди врачей, так и среди средних медицинских работников (см. табл. 3).

Таблица 3. Распределение врачей и средних медицинских работников по районам Республики Калмыкия

Район	Численность населения, чел.	Численность врачей, чел.	Численность средних медицинских работников, чел.
Городовиковский	13 573	30	83
Ики-Бурульский	9 992	22	69
Лаганский	18 650	31	83
Кетченеровский	8 588	23	62
Малодербетовский	9 256	27	58
Октябрьский	7 654	18	49
Приютненский	9 468	19	58
Сарпинский	11 466	20	67
Целинный	20 296	32	68
Черноземельский	11 850	15	62

Юстинский	8 903	20	55
Яшалтинский	14 402	18	81
Яшкульский	15 057	33	83

Источник: [Исх. № 5290 от 06.08.2024; Оценка численности населения...].

Наибольшее количество врачей — в Яшкульском (33), Целинном (32) и Лаганском районах (31). Наименьшее количество врачей — Черноземельском (15), Октябрьском (18) и Яшалтинском районах (18). Наибольшее количество среднего медицинского персонала отмечается в Городовиковском, Лаганском и Яшкульском районах — по 83 сотрудника. Наименьшее количество — в Октябрьском (49), в Малодербетовском (58) и Приютненском районах (58).

В целом можно отметить, что наибольшее число врачей и среднего медицинского персонала отмечается в самых многочисленных районах республики, а наименьшее — в малочисленных районах республики.

Большинство врачей находятся в возрастной группе до 36 лет (28 чел.). Следующая по численности группа — это врачи старше 65 лет (18 чел.). Таким образом, большинство врачей в рассматриваемых районах являются молодыми специалистами (до 36 лет), а вторая по величине группа — пожилые специалисты (65 лет и старше).

По нашему мнению, такое распределение является результатом функционирования государственных программ по поддержке молодых врачей, а также программ по развитию сельских территорий. Однако, как показывают приведенные данные, численность врачей в возрастной группе старше 36 лет значительно сокращается — это может свидетельствовать о том, что после завершения действий контракта молодые специалисты увольняются из сельских медицинских учреждений.

Такой возрастной разрыв в представленности врачей в районах республики можно объяснить и тем фактом, что в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в России прекращается обязательное распределение студентов-выпускников медицинских вузов [Пузанова, Хуртина 2014: 148]. В этой связи у представителей средней возрастной группы отсутствовала мотивация уезжать работать в сельскую

местность, в их профессиональной культуре отсутствовало понятие «работа по распределению».

5. Проблемы медицинского обеспечения по данным интервью с главами сельских муниципальных образований

Результаты интервью с главами СМО показали точечные проблемы как работы фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП), так и самостоятельного решения сельскими жителями вопросов посещения медицинских учреждений. Так, во многих сельских муниципальных образованиях построенные новые модульные ФАПы пустуют. Это связано с отсутствием кадров: либо нежеланием молодежи работать в сельской местности, либо переездом фельдшеров в районный центр или город. В основном это небольшие поселки, они могут быть как отдаленные, так и находящиеся недалеко от столицы республики — г. Элисты. Как отметил глава одного из СМО, некоторые ФАПы, можно сказать, «держатся» за счет фельдшеров, которые «проработали там всю свою жизнь».

Один из глав сельского муниципального образования отмечает, что при равноудаленности их поселка от г. Элисты и от крупного села соседнего региона жители его поселка предпочитают получить медицинскую консультацию или помощь в другом регионе.

В данном случае мы наблюдаем пример пространственной асимметрии в доступе к медицинским услугам между двумя регионами. Асимметрия проявляется в том, что жители одного населенного пункта предпочитают получать медицинские услуги за пределами своего региона, несмотря на то, что географически они находятся примерно на одинаковом расстоянии до двух возможных точек получения этих услуг. Жители выбирают медицинский центр в соседнем регионе потому, что там стоимость приема врачей и сдачи анализов ниже, чем в г. Элисте. Это может свидетельствовать о различиях в ценовой политике медицинских учреждений разных регионов, а также о возможном наличии государственных субсидий или иных форм поддержки для снижения стоимости медицинских услуг в одном из регионов. Возможно, что, помимо цены, важную роль играет качество предоставляемых медицинских услуг. Если в соседнем регионе оно выше, то даже при равной удаленности люди могут предпочесть поездку туда ради лучшего

обслуживания. Несмотря на равную удаленность, логистика поездок в разные регионы может отличаться. Возможно, добраться до медицинского центра в соседнем регионе проще и быстрее, что делает этот вариант предпочтительным.

Таким образом, если по данным статистики в каждом сельском населенном пункте есть медицинское учреждение — в основном фельдшерско-акушерский пункт или фельдшерский пункт, то по факту не всегда он является «рабочим», «само здание есть, а никто там не работает» [ПМА 20246].

6. Удовлетворенность сельского населения качеством медицинской помощи

Рассмотрим результаты социологического опроса по удовлетворенности сельского населения работой сельских медицинских организаций.

В первую очередь нами был задан вопрос, обращались ли респонденты в медицинские учреждения за последние полгода. Почти 80 % опрошенных респондентов за последние полгода обращались за помощью в медицинские учреждения. Результаты ответа на данный вопрос также говорят о высоком проценте обращаемости сельских жителей за медицинской помощью.

На вопрос о времени ожидания приема 78 % опрошенных ответили, что не испытывали серьезных задержек при обращении в медицинское учреждение. Однако почти 16 % респондентов сталкивались с длительными ожиданиями, 6 % респондентов затруднились ответить.

Рассмотрим отношение медицинского персонала к пациентам во время приема (см. табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Какое отношение к Вам со стороны медицинского персонала чаще всего бывает во время приема?»

Медицинский работник	Корректное, %	Грубое, %	Безразличное, %
Врач	90,7	0,7	8,6
Фельдшер	92,1	0,7	7,2
Медицинская сестра / брат	93,4	—	6,6

Из данных таблицы 4 видно, что в целом пациенты довольны отношением медицинского персонала с преобладанием корректного обращения. Грубое и безразличное поведение встречается крайне редко среди всех категорий работников, что является положительной тенденцией в сфере здравоохранения. Это, вероятно, обусловлено тем, что в сельской местности многие жители знакомы друг с другом, поэтому врачи стремятся поддерживать хорошую репутацию среди местного сообщества. Это, возможно, связано с тем, что в селе все жители знают друг друга. Поэтому врачи заботятся о своей репутации.

На вопрос о получении всей необходимой информации во время обращения в медицинское учреждение более 73,5 % дали положительный ответ, что получили помощь оперативно и в полном объеме. При этом 22,5 % ответили отрицательно.

34,4 % респондентов отметили, что нагрузка на медицинских работников является очень большой, хотя 63 % опрошенных респондентов считают ее нормальной. Последнее наиболее распространенное мнение среди опрошенных и может указывать на то, что в глазах большинства пациентов медицинские работники могут справляться со своими обязанностями, не испытывая чрезмерного стресса. Только 2,6 % респондентов ответили, что нагрузка низкая. Таким образом, более 97 % опрошенных выражают мнение о нагрузке медицинских работников как большой или нормальной.

Тем не менее мнение более трети пациентов о том, что нагрузка велика, может указывать на необходимость дополнительного внимания к условиям труда медицинского персонала, а также на важность обеспечения достаточного количества работников для обеспечения качественного медицинского обслуживания в условиях растущих потребностей населения.

Нагрузка на врачей — одна из ключевых тем, которая обсуждается как среди медицинского сообщества, так и среди пациентов. Вопросы чрезмерной нагрузки, её влияния на здоровье самих врачей и качество оказываемой ими помощи вызывают беспокойство и становятся предметом многочисленных исследований и обсуждений. Исследования в других регионах показали, более 30 % врачей, работающих в сельской местности, оценили уровень профессионального выгорания как «крайне высокий», почти 40 % — как

«высокий», более 17 % — как «средний», 13 % — как «низкий» [Низова, Кислицына, Иванова 2018: 138].

Рассмотрим оценку пациентами работы медицинских работников на участке (врача-терапевта или фельдшера) (см. табл. 5).

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, работу вашего медицинского работника (врача-терапевта или фельдшера, который работает на вашем участке)»

Вариант ответа	%
Выполняет работу отлично, дает подробные рекомендации	62,3
Общается формально	35,1
Другое	2,6

По данным, представленным в таблице 5, мы видим, что 62,3 % респондентов оценили работу медицинского работника как отличную. Такой результат свидетельствует о том, что большинство пациентов удовлетворены качеством медицинской помощи и считают, что врач или фельдшер предоставляет исчерпывающую информацию и рекомендации по лечению и профилактике заболеваний. При этом 35,1 % респондентов отметили, что коммуникация с медицинским работником происходит формально. Это может говорить о том, что некоторые пациенты не ощущают близкого и индивидуального подхода со стороны врача, что может негативно сказываться на общем впечатлении о медицинских услугах.

Результаты ответов на первую группу вопросов показали положительное отношение сельского населения к работающим в их населенных пунктах медицинским работникам. В целом можно отметить, что сельские жители ценят труд медицинских работников, понимают, что, оставаясь работать в определенном населенном пункте медицинский работник, возможно, осознанно живет и работает в менее комфортных условиях, чем в городе или в другом регионе. Такие результаты были получены и в других исследованиях. Например, Т. В. Блинова, А. А. Вьяльшина и В. А. Русановский отмечают, что «сельчане, в особенности жители отдаленных поселений, получают меньшие объемы медицинской помощи, но проявляют большую терпимость к недостаткам в организации медицинских услуг» [Блинова и др. 2020: 56].

Рассмотрим, каких врачей-специалистов, по мнению респондентов, не хватает в медицинских учреждениях республики, и они вынуждены посещать этих специалистов в других городах (см. табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Для посещения каких специалистов Вы предпочли бы посетить медицинское учреждение в другом городе?»

Специализация врача	%
Кардиолог	58,9
Невролог	47,0
Эндокринолог	59,6
Уролог	33,8
Хирург	32,5
Отоларинголог	33,1
Офтальмолог	47,0
Гинеколог	29,8
Другой врач	4,6
Затрудняюсь ответить	12,6

Результаты показывают, что наиболее востребованными специалистами для посещения в другом городе являются кардиологи, эндокринологи, неврологи и офтальмологи. Именно в этих врачах-специалистах нуждаются жители сельских территорий. К примеру, в Нижегородской области, эндокринологи, офтальмологи, кардиологи, неврологи и хирурги являются наиболее востребованными среди специалистов мобильных бригад, выезжающих в сельские районы [[Пациенты «Поездов здоровья»...](#)]. Это подчеркивает важность качественного медицинского обслуживания в указанных областях и возможную необходимость улучшения доступа к таким специалистам в районных центрах республики и г. Элисте.

При необходимости получения экстренной медицинской помощи более 41 % респондентов самостоятельно решают эту проблему, предпочитая добираться до ближайшей больницы на собственном транспорте.

Анализируя ответы на вопрос о времени ожидания приезда скорой медицинской помощи после звонка, можно сделать следующие выводы (см. табл. 7). Большинство респондентов (45,7 %) указали, что бригада скорой помощи приезжает в течение

ние первых 20 минут после вызова. Это свидетельствует о достаточно оперативной реакции службы скорой помощи в большинстве случаев. Еще 21,9 % участников сообщили, что ожидание составляет до 45 минут. Этот интервал также можно считать приемлемым временем реагирования, учитывая возможные факторы, такие как загруженность дорог или удаленность сельского муниципального образования. Доля тех, кто ожидает более одного часа, невелика — всего 3,3 %. Минимальное число респондентов (1,3 %) столкнулось с ситуацией, когда ожидание составило более двух часов. Таким образом, большинство респондентов отметили, что ожидают приезда скорой помощи в пределах разумного времени — до 20–45 минут. Тем не менее существуют исключения, когда ожидание затягивается, что может вызывать беспокойство у пациентов (см. табл. 7).

Исследователи в других регионах также отмечают, что сельское население находится в худших условиях из-за своего удаления от различных медицинских организаций, плохой транспортной и дорожной инфраструктуры. Выезд к больному в сельской местности может занять больше времени, чем выезд к больному в черте крупных населенных пунктов (больше нормативного времени в 20 минут) [Петухов 2022: 19].

Отметим, что результаты ответов на этот вопрос касаются в основном пациентов районных центров, поскольку у них есть возможность вызвать скорую помощь. Жители же других сельских муниципальных образований такой возможности не имеют и решают проблему получения медицинской помощи, к сожалению, самостоятельно.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Сколько примерно времени проходит с момента обращения по телефону до приезда бригады скорой медицинской помощи?»

Вариант ответа	%
До 20 минут	45,7
До 45 минут	21,9
Более 1 часа	3,3
Более 2 часов	1,3
Не обращался	27,8

Данные опроса свидетельствуют о том, что только 6 % респондентов полностью удовлетворены уровнем оснащенности выездной бригады скорой помощи, в то время как более 60 % остаются либо неудовлетворенными, либо имеют смешанные чувства по этому поводу. Это подчеркивает наличие проблем в оснащенности, которые необходимо решать в целях улучшения качества оказания медицинской помощи. Высокий процент недовольства также может указывать на необходимость дальнейшего анализа и повышения внимания к вопросам, связанным с материально-техническим обеспечением скорой медицинской помощи.

Анализ данных о том, приходилось ли респондентам использовать личные денежные средства для оплаты приезда скорой медицинской помощи, показал следующие результаты. Подавляющее большинство респондентов (87,4 %) никогда не использовали личные денежные средства для оплаты приезда скорой медицинской помощи. Это подтверждает, что в большинстве случаев услуги скорой помощи предоставляются бесплатно. Однако небольшая часть респондентов (9,9 %) отметила, что им приходилось оплачивать приезд скорой помощи. Еще меньший процент сельских жителей (2,7 %) указал, что оплачивал бензин для бригады скорой помощи. Это может происходить в редких случаях, когда медицинская служба вынуждена использовать личный транспорт для выезда на вызов, что обычно случается в отдаленных или труднодоступных районах.

В целом данные свидетельствуют о том, что система бесплатной скорой медицинской помощи в основном функционирует эффективно, однако есть отдельные случаи, когда пациентам приходится нести дополнительные расходы.

Оценивая результаты опроса об оптимизации сети медицинских учреждений в сельском населенном пункте за последние годы, можно сделать следующие выводы. Больше всего респондентов (40,4 %) считают, что ситуация ухудшилась. Это может свидетельствовать о сокращении числа медицинских учреждений, снижении доступности медицинской помощи или ухудшении качества предоставляемых услуг. Пятая часть участников опроса (20,5 %) отметила, что ничего не изменилось, что указывает на стабильность, но также и на отсутствие значимых улучшений в сфере

здравоохранения. Почти 20 % отметили, что ситуация улучшилась. Это может быть результатом открытия новых медицинских учреждений, модернизации существующей инфраструктуры или внедрения новых программ и технологий (см. табл. 8).

В целом преобладающее мнение заключается в том, что оптимизация сети медицинских учреждений в селе ухудшилась, что вызывает озабоченность и требует внимания со стороны органов здравоохранения и местного самоуправления.

Таблица 8. Как Вы оцениваете оптимизацию сети медицинских учреждений в вашем селе за последние годы/десятилетия

Вариант ответа	%
Улучшилась	19,9
Ухудшилась	40,4
Осталась прежней	20,5
Затрудняюсь ответить	19,2

Анализ ответов респондентов на этот вопрос по возрастным группам показал, что существует возрастная дифференциация в оценке оптимизации здравоохранения и работы медицинских учреждений в сельской местности. По мнению молодежи (6,4 % респондентов в возрасте 18–20 лет, 10,2 % респондентов в возрасте 21–30 лет, 3,1 % респондентов в возрасте 31–40 лет) ситуация улучшилась, при этом респонденты в старших возрастных группах выразили мнение, что ситуация ухудшилась (7,6 % респондентов в возрасте 31–40 лет, 12,4 % респондентов в возрасте 41–50 лет, 14,6 % респондентов в возрасте 51–60 лет, 5,4 % респондентов в возрасте 61 лет и старше). Таким образом молодое поколение считает, что по сравнению с 2000-ми гг. ситуация сейчас намного лучше, а старшее поколение считает, что по сравнению с советским периодом ситуация сейчас намного хуже.

Рассмотрим, какие улучшения отметили респонденты (см. табл. 9).

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос «Если произошли улучшения в работе медицинских учреждений, то скажите, какие?»

Изменения	%
Построили новое здание	39,1
В медицинском учреждении сделали ремонт	28,5

В районных больницах появились некоторые «узкие» специалисты	24,5
Появилось диагностическое оборудование	11,3
Появилась возможность проводить лабораторные исследования	4,0
Проводится диспансеризация населения	24,5
Приступил к работе высококлассный специалист	2,6
Другое	3,3

Распределение ответов респондентов, представленной в табл. 9, показало, что среди положительных изменений в работе медицинских учреждений выделяются следующие аспекты: наиболее значимым изменением стало строительство новых зданий для медицинских учреждений, что отметили 39,1 % респондентов. Новые здания обеспечивают современные условия для предоставления медицинских услуг и повышают комфорт как для пациентов, так и для медицинского персонала. Почти треть участников (28,5 %) отметили проведение ремонтных работ, что также улучшает условия пребывания пациентов и работы медиков. Четверть респондентов (24,5 %) указали на появление узкопрофильных специалистов в районных больницах. Это существенно расширяет спектр предоставляемых медицинских услуг и повышает их качество. Четверть респондентов (24,5 %) отметили начало проведения диспансеризации населения. Регулярные медицинские осмотры позволяют выявлять заболевания на ранних стадиях и предотвращать их дальнейшее развитие. Появление диагностического оборудования отметили лишь 11,3 % респондентов, что говорит о проблеме оснащения районных больниц современным оборудованием. Всего несколько человек (2,6 %) отметили приход высококлассных специалистов, что также подтверждает проблему кадрового обеспечения сельских населенных пунктов. В целом результаты опроса демонстрируют стремление к повышению качества медицинских услуг в сельской местности, что важно для поддержания здоровья населения.

Рассмотрим мнения респондентов о качестве медицинской помощи в их населенном пункте (см. табл. 10).

Таблица 10. Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, в вашем населенном пункте за последние десятилетия качество медицинской помощи как изменилось?»

Вариант ответа	%
Улучшилось	18,5
Ухудшилось	31,8
Осталось прежним	33,1
Затрудняюсь ответить	16,6

На основании представленных в таблице 10 данных можно сделать следующие выводы о восприятии жителями качества медицинской помощи в их населенном пункте за последние десятилетия. Почти треть респондентов (31,8 %) считает, что качество медицинской помощи ухудшилось. 33,1 % респондентов полагают, что качество медицинской помощи осталось на прежнем уровне. 18,5 % респондентов отметили улучшение качества медицинской помощи. В целом мнения респондентов разделились, но среди респондентов преобладает ощущение, что качество медицинской помощи либо ухудшилось, либо осталось на прежнем уровне. Сельские жители других регионов также выражают недовольство качеством медицинской помощи [[Якушин и др. 2024: 22](#)].

Оценивая модернизацию здравоохранения в других регионах у сельчан по вопросу качества медицинской помощи доля оценок «снизилось» преобладает над долей оценок «повысилось». Следует подчеркнуть, что значительная часть опрошенных (до 54 %) каких-либо изменений в сфере здравоохранения за обсуждаемый период не отмечает [[Шабунова, Кондакова 2014: 11](#)].

Данные опроса позволяют проследить, что, по мнению респондентов, повлияло на улучшение качества медицинской помощи в их населенном пункте (см. табл. 11).

Таблица 11. Распределение ответов на вопрос «Если качество медицинской помощи улучшилось, то скажите, что именно?»

Вариант ответа	%
Появился постоянный участковый врач	9,9
Открылся ФАП	22,5
В районных больницах появились некоторые врачи — узкие специалисты	31,8

Появилось диагностическое оборудование	11,3
Появилась возможность проводить лабораторные исследования	4,0
Проводится диспансеризация населения	46,4
Другое	6,0

Результаты опроса показали, что большинство респондентов отмечают положительные изменения в качестве медицинской помощи, особенно в отношении проведения диспансеризации населения и появления узких специалистов в районных больницах. Исследования показывают, что для сельских жителей диспансеризация является важной возможностью получения медицинской помощи. Сельчане активнее городских жителей проходят диспансеризацию, однако сельским жителям приходится проходить диспансеризацию, посещая медицинское учреждение два или три раза, а некоторые и больше [Попов 2024]. Это свидетельствует о стремлении к улучшению доступности и качества медицинских услуг. Однако важно продолжать работу над другими аспектами медицинского обслуживания, чтобы удовлетворить потребности населения.

Результаты опроса показали, что в районных медицинских учреждениях наблюдается значительная нехватка врачей — узких специалистов, особенно кардиологов, эндокринологов и урологов. Это подчеркивает необходимость улучшения доступа к специализированной медицинской помощи для населения, что может способствовать повышению качества медицинских услуг и улучшению здоровья населения в целом.

Рассмотрим также, в какие учреждения, частные или государственные, предпочитают обращаться респонденты при сдаче медицинских анализов. Данные показывают, что 47,7 % опрошенных сельских жителей предпочитают обращаться в государственные учреждения для сдачи анализов. Это может свидетельствовать о доступности и бесплатности услуг, предоставляемых государственными медицинскими учреждениями. Однако более 52 % респондентов отметили, что выбирают для сдачи анализов частные учреждения. По результатам исследований в других регионах качество медицинских услуг в частных организациях оценивают выше, чем в государственных [Груздева, Калачикова 2018: 68]. Это свидетельствует о том, что частные

медицинские учреждения становятся все более популярными среди населения, вероятно, благодаря удобству, скорости обслуживания и качеству предоставляемых услуг. В целом результаты опроса показывают, что предпочтения пациентов при сдаче анализов распределены почти поровну между государственными и частными медицинскими учреждениями, с небольшим перевесом в пользу частных. Это подчеркивает значимость как государственного, так и частного сектора в обеспечении медицинских услуг и удовлетворении потребностей населения.

Анализ данных о времени ожидания результатов исследований (анализов) показывает следующие результаты (см. табл. 12).

Таблица 12. Распределение ответов на вопрос «Сколько приходится ожидать результатов исследований (анализы)?»

Медицинское учреждение	Несколько часов, %	Один день, %	Несколько дней, %
Государственное	9,9	43,7	37,1
Частное	36,4	43,7	13,2

По результатам, представленным в таблице 12, видно, что большинство респондентов как в государственных, так и в частных медицинских учреждениях ожидают результаты анализов в течение одного дня. Однако в государственных учреждениях наблюдается более высокая доля респондентов, ожидающих результаты в течение нескольких дней, в то время как частные учреждения обеспечивают более быстрое получение результатов для значительной части пациентов. Это может указывать на различия в эффективности работы государственных и частных медицинских учреждений и подчеркивает важность улучшения процессов в государственных клиниках для повышения удовлетворенности пациентов.

Результаты опроса показали, что большинство респондентов (48,4 %) оценивают оснащенность медицинских учреждений как плохую, что подчеркивает необходимость улучшения материально-технической базы. Более трети респондентов (34,4 %) считает, что оснащение оборудованием медучреждений лишь частично удовлетворяет потребности, что также указывает на наличие проблем. Небольшая доля респондентов оценивает ситуацию как хорошую, что может свидетельствовать о наличии отдельных учреждений с современным оборудованием. Распределение ответов

респондентов подчеркивает важность инвестиций в обновление и модернизацию медицинского оборудования для повышения качества медицинских услуг. Исследователи отмечают, что низкие показатели здоровья сельского населения являются результатом слабого материально-технического и кадрового обеспечения сельского звена здравоохранения [Якушин и др. 2023: 27].

Далее рассмотрим удовлетворенность респондентов прохождением стационарного лечения (см. табл. 13).

*Таблица 13. Распределение ответов на вопрос
«Приходилось ли Вам проходить лечение в стационаре?»*

Вариант ответа	%
Проходил лечение в режиме стационара круглосуточного пребывания	37,1
Проходил лечение в режиме дневного стационара	33,1
Не обращался за получением помощи в стационаре	29,8

Почти 40 % респондентов проходили лечение в стационаре как круглосуточного, так и дневного пребывания. При этом почти 30 % опрошенных не обращались за стационарной помощью, что может указывать на наличие альтернативных методов лечения или отсутствие серьезных заболеваний. Эти данные подчеркивают важность доступности стационарной помощи для пациентов, нуждающихся в более интенсивном лечении.

Результаты опроса показали различные уровни удовлетворенности пациентов условиями и сервисом в приемном покое больницы в день госпитализации. 33,1 % респондентов выразили полное удовлетворение продолжительностью ожидания, условиями и отношением персонала. Это положительный показатель, говорящий о том, что значительная часть пациентов довольна качеством обслуживания. Почти половина участников (47 %) указала частичное удовлетворение, что может свидетельствовать о наличии определенных недостатков, которые, однако, не вызывают сильного недовольства. 16,6 % респондентов скорее не удовлетворены условиями и обслуживанием. Это указывает на наличие существенных проблем, которые требуют внимания и исправления. 3,3 % участников полностью не удовлетворены своим опытом в приемном покое. Несмотря на небольшой процент, это все же сигнал о необходимости улучшения отдельных аспектов работы.

В целом большинство пациентов выражают умеренную или полную удовлетворенность, что является положительным моментом. Однако значительное количество частично неудовлетворенных и совсем неудовлетворенных пациентов требует внимания со стороны администрации больницы для устранения недостатков и повышения общего уровня сервиса.

Оценка действий персонала больницы по уходу за пациентами во время их пребывания демонстрирует следующую картину:

- «Отлично»: 10,6 % респондентов оценили действия персонала как отличные. Это свидетельствует о высоком уровне ухода и внимательного отношения к пациентам в некоторых случаях;
- «Хорошо»: более трети участников (40,4 %) дали персоналу хорошую оценку, т. е. большинство пациентов довольны уровнем обслуживания и ухода;
- «Удовлетворительно»: немногим меньше половины респондентов (42,4 %) оценили действия персонала удовлетворительно, что может говорить о наличии определенных недочетов, которые не критичны, но требуют внимания;
- «Крайне плохо»: 6 % участников остались крайне недовольны действиями персонала. Такой результат указывает на значительные недостатки в уходе за пациентами, которые требуют немедленного вмешательства и коррекции;
- «Плохо»: лишь 0,6 % респондентов оценили уход как плохой. Это минимальный процент, но он также заслуживает внимания, так как любой негативный опыт может повлиять на общее восприятие качества медицинских услуг.

Таким образом, оценка действий персонала по уходу варьируется от отличной до крайне плохой, с наибольшим количеством отзывов в диапазоне «хорошо» и «удовлетворительно». По нашему мнению, несмотря на то, что большая часть пациентов довольна работой персонала, существует пространство для улучшения, особенно в тех случаях, когда пациенты оценивают уход как неудовлетворительный или крайне плохой. К примеру, качеством оказываемой медицинской помощи в круглосуточном стационаре в сельской местности Саратовской области удовлетворены 48 (47,1 %) человек, частично удовлетворены 35 (34,3 %), не удовлетворены 17 (16,7 %) [Блинова и др. 2021: 211].

Результаты опроса показывают, что большинство пациентов столкнулись с необходимостью приобретения лекарственных средств за свой счет во время пребывания в медицинской организации (см. табл. 14).

Таблица 14. Распределение ответов на вопрос «Возникла ли у Вас во время пребывания в медицинской организации необходимость приобретать лекарственные средства, необходимые для лечения, за свой счет?»

Вариант ответа	%
Да, в качестве лучшей альтернативы лечения бесплатными лекарствами	9,9
Да, так как нужных лекарств не было в наличии	81,5
Нет, нужные лекарства предоставлялись бесплатно	4,0
Не возникало необходимости приема лекарственных средств	4,6

По результатам, представленным в таблице 14, видим, что основная масса респондентов (81,5 %) указала, что им пришлось покупать лекарства, потому что их не было в больнице. Это может свидетельствовать о проблемах с обеспечением медицинских учреждений необходимыми препаратами. 9,9 % участников опроса приобретали лекарства за свой счет, считая их более эффективными по сравнению с теми, которые предлагались бесплатно, что может отражать сомнения в качестве бесплатных препаратов или желание получить лучшее лечение. Лишь 4 % респондентов получили все необходимые лекарства бесплатно. Это указывает на то, что в некоторых случаях система обеспечения работает хорошо. Таким образом, подавляющее большинство пациентов вынуждены были приобретать лекарства за свой счет, что подчеркивает существующие проблемы с обеспечением медицинских организаций необходимыми препаратами.

По результатам опроса было также выявлено, что 81,5 % респондентов указали, что им приходилось оплачивать дополнительные диагностические исследования за свой счет во время пребывания в медицинской организации. Это свидетельствует о том, что значительная часть пациентов сталкивается с дополнительными финансовыми затратами на диагностику, помимо основного лечения. Только 18,5 % участников отметили, что не имели необходимости

оплачивать такие исследования. Это может говорить о различиях в доступе к бесплатным услугам или о разной потребности в дополнительных исследованиях в зависимости от конкретного случая.

7. Результаты

По данным статистики в каждом сельском населенном пункте есть медицинское учреждение, в основном фельдшерско-акушерский пункт или фельдшерский пункт, но по факту не всегда он является «рабочим». В целом по республике большинство из 1 079 врачей находятся в возрастной группе до 36 лет (335 человек), следующая по численности группа — это врачи в возрасте 35–45 лет (288 человек); другие возрастные группы показывают небольшую разницу (61 чел. в возрасте 46–50 лет, 62 чел. — 51–55 лет, 68 чел. — 56–59 лет, 73 чел. — 60–64 лет). Но при этом только 28,5 % врачей (308 человек) работают в 13 районах республики, и распределение врачей по возрасту в районах республики показывает иную картину. Из 308 врачей по численности самую большую группу составили врачи в возрасте до 36 лет (28 человек), а следующей по численности является группа врачей старше 65 лет (18 человек). Всего в республике по данным Росстата на 2024 г., 266 770 человек, тогда как, согласно приведенным в табл. 3 данным, в районах республики проживает 159 155 человек (т. е. 59,67 %). При этом всего в республике работают 1 079 врачей и 2 316 средних медицинских работников, из них в районах республики — 308 врачей и 878 человек среднего медицинского персонала. Такая картина свидетельствует прежде всего о недостаточной обеспеченности средним медицинским персоналом, ведь на 59,67 % населения в районах республики приходится 36 % всех средних медицинских работников. Гораздо хуже ситуация с врачами в сельской местности: там работают всего 28 % врачей от общей численности в республике. При этом вторая по численности группа районных врачей в недалеком будущем не сможет продолжить работу, и открытым остается вопрос о том, останутся ли работать в районах молодые врачи, превосходящая по численности группа которых явно связана своим происхождением с принятием специальных программ типа «Земский доктор». Таким образом, остро стоит проблема закрепления кадров на селе, тогда как из-

вестно, что тенденция к миграции из сельской местности в город довольно значительна.

Проведенный опрос сельских жителей по проблеме удовлетворенности получением медицинской помощи затрагивает важные аспекты качества медицинской помощи в сельской местности, включая проблемы с доступностью, квалификацией персонала и состоянием инфраструктуры.

Одним из ключевых барьеров для получения качественной медицинской помощи в сельской местности является физическая удаленность от медицинских учреждений. В некоторых случаях жителям приходится преодолевать еще большее расстояние, что особенно проблематично для пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями.

Еще одна серьезная проблема — нехватка квалифицированных медицинских специалистов. Согласно исследованию, в менее чем половине сельских населенных пунктах имеются офисы врача общей практики. При этом результаты опроса показали проблему нехватки врачей — узких специалистов. Таким образом, не все сельские жители могут получить базовую медицинскую помощь, и острой проблемой остается возможность получения консультации узкопрофильных специалистов.

Наибольшую неудовлетворенность вызывают проблемы оснащения скорой помощи, необходимость покупки лекарств за собственный счет при нахождении в дневном стационаре сельской или республиканской больницы.

Многие сельские медицинские учреждения находятся в старых помещениях, нуждаются в капитальном ремонте. Это создает дополнительные сложности для медицинского персонала и ухудшает условия приема пациентов. При этом даже в новом модульном медицинском пункте — офисе врача общей практики или в ФАПе, может быть нехватка медицинских работников, оснащения и расходных материалов.

Таким образом, проблемы качества медицинской помощи в сельской местности многообразны и требуют комплексного подхода для их решения. Важно учитывать специфику каждой территории и разрабатывать индивидуальные стратегии улучшения медицинской инфраструктуры и кадрового потенциала.

8. Выводы

Проведенное исследование показало, что проблема доступности качественной медицинской помощи является одним из факторов региональной отраслевой асимметрии, поскольку в городской местности проблема доступности медицинской помощи не является столь острой.

Анализ статистической информации показал имеющуюся асимметрию в распределении врачей, во-первых, по региону проживания в республике, во-вторых, по возрастным группам во всех районах республики. Остро стоит проблема обеспеченности врачебной помощью в районах, при этом необходимо принятие концептуальных решений для закрепления на текущих местах работы молодых врачей, прибывших на село по государственным программам.

Качество медицинской помощи в сельской местности остается одним из главных вызовов для российской системы здравоохранения. Проблемы, связанные с доступностью медицинских учреждений, нехваткой квалифицированного персонала и состоянием инфраструктуры, продолжают оставаться актуальными и требуют незамедлительного решения. Решение этих проблем выступает фактором сокращения неравенства в отношении здоровья граждан, проживающих в разных типах поселений.

Источники

- ПМА 2024а — количественный опрос сельских жителей по изучению вопросов качества медицинской помощи в сельской местности, N=580 респондентов, 13 районных центров, 30 сельских муниципальных образований Республики Калмыкия (апрель, май, июль 2024 г.)
- ПМА 2024б — интервью с главами сельских муниципальных образований, N=20 (13 районов Республики Калмыкия, апрель, май, июль 2024 г.)

Литература

- Блинова и др. 2020 — Блинова Т. В., Вяльшина А. А., Русановский В. А. Отношение сельского населения к своему здоровью и доступности медицинской помощи // Экология человека. 2020. № 12. С. 52–58.
- Блинова и др. 2021 — Блинова В. В., Богданова Т. М., Вологина А. П., Семёнова В. А., Занкин М. А. Удовлетворенность населения сельской местности качеством медицинской помощи // Здравоохранение Российской Федерации. 2021. Т. 65. № 3. С. 208–213.

- Груздева, Калачикова 2018 — *Груздева М. А., Калачикова О. Н.* Особенности самосохранительного поведения сельского населения // Синергия. 2018. № 4. С. 64–71.
- Женская профессия... — Женская профессия: среди врачей только 30% мужчин, а медбратьев лишь 5 % [электронный ресурс] // Российская газета. 09.03.2024. URL: <https://rg.ru/2024/03/09/reg-szfo/zhenskaia-professii-sredi-medicinskih-rabotnikov-lish-30-muzhchin-i-5-medbratov.html> (дата обращения: 01.12.2024).
- Исх. № 290 от 06.08.2024. Ответ на запрос. Министерство здравоохранения Республики Калмыкия.
- Каспрук, Медведева 2016 — *Каспрук Л. И., Медведева Ю. А.* Из истории развития земской медицины // Земский врач. 2016. №. 3-4 (31-32). С. 28-30.
- Козырева, Смирнов 2018 — *Козырева П. М., Смирнов А. И.* Проблемы медицинского обслуживания в сельской местности // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. №. 4. С. 33-49.
- Коробкова 2015 — *Коробкова О. К.* Проблемы совершенствования оказания медицинских услуг в сельской местности регионов Российской Федерации // Russian Journal of Economics and Law. 2015. №. 1 (33). С. 179–186.
- Ленина, Степанова 2017 — *Ленина Д. А., Степанова А. В.* Роль женщины в медицине // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2017. Т. 7. № 1. С. 484-486.
- Молчанова 2019 — *Молчанова Е. В.* Особенности развития системы здравоохранения в России // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 51–4. С. 67–71.
- Низова, Кислицына, Иванова 2018 — *Низова Л. М., Кислицына И. Г., Иванова С. И.* Зона риска как фактор профессионального выгорания медицинских работников // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. Т. 26. №. 3. С. 137-140.
- Обеспеченность населения врачами... — Обеспеченность населения врачами, работающими в государственных и муниципальных медицинских организациях (человек на 10 тыс. населения) [электронный ресурс] // URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61875> (дата обращения: 16.11.2024).
- Обеспеченность населения средними... — Обеспеченность населения средними медицинскими работниками, работающими в государственных и муниципальных медицинских организациях (человек на 10 тыс. населения) [электронный ресурс] // URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61874> (дата обращения: 16.11.2024).
- Оценка численности населения... — Оценка численности городского и сельского населения на 1 января 2017-2024 года [электронный ре-

- сурс] // URL: <https://30.rosstat.gov.ru/folder/40833> (дата обращения: 16.11.2024).
- Пациенты «Поездов здоровья»... — Пациенты «Поездов здоровья» чаще всего обращаются к эндокринологам и офтальмологам [электронный ресурс] // URL: <https://nnov.er.ru/activity/news/pacienty-poezdov-zdorovya-chashe-vsego-obrashayutsya-k-endokrinologam-i-oftalmologam> (дата обращения: 16.11.2024).
- Петухов 2022 — *Петухов Н. А.* Оказание медицинской помощи населению на примере Брянской, Калужской и Смоленской областей // Экономический вестник ИПУ РАН. 2022. Т. 3. № 3. С. 3–21.
- Попов 2024 — *Попов А. В.* Доступность медицинской помощи жителям, проживающим на территории обслуживания районных больниц // Дневник науки. 2024. № 9. С. 3–13.
- Пузанова, Хуртина 2014 — *Пузанова Ж. В., Хуртина В. В.* Особенности организационного поведения российских врачей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2014. № 2. С. 146–160.
- Тарантин 2020 — *Тарантин В. А.* Местное самоуправление в развитии здравоохранения в России: история и современность // Особенности государственной политики России в условиях санкций: сборник трудов Восьмой межвузовской науч. конф. (15 декабря 2020 г.). Химки: ФГБВОУ ВО АГЗ МЧС России, 2020. С. 304–316.
- Шабунова, Кондакова 2014 — *Шабунова А. А., Кондакова Н. А.* Региональный опыт реализации программы модернизации здравоохранения // Здравоохранение Российской Федерации. 2014. Т. 58. № 2. С. 8–13.
- Якушин и др. 2023 — *Якушин М. А., Бакирова Э. А., Яроцкий С. Ю., Воробьева А. В., Васильев М. Д., Горенков Р. В.* О современном состоянии и перспективах развития сельского здравоохранения. Менеджер здравоохранения. 2023 № 7. С. 20–32. DOI: 10.21045/1811-0185-2023-7-20-32

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: В. В. Куканова

2024. № 4

Переводчик: *Номинханова Б. О.*
Компьютерная верстка: *Когданов А. Н.*

Дата выхода 18.11.2024. Формат 60х90/16.
Усл. печ. л. 17. Тираж 100 экз. Заказ 30-24.
Подписной индекс 33086. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8